АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

3

МАЙ — ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1953

СОДЕРЖАНИЕ

За дальнейшее творческое развитие марксистского языкознания 3
О. С. Ахманова. Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания 25

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. П. Евгеньева. К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи 48
Л. И. Жирков. Об основном словарном фонде горских языков Дагестана 69

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

З. Б. Мухаммедова. Замечания о языке переводов русской художественной литературы на туркменский язык 81
Л. Л. Колосс. О предмете стилистики 93

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

И. П. Мучник. К вопросу о характере курса «Введение в языкознание» 100

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

И. М. Ошанин. Китайское языкознание в 1952 году 106
О. П. Петрова. Вопросы языка в Корейской Народно-Демократической Республике 112

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. А. Фессалоницкий. Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления 121
Р. Р. Гельгардт. *С. И. Ожегов.* Словарь русского языка, 2-е изд. . . . 131
В. И. Борковский. *С. Д. Никифоров.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века 139
П. А. Расторгуев. *Т. П. Ломтев.* Белорусский язык 143
Г. В. Степанов. *J. Casares.* Introducción a la lexicografía moderna 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. З. Ахмеров. Языкознание в Башкирии 156
М. М. Гаджиев и Ш. И. Микаилов. Научная сессия, посвященная вопросам нормализации дагестанских литературных языков 159
Г. И. Михайлов. Языковедческая конференция в Бурят-Монгольской АССР 162

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-04815 Подписано к печати 3.VI.1953. Тираж 15000 экз. Зак. 1187
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Бум. лист. 5¹/₄ Печ. л. 14,38. Уч.-изд. л. 17,3

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

20 июня 1953 г. завершается третий год развития советского языкознания в том направлении, которое было указано работой И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», напечатанной в газете «Правда» 20 июня 1950 г.

«Имя Сталина справедливо стоит рядом с именами величайших людей во всей истории человечества — Маркса — Энгельса — Ленина» [1]. Творческая деятельность И. В. Сталина — образец сочетания огромной теоретической мощи с исключительным по своему объему и размаху практическим опытом революционной борьбы и строительства социалистического общества.

«Уход из жизни нашего вождя и учителя Великого Сталина,— сказал Г. М. Маленков в своей речи на похоронах И. В. Сталина,— возлагает на всех советских людей обязанность множить свои усилия в осуществлении грандиозных задач, стоящих перед советским народом, увеличивать свой вклад в общее дело строительства коммунистического общества, укрепления могущества и обороноспособности нашей социалистической Родины» [2].

Советская наука является одной из тех сил, которые активно помогают строительству новой жизни, строительству коммунизма. Вооруженная диалектико-материалистическим методом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, передовая наука превратилась в творческую революционную науку о закономерностях развития природы, общества и человеческого мышления. Марксизмом открыты основные законы человеческой истории. Великие корифеи марксистской философии своими трудами наглядно показали революционную мощь и творческую научную силу марксистского диалектического метода, его способность быть теоретической основой самых разнообразных специальных научных исследований и — вместе с тем — его способность развиваться и обогащаться новыми достижениями науки и общественной практики.

Сила марксизма-ленинизма состоит в том, что как подлинная наука он отражает объективные процессы в природе и в обществе, происходящие независимо от воли людей. Вооружая человечество пониманием объективных законов развития, марксизм-ленинизм дает возможность использования этих законов в интересах общества, возможность научного предвидения, сознательного воздействия на природу и на общественную

---

[1] Г. М. Маленков, Речь на траурном митинге в день похорон Иосифа Виссарионовича Сталина, Госполитиздат, 1953, стр. 6.

[2] Там же, стр. 14.

жизнь. Марксистская философия — это теоретическая основа всякого специального знания. Марксизм-ленинизм изучает и формулирует всеобщие объективные законы, действующие во всем мире в целом, во всех его областях, а специальные науки раскрывают законы, действующие в пределах той или иной ограниченной области объективного мира или нашего мышления, и разрабатывают свои специальные, частные методы исследования. Марксистская философия не подменяет специального знания и не сводится к нему. Являясь методологической базой всякой истинной науки, она вместе с тем обобщает существенное содержание всех специальных знаний [3].

Не все науки сразу и в одинаковой мере были вовлечены в сферу марксистского диалектико-материалистического исследования. Из общественных наук языкознание позднее всего подверглось глубокому влиянию марксизма и обусловленному этим влиянием коренному преобразованию, хотя в основополагающих трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина языковеды всегда могли находить для себя указания по многим вопросам теории и истории языка.

2

Правильное понимание марксистских положений в области языкознания требует от языковедов свободного владения методом марксистской диалектики и глубокого знания марксистской философии. В самом деле, в марксистской теории языка все положения, все определения основных понятий языкознания взаимосвязаны. Они представляют собою творческое развитие марксистского понимания законов истории общества и разных общественных явлений. В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин в описании языка, его структуры и его общественных функций осуществляет принцип диалектического исследования предмета, сформулированный В. И. Лениным: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения» [4].

Указывая на то, что «историческая теория Маркса наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектический взгляд на природу делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию», Ф. Энгельс писал: «... задача и там и тут заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах» [5]. «Исследование,— учит К. Маркс,— должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь» [6]. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» излагает обобщения закономерностей исторического развития языка и общества в их взаимосвязи, в многообразии взаимодействий языка с другими общественными явлениями. Ведь природа и специфика общественного явления обусловливает характер его внутренних законов. Законы диалектического развития отдельных общественных явлений отражают специфические особенности каждого данного явления и охватывают конкретно-исторические условия его развития.

---

[3] См. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 329.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.
[5] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, 1952, стр. 52.
[6] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 19.

Специфическая особенность языка как общественного явления состоит в его общенародном характере, в неразрывной связи жизни и истории языка со всей историей общества. Без языка общество не может существовать и развиваться, и вне общества нет языка. Развитие языка отражает развитие народа — его творца и носителя, и в то же время язык является могучим орудием развития этого народа. Вне истории народа невозможно научное исследование истории языка. Закономерно сменяющиеся способы производства, типы производственных отношений накладывают свой отпечаток на язык, но не ломают его структуры и не определяют периодизации его развития. Изменения в историческом содержании и объеме категорий народа также не могут не найти отражения в языке. Язык рода и племени, язык народности и национальный язык различаются по сложности и по многообразию своего общественного применения, по степени своего развития, по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов, по элементам своего качества.

Само собой разумеется, что самые возможности развития языка племени, его способность стать языком народности, а языка народности — стать языком нации обусловлены экономическими и культурно-политическими условиями развития народа. В трудах Ф. Энгельса и И. В. Сталина установлены основные закономерности истории народных диалектов в период развития племенного языка и языка народности; в работах К. Маркса, В. И. Ленина и И. В. Сталина глубоко освещаются типические формы и характерные процессы складывания языков народностей и национальных языков на базе народных диалектов. При изучении истории языка в неразрывной связи с историей народа раскрывается характер противоречий между общенародностью языка и внутренним диалектным многообразием данного языка.

Связи, взаимодействия и соотношения между общенародным языком и местными территориальными «ответвлениями» от него различны в разные периоды истории народа. И. В. Сталин указал на то, что народные диалекты подчинены общенародному языку, как низшие формы высшей. Специфические особенности этого «подчинения» (так же, как и степень внутренней слитности, единства языка) зависят от исторически обусловленного состояния общества. Они различны в разные эпохи истории народа. Они связаны с развитием от языков родовых к племенным, от племенных к языкам народностей и затем к языкам национальным. Ф. Энгельс, перечисляя основные черты союза пяти ирокезских племен, в качестве первой из них указывает на кровное родство, составлявшее подлинную основу союза, и на «общий язык, имевший только различия в диалектах...», бывший «... выражением и доказательством общего происхождения» [7].

Степень и характер этого диалектного разнообразия, подчиненного языковой общности, т. е. существующего в пределах той или иной языковой общности, и соответственно степень внутренней слитности языка союза племен, языка народности обусловлены общественно-историческими причинами. В истории разных народов наблюдались исторические процессы, «... когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолоться в едином языке,— оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков» [8].

---

[7] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 97.

[8] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 44.

В период развития национального языка народно-областные диалекты теряют свою самобытность, постепенно перемалываются в едином общенародном языке и растворяются в нем. В эту эпоху прекращается процесс дальнейшей дифференциации диалектов, процесс возникновения и развития крупных диалектных новообразований; диалекты уже не могут быть базой новой высшей формы общенародного языка.

Содержащаяся в трудах классиков марксизма-ленинизма характеристика исторических отношений между диалектами и национальным языком основана на глубоком обобщении процессов образования национальных языков и наций в разных странах. Резкое диалектное дробление у народа, вступившего в период национального развития, может быть некоторым тормозом для приобщения широких народных масс к активному участию в культурном строительстве.

В этом отношении показательны выводы и замечания основателя итальянской Коммунистической партии Антонио Грамши, связанные с проблемой отношения итальянского национального языка и его диалектов [9]. «Кто говорит на диалекте или понимает национальный язык в недостаточной степени,— писал А. Грамши,— тот неизбежно будет связан с мироощущением более или менее ограниченным и провинциальным, косным, анахронистическим в сравнении с великими течениями мысли,которые управляют мировой историей... Если не всегда имеется возможность изучить несколько иностранных языков для того, чтобы познакомиться с различными культурами, то во всяком случае необходимо хорошо изучить национальный язык. Великая культура может быть переведена на язык другой великой культуры... Но на диалекте этого сделать нельзя» [10].

Развитие языков социалистических наций связано со сложными, медленно протекающими и очень разнообразными процессами постепенного растворения местных диалектов в общенациональном языке. При этом необходимо иметь в виду, что процессы формирования языков социалистических наций в Советском Союзе очень многообразны. Их характер и течение обусловлены своеобразием истории соответствующего народа и уровнем его общественного развития. Необходимо различать специфические особенности развития в социалистическую нацию, с одной стороны, народов, ко времени Великой Октябрьской социалистической революции сохранявших еще многое из феодального уклада жизни (например, удмурты, таджики, башкиры, казахи), или народов и даже племен, не изживших еще патриархально-родового уклада и не всегда оседлых (хакасы, алтайцы), и, с другой стороны, буржуазных наций с длительной традицией культуры письменности и литературного языка. Таким образом, разработка марксистской теории исторического развития языка помогает осветить весь путь развития того или иного конкретного языка и объяснить характер и направление этого исторического движения. В связи с этим в советском языкознании укрепляется более глубокое понимание взаимоотношений исторической диалектологии, истории общенародного разговорного языка и истории литературного языка: историческая диалектология, изучая закономерности изменений диалектов в тесной связи с развитием общенародного языка, тем самым как бы вливается в историю общенародного языка, а с известной поры и литературного языка, и составляет органическую часть этой истории.

---

[9] См. Э. Я. Егерман, «Литература и национальная жизнь» Антонио Грамши, «Вопросы философии», М., 1953, № 1, стр. 215—221.

[10] A. Gramsci, Il materialismo storico e la filosofia di B. Croce, Torino, 1948 (цит. по вышеуказ. статье Э. Я. Егермана, стр. 220).

Вместе с тем марксистская теория исторического развития языка помогает нам по-новому осмыслить многочисленные факты, добытые предшествующими исследователями, и по-новому понять общие явления и процессы, более или менее эмпирически описанные и определенные в домарксистском языкознании. Так, изучение процессов накопления элементов нового качества, процессов, течение которых неразрывно связано с явлениями отмирания элементов старого качества, старой структуры, должно представить в исторически оправданной системе обширные ряды изменений языка, ранее суммарно и недифференцированно рассматривавшихся как явления грамматической и семасиологической аналогии.

Так называемая «аналогия» является способом языкового новотворчества, способом формирования и накопления элементов нового качества на базе наличной структуры языка. И. Схрейнен охарактеризовал аналогию как «языковое творчество ретроспективного характера» [11]. Ведь по аналогии строятся грамматические и лексико-семантические новообразования, основанные на материале старых форм. В истории нашего отечественного языкознания был высказан ряд таких соображений о явлениях аналогии, которые сохраняют до некоторой степени свое значение и для нас. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ еще в 1870 г. в статье «Несколько случаев влияния аналогии в польском склонении», систематизировав все случаи «нарушения звуковых законов аналогическим воздействием грамматических форм в именной флексии польского языка», связал вопрос о грамматической аналогии с развитием грамматических категорий языка [12]. Бодуэн говорит о «внутреннем значении, единстве грамматической категории», как о «скрытом факторе» процессов аналогии, о необходимости «более определенной связи между звуковой формой и ее функцией» (по поводу распространения род. падежа мн. числа на *-ów*), о тенденции «к упрощению и объединению тех языковых форм», «необходимость разграничения которых не ощущается», т. е. теряет общественную значимость [13].

В домарксистском языкознании процессы грамматической аналогии рассматривались в психологическом плане и не связывались с развитием языка в целом. Марксизм всем своим существом направлен против реакционной теории извечных, неизменяемых и только лишь перемещающихся «начал» и факторов действия. Марксистское учение о языке дает возможность исторически осмыслить, связать с конкретно-историческими законами развития грамматического строя и словарного состава отдельных языков те разнообразные явления, которые обозначались в предшествовавшей языковедческой традиции обычно лишь психологистически истолковываемым термином «аналогия».

3

Осваивая и разрабатывая марксистскую теорию развития языка, советские лингвисты стремятся исследовать в деталях закономерности исторического движения различных сторон национальных языков — их грамматического строя, словарного состава, звуковой структуры, смыслового содержания слов и выражений, стилистической системы. Вслед за статьями и сборниками, посвященными критике «нового учения» о языке,

---

[11] См. J. Schrijnen, Einführung in das Studium der indogermanischen Sprachwissenschaft, Heidelberg, 1921, S. 91 и 192.

[12] См. J. Baudouin de Courtenay, Einige Fälle der Wirkung der Analogie auf die polnische Deklination, «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung», B. VI, Berlin, 1870, S. 19—88.

[13] Там же, стр. 27, 63, 59 и 88.

у нас начали появляться большие исследования по описательной грамматике, а также истории и диалектологии языков народов Советского Союза. В языковедческих учреждениях нашей страны развернулась работа по пересмотру старых, домарксистских концепций в области истории и методологии языкознания, а также по созданию марксистских историй родных языков. Для теоретических выводов и обобщений необходимо углубление и расширение конкретно-исторической базы. Нужны многочисленные монографические исследования истории отдельных языков или групп родственных языков. Меньше всего изучены вопросы происхождения языков, например, русского, украинского, белорусского, армянского, таджикского и др. Так, языковеды-арменисты открыто признают, что происхождение, образование и развитие армянского языка, отмирание грабара, образование среднеармянского языка, современного армянского языка, классификация диалектов пока еще освещены недостаточно.

Какие широкие задачи поставлены перед советским языкознанием в области конкретно-исторического исследования отдельных языков, легко увидеть, если вникнуть в общую схему развития какого-нибудь языка, например, русского (как эта схема определилась в последних работах советских историков, языковедов и литературоведов). История русского языка — это органическая часть истории всех славянских языков, и начальные этапы этой истории восходят к общеславянскому языку-основе, к процессам его дифференциации и обособления западных, восточных и южных групп славянских народов и языков. Вслед за воспроизведением этих сложных и мало исследованных исторических явлений по отношению к истории русского языка возникает проблема интеграции племенных языков восточного славянства — в связи с формированием приблизительно в VIII—X вв. единого языка восточнославянской или древнерусской народности и диалектных группировок внутри него [14]. Процесс консолидации племен в союзы, а затем образования и более глубокой общности, называемой народностью,— процесс, поддерживавшийся государственным объединением восточных славян, сопровождался вместе с тем формированием письменности и литературного языка в среде восточного славянства.

В настоящее время доказано широкое и многообразное применение письменности на Руси X в. Возникновение письменности, как крупнейшее явление в истории культуры народа, представляет собой длительный процесс, зависящий от изменений в социально-экономическом развитии народа. Развитие письменности в обществе, где процесс классообразования еще не завершился возникновением государства, определяется потребностями оформляющихся классов. Причинами развития письменности являются нужды государственного управления и развивающейся торговли, для которых необходима упорядоченная переписка. Таким образом, уже на самой заре развития языка древнерусской народности наблюдается сложное взаимодействие между восточнославянскими племенными, а затем и территориальными диалектами, языком восточнославянской народности и складывающимся древнерусским литературным языком. Единство существенных черт или «основ» грамматического строя и общеславянского и общевосточнославянского ядра основного словарного фонда связывало восточнославянские диалекты с формирующимся языком дре-

---

[14] См. Б. А. Рыбаков, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, «Вопросы истории», М., 1952, № 9, стр. 40—62; ср. его же, Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, сб. «Советская археология», XVII, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 23—104; см. также «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6 и 1953, № 1 и 2.

внерусской народности, который складывался на базе говоров, окружавших Киев и преобладавших в самом этом городе.

Изучение всех этих сложных и пока во многом еще неясных процессов может быть плодотворным лишь при дружном объединении усилий диалектологов, историков общенародного разговорного русского языка и историков литературного языка. В самом деле, в настоящее время считается, что «киевский диалект (его основой был, повидимому, племенной язык полян) — послужил основой как общеразговорному, так и письменному языку древнерусской народности» [15]. Очевидно, именно на этой основе, хотя и со свободной примесью диалектных особенностей, формировались и развивались стили официально-деловой переписки Киевского государства. Как свидетельствуют языковые показания найденных проф. А. В. Арциховским новгородских берестяных грамот, широкая диалектная струя врывалась в строй как частной, так и официально-деловой переписки отдельных государственных образований.

Вместе с тем несомненно, как показали исследования члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, проф. Д. С. Лихачева и отчасти более ранние наблюдения проф. Л. П. Якубинского, что в формировании стилей древнерусского литературного языка сыграл очень большую роль язык восточнославянской устной народной словесности. «Фольклор,— пишет Д. С. Лихачев,— не только „породил“ литературу, сделал возможным самое ее появление, но он и помогал литературе в ее развитии во всё последующее время. Это действенное начало, шедшее от устного народного творчества, было гораздо менее заметным, чем „влияния“ литературы переводной, но оно было творческим, всего менее механическим и поэтому трудно уловимо для исследователя. Оно двигало литературу вперед, формируя вкусы, патриотизм, идеи, формируя национальные черты русской литературы, создавая то, что было в литературе древней Руси неповторимым, своеобразным, народным» [16]. Язык устного народного творчества дописьменного периода определил структуру литературно-художественного стиля древней Руси, например, стиля «Слова о полку Игореве».

В области изучения художественных стилей древнерусского литературного языка сделано еще очень мало. К тому же изучение процессов развития древнерусского литературного языка этим не исчерпывается. Вопреки утверждениям акад. С. П. Обнорского, мы не можем отрицать большую культурно-образовательную роль общелитературного языка славянства — языка старославянского — в формировании культовых, научно-философских и риторически-повествовательных стилей древнерусского литературного языка. Новейший историк древнерусской культуры справедливо заявляет: «Нет оснований преуменьшать значение христианской церкви на Руси в развитии письменности. Однако церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу в развитии русской письменности: не к ее началу, а к ее развитию» [17]. Таким образом, перед историками русского языка и его диалектов возникают большие проблемы и задачи изучения процесса сложения, образования древнерусской народности с единым на ее территории языком, при наличии в нем, конечно, местных диалектов, восходящих к племенным диалектам. От этого вопроса неотделим и не менее важный вопрос о возникновении древ-

---

[15] Г. И. Зикеев, К вопросу об исторических условиях развития русского национального языка на основе курско-орловского диалекта, «Вопросы истории», М., 1953, № 2, стр. 74.

[16] Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М.–Л., 1952, стр. 31.

[17] Там же, стр. 24.

нерусской письменности и древнерусского литературного языка с многообразием его стилей, в основной своей части восходящих к общественной практике устно-разговорной, диалектной речи восточного славянства и к разным жанрам устного народного творчества.

Само собой разумеется, что язык древнерусской народности, играя объединяющую роль, не мог в то же время преодолеть тех центробежных диалектных тенденций, которые углублялись в связи с развивающимся процессом феодального политического дробления, с изменениями государственных образований, с процессами смещения границ княжеств. Распад древнерусского государства, исторически обусловленный переходом общества на новую ступень феодальной формации, усилил территориальную раздробленность и культурную обособленность в среде древнерусского общества. Все это повело к обособлению местных территориальных диалектов и к их перегруппировке. Среди местных территориальных диалектов периода феодальной раздробленности уже в XII—XIII вв. начинают выделяться отдельные диалекты, которые позднее послужили базами, основами для складывания языков трех народностей — великорусской, украинской и белорусской. «Распад» древнерусской народности способствовал выделению новых диалектных групп в разобщенных государственных объединениях; параллельно с этим процессом происходило и смещение диалектных границ.

Таким образом, в XIV—XVI вв. протекает сложный процесс формирования трех восточнославянских народностей и соответственно — трех языков на базе разных народных диалектов. Историки предполагают, что начало формирования великорусской народности по времени предшествовало складыванию украинской и белорусской народности. Общие процессы, характеризующие формирование языка украинской народности, суммарно представлены в автореферате работы акад. Л. А. Булаховского, напечатанном в № 2 журнала «Вопросы языкознания» за 1953 г. Для истории русского языка основную роль сыграло объединение русских земель вокруг Москвы, положившее конец феодальной раздробленности. Оформление великорусской народности в XIV—XVI вв., в основном, совпадает с этим политическим и социально-экономическим процессом. Язык великорусской народности выступает, с одной стороны, как продолжение и развитие основного потока языка древнерусской народности; он впитывает в себя все общерусские изменения в грамматическом строе, например, смену общеславянской системы временных форм глагола новой восточнославянской, образование категории вида и т. п. С другой стороны, формирование языка великорусской народности было связано со смещением диалектной базы. Язык великорусской народности, в основном, ориентируется на ростово-суздальский диалект, а позднее на говор Москвы и окружающего населения. В связи с этой новой диалектной ориентацией находились изменения в основном словарном фонде, в словарном составе, в звуковой системе, а также и в грамматическом строе русского языка XIII—XVI вв.

Формирование великорусской народности и языка великорусской народности происходило на стыке поселений двух племен, сыгравших наиболее важную роль в формировании русского народа, — вятичей и кривичей [18]. К концу XV — началу XVI в. Москва становится «... общепризнанной национальной столицей русского народа, городом, претендовавшим на мировое историческое значение» [19]. В изучении процессов разви-

---

[18] См. «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 14, а также см. рецензию И. И. Смирнова на это издание в «Советской книге» (М., 1953, № 4, стр. 53).

[19] История Москвы, т. I, стр. 96.

тия новых диалектов русского языка с XII—XIII вв. и процесса образования языка великорусской народности в XIV—XVI вв. диалектологам принадлежит едва ли не решающая роль. В этом отношении данные диалектологических атласов русского, украинского и белорусского языков и обобщения этих данных приобретают особенно важное значение. Язык великорусской народности, сначала складывавшийся на ростово-суздальской и владимирско-московской основе, начинает с конца XIV — начала XV в. оказывать регулирующее влияние на другие областные диалекты Московского государства. С возвышением Московского княжества Москва привлекала все большее число людей из южновеликорусских областей. Плодом этого влияния явилось, с одной стороны, постепенное вытеснение из языка великорусской народности целого ряда севернорусских диалектных особенностей, а с другой — пополнение словарного состава языка великорусской народности южнорусской лексикой и развитие аканья. С середины XVI в. аканье интенсивно распространяется в московском посаде, среди приказной бюрократии, среди столичного дворянства, а с XVII в. также и при дворе, как об этом свидетельствуют письма Алексея Михайловича, его известный орфографический указ 1675 г. и, позднее, бумаги Петра Первого.

Объединяющая роль языка великорусской народности, приводившая к тому, что в городских центрах, а также на путях оживленных экономических сношений сглаживались и исчезали отдельные резкие черты местных диалектов, не находившие себе поддержки в государственном языке, была значительно сильнее и шире, чем когда-то такая же роль языка древнерусской народности. Она поддерживалась влиянием письменного литературного языка, вступившего в новую фазу своего развития. В связи с образованием языка великорусской народности происходили качественные изменения и в древнерусском литературном языке. Основной поток культурных традиций древней Руси влился в культуру великорусской народности. Здесь — на великорусской почве — продолжали своеобразно развиваться и стилистические традиции древнерусского литературного языка. Достаточно сослаться на отражение стилистики «Слова о полку Игореве» в стиле «Задонщины». Однако словарный состав, фразеологическая система, а отчасти и грамматический строй московского литературного языка, особенно его письменно-деловых и сказово-повествовательных стилей, подвергаются изменениям, отражая общие тенденции развития языка великорусской народности.

Московский деловой письменный язык подвергается обработке в деятельности московских государственных канцелярий. В частных актах он еще теснее сближается с великорусской, точнее — среднерусской народно-диалектной базой деловой речи. Тут постепенно формируются грамматические (прежде всего, морфологические) и орфографические нормы литературного языка на народной основе. Изучение диалектных наслоений и диалектных вариаций в языке московской деловой письменности XV—XVII вв. имеет очень большое значение для истории русского языка. Тут очень много неисследованного. Чрезвычайно существенны также почти никем не затронутые вопросы изучения языка народного творчества этой эпохи, особенно народной эпической поэзии, а также пословиц, тем более, что здесь очень рано начали складываться элементы общерусского национального языка. Показателен, например, язык записей народной поэзии, сделанных для Ричарда Джемса.

Однако наряду с этим широким потоком стилей литературного языка, близких к живой народной речи, в ту эпоху развивается в новом направлении и система других литературных стилей, связанных с церковнославянским языком и отчасти обращенных к предшествующей традиции разви-

тия древнерусского литературного языка. Так называемое второе южнославянское влияние отвечало внутренним потребностям развития этих стилей литературного языка с конца XIV — начала XV в. Тут также начинала развиваться тенденция к единым, но «славянизированным» литературным нормам. Такие литературные деятели XVI в., как Зиновий Отенский, считали совершенно недопустимым «книжные (речи) народными обезчещати». Князь Курбский высоко ценил «книжные пословицы славенские, лепотами украшенные». Слог Ивана Грозного с его переходами от высокого стиля к грубому просторечию казался Курбскому «варварским». Само собой разумеется, что предохранить высокий славянизированный слог от вторжения просторечия не удавалось. Но все шире развертывавшаяся в XVI и XVII в. борьба между разными социальными группами за нормы литературного языка является ярким симптомом складывающегося и растущего национального самосознания.

С XVI в., особенно с середины его, в самом языке великорусской народности начинает усиливаться влияние южновеликорусских элементов. По мнению некоторых советских историков, «начиная с XVI в., можно говорить о сложении общности языка великорусской народности, той общности, которая в дальнейшем привела к сложению национального языка» [20]. Именно с этого времени начинается новое постепенное перемещение народно-диалектной базы общерусского языка. Как указано И. В. Сталиным, курско-орловская речь ложится в основу национального русского языка. История самих курско-орловских говоров, несмотря на усердную работу по их изучению проф. С. И. Коткова, продолжает оставаться во многом очень неясной.

Конкретно-исторического исследования того, как происходило развитие языка великорусской народности в национальный русский язык на южно-великорусской базе на протяжении XVII и XVIII в., у нас еще нет. Само собой разумеется, что далеко не все черты диалекта, легшего в основу национального языка, становятся общенародными и определяют структуру складывающегося на его базе литературного языка, уже имевшего богатую традицию. Частные особенности диалекта, не отражающие общих закономерностей и уже определившихся и закрепившихся тенденций исторического развития общенародного языка, не входят в национальный язык (так именно следует понимать роль курско-орловского говора в образовании русского национального языка). Вместе с тем носители других диалектов также участвуют в обогащении и развитии своего национального языка. Естественно, что речевые элементы из разных диалектов, включаясь в национальный язык, подвергаются общенародной литературной обработке.

С процессом образования национального русского языка был тесно связан процесс как бы все большего погружения в него литературного языка. Одним из средств, способствовавших этому, было формирование и развитие единых норм разговорно-литературной речи, повидимому, уже с начала XVIII в., а также широкое развитие общенародного городского просторечия. Кроме того, интенсивно развиваются так называемые «посредственные» или средние стили литературного языка, в которых происходит своеобразный процесс литературной обработки просторечия и национализации элементов высокого славянизированного слога, а этот «красный слог», в свою очередь, постепенно освобождается от обветшалых, архаических элементов. Российская грамматика и риторика Ломоносова чрезвычайно ярко отражают эти сложные явления и процессы.

В конце XVII в., по утверждению Вильгельма Лудольфа, в России

[20] Г. И. Зикеев, указ. соч., стр. 75.

было «невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком», а к концу XVIII в. определяются основные черты национальной русской научной, особенно естественно-научной, терминологии, формирующейся на базе общенародного языка. В творчестве Пушкина устанавливается норма национального русского литературного языка. Язык последующей художественной литературы энергично содействует не только совершенствованию общенародного языка, но и углублению народных корней и основ литературной речи и перемалыванию диалектов в национальном русском языке.

Это краткое и очень суммарное изложение общей исторической схемы развития русского языка, как она ныне вырисовывается в исследованиях и статьях русских историков, историков языка и историков литературы, имело своей целью показать, какие новые и богатые перспективы открыты перед советским языкознанием и как целесообразно в настоящее время направить важную и ответственную работу по изучению памятников письменности, по исследованию современных говоров, по составлению диалектологических атласов на решение основных, узловых вопросов истории русского языка (так же, как и других языков нашей страны).

Само собой разумеется, что для построения конкретных историй отдельных языков на основе марксистского учения о языке необходимо накопление новых материалов. Какие огромные и неожиданные исторические перспективы могут раскрыться при успешном ходе таких исследований и разведок, показывают результаты раскопок 1951 и 1952 годов в Новгороде. Открытие проф. А. В. Арциховским 83 берестяных грамот XI—XVI вв. бросает новый яркий свет на историю древнерусской письменной культуры и древнерусского языка. Если поверить датировке грамот по их нахождению в слое того или иного века, как это предлагает А. В. Арциховский (хотя, повидимому, некоторые переносы устанавливаемых им дат в более поздний век необходимы), то придется существенно изменить многие уже установившиеся представления об этапах и ходе развития звукового и отчасти грамматического строя русского языка[21].

Понятно, что предстоит еще огромная работа по уточнению как чтения найденных грамот, так и особенно времени их написания. Но несомненно одно: новые факты, новые открытия помогают советским историкам и языковедам глубже понять и осветить быт, культурный уровень древнерусского общества и развитие письменности и языка, начиная с XI в. и ранее.

К сожалению, заготовка материалов для создания полноценных историй отдельных языков (как в области исследования памятников, так и в сфере диалектологических изучений) производится у нас все еще недостаточно. В некоторых национальных республиках и областях (например, в Казахстане, в Туркмении, в Узбекистане, в Литовской республике, в Белоруссии и др.) работа по историческому и сравнительно-историческому изучению родных языков развернута слабо. В области изучения тюркских языков заслуживают внимания труды члена-корр. АН СССР С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» и «Енисейская письменность тюрков». Обе книги составляют единое целое. Они дают представление о памятниках древней тюркской письменности с V по XV в. В авторском введении к «Памятникам древнетюркской письменности» дается принципиально новая классификация тюркских языков. Труды С. Е. Малова являются плодом многолетней работы по

[21] См. А. В. Арциховский, Раскопки 1952 года в Новгороде, «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 54—55; см. также «Вопросы истории», М., 1953, № 1.

дешифровке и изучению памятников. Они существенно облегчают задачу воссоздания истории тюркских языков. К сожалению, связь истории тюркских языков с историей соответствующих народов не раскрыта в этих трудах с надлежащей полнотой и глубиной.

Недостатком исторических обобщений страдает также изданная Институтом языкознания книга проф. В. И. Лыткина «Древнепермский язык». Эта работа содержит подробное описание памятников древнепермской письменности, значительное количество которых публикуется впервые. В книге В. И. Лыткина выясняется происхождение древнепермского письма, созданного во второй половине XIV в. на основе одного из диалектов языка коми. В результате расшифровки памятников автору удалось получить свыше 800 слов связного текста, в котором отражаются особенности одного из финно-угорских языков, существовавшего 500—600 лет назад. Материалы древнепермского языка представлены на фоне современных диалектов коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков.

Несомненный интерес представляют также изданные Институтом языкознания книги: «История скандинавских языков» проф. М. И. Стеблин-Каменского, «Историческая морфология французского языка» акад. В. Ф. Шишмарева, подготовленные к печати «Материалы и исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» под редакцией члена-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева и некоторые другие работы по истории языков.

В тесной связи с исследованиями по истории языков находится изучение диалектов. Значительным событием в развитии русского языкознания явится издание уже подготовленных к печати двух выпусков «Диалектологического атласа русского языка». Из других диалектологических работ, выполненных Институтом языкознания, следует отметить: «Очерки по таджикской диалектологии» В. С. Расторгуевой, «Уйгурский язык и его диалекты» С. Е. Малова, «Основные вопросы изучения хакасского языка и его диалектов» Н. К. Дмитриева и Ф. Г. Исхакова и другие.

Кроме того, в Институте языкознания ведется работа по изучению северотаджикских говоров, шугнано-рушанской группы памирских диалектов, диалектов языков коми, якутского, хантыйского, эвенского, корякского и даргинского.

4

В Советском Союзе широко развернулась работа по исследованию грамматического строя и словарного состава языков нашей страны. В свете марксистского понимания структуры языка составляются грамматические очерки различных языков. Важное значение для дальнейшего изучения грамматического строя разных языков, несомненно, будет иметь (несмотря на свои недостатки) подготовленная сотрудниками Института языкознания «Грамматика русского языка». Она представляет собой фундаментальный коллективный труд общим объемом около 130 печатных листов. Первый том ее уже издан. Это — первый опыт построения нормативной (к сожалению, недостаточно нормативной) русской фонетики и морфологии (включая и словообразование). Возросший интерес к своему родному языку, его развитию и совершенствованию, наблюдающийся в нашей стране, усиливает общественную потребность в таком труде. Второй том «Грамматики русского языка», посвященный синтаксису, выйдет в двух полутомах. Впервые в истории для освещения различных сторон грамматического строя русского языка привлечен огромный материал из русской классической литературы XIX и начала XX в. и из советской художественной литературы.

Закономерное развитие культур социалистических наций связано с последовательной борьбой за чистоту национального языка, за его постоянное обогащение из животворного источника народной разговорной речи. Разрабатывая вопросы теории в неразрывной связи с практической созидательной работой, советские языковеды должны ближе подойти ко всему многообразию языковой практики, уделять больше внимания языку массовой печати и радио, языку художественной литературы, сценической речи, преподаванию родного языка в школе, вопросам письменности и орфографии, вопросам теории и практики перевода, вопросам культуры речи во всем ее объеме.

По пути Октября, по пути строительства новой жизни вместе с советским народом идут народы Китайской Народной Республики, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании, Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики. Наблюдения над развитием языков народов этих стран должны занять важное место в исследованиях наших ученых. Отрадно сознавать, что в этом направлении уже сделаны некоторые шаги. В частности, подготовлен первый том «Грамматики венгерского языка».

Несмотря на сильные разрушения в области историко-грамматических исследований, произведенные «новым учением» о языке, советское языкознание имеет несомненные и большие заслуги в области изучения и научного описания грамматического строя языков народов Советского Союза. Известны созданные в последнее время грамматические труды по языкам тюркоязычных народов (С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, Е. И. Убрятовой, Л. Н. Харитонова и др.), по старописьменным и младописьменным языкам Кавказа (А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе, Г. А. Капанцяна, Г. А. Ачаряна и др.), по украинскому языку (Л. А. Булаховского), по финно-угорским языкам (В. И. Лыткина, А. С. Сидорова, Б. А. Серебренникова и др.); подготавливаются работы, посвященные описанию грамматического строя отдельных языков народов Севера. Быстро и успешно продвигается углубленное исследование грамматики русского языка.

Однако печальные последствия временного господства «теории» акад. Н. Я Марра, затормозившей работы по созданию грамматик целого ряда языков, до сих пор еще сохраняются в нашей науке. Не случайно у нас все еще нет научных грамматик белорусского, таджикского, туркменского, тувинского, татарского, удмуртского, мордовских, молдавского, осетинского, кабардино-черкесского и целого ряда других языков. С другой стороны, для некоторых языков создавались грамматики на ложных, методологически порочных основах, которые еще и до сих пор дают себя чувствовать в отдельных грамматических трудах (например, в трудах казахских языковедов).

Современный этап изучения грамматического строя многих языков (например, финно-угорских, языков народов Севера и др.) характеризуется стремлением к разработке отдельных частных вопросов грамматики, именно тех, которые представляются спорными или неясными. В диссертациях, статьях и монографиях описываются разные явления словообразования, морфологии и синтаксиса конкретных языков, делаются попытки установить закономерности развития отдельных сторон грамматического строя языка. Такая работа является необходимой подготовкой к описанию грамматической системы языка в целом.

Переход от общих рассуждений на грамматические темы к исследованию и решению конкретных проблем грамматики разных языков с учетом национальной специфики каждого из них следует всемерно поддержать. Понятно, что в грамматиках отдельных языков или групп родственных

языков есть свои темные места, свои трудности. Специалистам по соответствующим языкам следует объединить свои усилия, координировать свои исследования и прийти к согласованному решению спорных вопросов. Так, на организованном в Институте языкознания совещании по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии членом-корр. АН СССР Н. К. Дмитриевым был выдвинут ряд спорных и нерешенных проблем описательных грамматик тюркских языков: о категории наклонения и вида глагола, о переходности и непереходности глаголов; в системе склонения — вопрос о неопределенном или основном падеже; вопрос о категории принадлежности; о прилагательных и современных изменениях в их морфологической структуре; о местоимениях, об их анализе и классификации; в области синтаксиса — вопрос о разграничении обстоятельства и дополнения; о целесообразности пользоваться понятием «приложение» при наличии определения изафета; о структуре условного периода; о категориях определенности и неопределенности; о новейших изменениях в системе управления и, следовательно, в формах словосочетаний; вопросы о системе частей речи в тюркских языках; о формах сложного предложения и о придаточных предложениях.

Конечно, этой тематикой не исчерпывается список спорных вопросов грамматик тюркских языков. Очень важно выделить такие вопросы и коллективными усилиями найти их правильные решения. Среди вопросов изучения грамматического строя разных языков в последнее время особенно выдвинулись и плодотворно обсуждались два: 1) вопрос о специфических особенностях системы частей речи в разных языках (в китайском — труд А. А. Драгунова, в алтайских — Г. Д. Санжеева, в монгольских — Д. А. Алексеева, в казахском — А. И. Искакова, в якутском — Л. Н. Харитонова, в русском — Н. С. Поспелова, А. Б. Шапиро и др.) и 2) вопрос о путях развития сложного предложения (в японском языке — работа Н. И. Фельдман, в удмуртском — П. Н. Перевощикова, в бурят-монгольском — Т. А. Бертагаева и др.).

Надо надеяться, что углубленная разработка конкретных вопросов грамматического строя будет содействовать и развитию грамматической теории в том направлении, которое указано трудом И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Изучение вопросов о соотношении морфологии и синтаксиса применительно к грамматическому строю разных языков, о взаимодействии и разграничении грамматики и лексики, о видах грамматической абстракции, о природе морфологических и синтаксических категорий, об отношениях между фонетикой и грамматикой, между семантикой и грамматикой, о грамматике и логике, о предложении и суждении, о принципах составления описательных и исторических грамматик, о нормализации грамматических явлений, о стилистических вариантах в системе грамматики живого языка и других важных вопросов грамматического строя еще мало продвинулось у нас вперед. Будем надеяться, что подготавливаемый Институтом языкознания теоретический сборник «Вопросы грамматического строя» явится значительным событием в развитии научной теории грамматики.

5

Еще не преодолено отставание в области исследования вопросов исторической лексикологии и семасиологии. Правда, обозначилось некоторое оживление в сфере исследования вопроса об основном словарном фонде и закономерностях его исторического развития. Но — вследствие недостаточно углубленной разработки истории лексических систем отдельных языков — обсуждение этого важного вопроса нередко сопровождалось

априорными, не вытекающими из исторического анализа словарного состава того или иного языка рассуждениями о структуре, границах и признаках основного словарного фонда.

С проблемами лексикологии отчасти соприкасается изданный Институтом языкознания АН СССР сборник «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Институтом языкознания подготовлен также теоретический сборник «Вопросы лексикологии», в котором исследуются в историческом и сравнительно-историческом разрезе закономерности развития основного словарного фонда и словарного состава разных языков. Однако многие вопросы исторической лексикологии, например, вопрос об омонимах, о принципах и правилах семантической группировки слов в разные периоды истории языка, о законах изменений значений слов, о социально-исторических причинах словотворчества, о правилах связи значений одного и того же слова в разных лексических системах того или иного языка в разные эпохи и т. п., в этом сборнике вовсе не затронуты.

Сектор тюркских языков Института языкознания занимается исследованиями в области сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков. Подвергаются историко-этимологическому анализу группы слов, принадлежащие главным образом к основному словарному фонду тюркских языков. Успешное завершение этой работы будет иметь значение не только для специальной сферы тюркологии, но и для общей теории лексикологии и семасиологии.

Необходимо дальнейшее углубление и расширение исследований по вопросам описательной и исторической лексикологии разных языков. В качестве подготовительных работ целесообразно поощрять изучение народно-диалектной лексики, лексики памятников письменности и художественной литературы, составление диалектологических словарей, а также словарей языка крупнейших национальных писателей. Состояние лексикологических исследований отчасти сказывается и на теории и практике составления словарей. Разграничение основных типов или видов значений слова, принципы определения и различения омонимов, приемы размещения фразеологического материала, способы выделения и семантической характеристики фразеологических выражений, критерии стилистической классификации лексики, понятие лексико-фразеологической системы языка и другие вопросы важны не только для лексикологии, но и для лексикографии.

В Советском Союзе развернулась огромная, не знающая аналогии в истории культуры деятельность по созданию сопоставительных (русско-инонациональных и инонационально-русских) словарей, а также толковых словарей национальных языков (армянского, грузинского, литовского, украинского и других). Советская культура находит отражение в общем для языков народов Советского Союза лексическом (словарном) фонде социализма. В формировании этого фонда играет огромную роль язык великой русской нации — неиссякаемый источник обогащения всех языков социалистических наций. Языковедами ведется работа по составлению большого четырнадцатитомного академического словаря, который должен отразить развитие словарного богатства русского языка от Пушкина до наших дней. Готовится также малый трехтомный словарь, отражающий живой, активный запас слов современного общенационального русского языка. Должен выйти в свет теоретический сборник «Вопросы теории и практики словарного дела».

Быстрое обогащение словарного состава национальных языков народов Советского Союза, связанное с развитием советской экономики, техники и науки, с расцветом социалистической культуры, должно быть предметом

самого внимательного и усердного изучения. Вследствие роста лексики в языках социалистических наций толковые словари этих языков быстро устаревают. Так, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, отражающий лексику русского литературного языка 20—30-х годов XX в., уже не включает в себя тысячи слов, типичных для современного литературного словоупотребления.

Любопытно, что четырехтомный толковый словарь армянского языка, составленный покойным акад. Ст. Малхасянцем и изданный в 1946 г., уже не может полностью удовлетворить современные требования армянского народа. В этом словаре не нашли отражения многие слова, обороты и выражения, относящиеся к современной жизни. Вот почему Институт языка АН Армянской ССР уже с 1947 г. приступил к подготовке нового толкового словаря современного армянского языка.

Роль русского языка и русской культуры в развитии армянского языка характеризуется материалами четырехтомного большого русско-армянского словаря (больше 100 тыс. слов), уже подготовленного к печати. Задача словаря — сделать достоянием широких масс армянского народа нормы литературной русской речи и дать важное пособие переводчикам с русского языка на армянский. Обобщение богатого лексикографического опыта, накопленного в работе над разнотипными словарями разных языков, должно иметь большое значение не только для развития советской лексикологии и семасиологии, но и для построения стилистик разных национальных языков.

6

Не все важные вопросы советского языкознания разрабатываются равномерно. Мало успехов достигнуто в освещении проблемы языка и мышления, хотя и появилось значительное количество статей по относящимся сюда общим и частным вопросам. В этих статьях, чаще всего написанных философами, обычно не учитываются специфические особенности структуры языка в ее развитии [22]. Необходима совместная, коллективная разработка указанных проблем объединенными творческими усилиями философов и языковедов.

Мало нового внесено за последние годы советским языкознанием и в методику и методологию сравнительно-исторического исследования родственных языков. И тут условием творческого развития соответствующей тематики является глубокий захват конкретно-исторического материала. Институт языкознания АН СССР выдвигает как одну из проблем научного исследования на 1954 г. проблему сравнительно-исторической лексикологии, усовершенствование ее метода и метода этимологических исследований.

Незначительно продвинулось вперед также исследование языка художественной литературы, изучение стиля писателя. Тут особенно необходимо сотрудничество языковедов и литературоведов. Индивидуальное своеобразие стиля писателя тесно связано со своеобразием его мыслей, его мировосприятия и мировоззрения. Анализ языка и стиля автора помогает глубже уяснить и строй его мыслей, его взглядов в их внутренней, взаимной связи. «Идеи не превращаются в язык таким образом, чтобы при этом исчезло их своеобразие...» [23].

В кругу вопросов изучения языка советской художественной литературы все острее выступает вопрос о речевых качествах стилей советского

[22] Ср., например, статью Д. П. Горского «*О роли языка в познании*» («Вопросы философии». М., 1953, № 2), в которой значение слова рассматривается вне системы языка, вне исторической перспективы развития семантики.

[23] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99.

фольклора и о влиянии их на язык советской литературы. Необходимо углубленное языковедческое, стилистическое исследование советского народного поэтического творчества. Наши этнографы и фольклористы, сетуя на то, что «гармонии формы и содержания мастера советского народного искусства достигают еще далеко не всегда» [24], обычно ограничиваются самыми общими критическими рассуждениями, оценками и рекомендациями.

В критической литературе отмечалось, что вопрос о языке народной сказки имеет большое значение и для советской художественной литературы, в которой жанр сказки занимает не последнее место. Сказки Писахова, бабушки Куприянихи (А. К. Барышниковой), А. Толстого, В. Катаева, С. Маршака, Арк. Гайдара, Вит. Бианки, Мих. Кочнева и особенно сказы П. Бажова справедливо расцениваются как значительное достижение советской литературы. Вместе с тем в нашей критике указывалось, что авторы сказок часто некритически переносят «систему традиционных сказочных образов старой сказки в советскую обстановку...» [25].

Изучение типического в языке и стиле художественной литературы может дать критерий для оценки отбора речевых средств писателя, для оценки тех явлений стиля писателя, которые падают на долю его индивидуального творчества. Решение всех этих задач и проблем требует от нас марксистского творческого подхода, связанного с углубленным исследованием и анализом конкретного языкового материала.

7

Борьба с буржуазно-идеалистическими и вульгарно-материалистическими концепциями является одной из форм развития марксистской науки о языке. Внедрение марксизма в языкознание требует всестороннего и решительного разоблачения всех антинаучных идеалистических теорий в сфере общего и конкретно-исторического языкознания. В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» получили яркое марксистское освещение основные общественные категории, с которыми связан язык в своем развитии. Но многие вопросы как общего, так и конкретного исторического и сравнительно-исторического языкознания, которые уже возникли и — при расширении круга исследований — еще в большем количестве будут возникать, например, вопрос о предмете, границах и об основных понятиях семасиологии, о фонеме и фонологии, о принципах описания системы языка, о принципах периодизации истории языка и многие другие, должны решаться самими языковедами на основе творческого применения и развития руководящих положений марксизма-ленинизма.

Естественно, что при разрешении этих проблем нельзя обойти не только уже накопленные и обобщенные материалы, но и те теории, которые были выдвинуты по тому или иному вопросу в домарксистском языкознании. Внедряя марксизм в языкознание, разрабатывая основы марксистской теории и истории языка, советские языковеды должны вскрывать реакционную сущность лингвистических концепций современных идеологов империализма. С выполнением этой задачи связан и другой долг наш — «... воспитывать будущих специалистов в духе непримиримости ко всем и всяким проявлениям буржуазной идеологии...» [26]. Языковед-марксист

[24] В. И. Чичеров, Вопросы изучения творчества народов СССР, «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 41.
[25] Д. Нагишкин, О сказке, «Новый мир», М., 1953, № 3, стр. 223.
[26] Важная задача высшей школы [передовая], «Правда» 14 января 1953 г.

легко отличит историческую истину от фальсификации истории, диалектику от софистики, подлинный закон развития языка от убогой идеалистической формулы.

Проф. Л. Ельмслев, считающийся главой копенгагенского структурализма, опубликовал статью «Метод структурного анализа в лингвистике» [27]. Статья написана на русском языке. Тут нельзя не увидеть вызова и «призыва», обращенного к нашим лингвистам. Общеизвестно, что структурализм изучает язык не как специфическое общественное явление в его конкретно-исторической полноте и содержательном многообразии форм и значений, а как абстрактную и изолированную «систему соотношений» [28]. «Проявление языка в звуках или письменных знаках или значениях,— заявляет Ельмслев,— остается безразличным для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы» [29]. Главным предметом языкознания объявляется самый «остов соотношений» между знаками или между значениями как в речевой цепи, так и в парадигмах грамматики [30].

Вопреки факту конкретно-исторического многообразия языковых структур, структурализм полагает, что «единицы языкового выражения остаются теми же самыми, независимо от представляющих их звуков, а единицы языкового содержания остаются теми же независимо от представляющих их значений» [31]. Отрыв от «языковой материи» ведет к антиисторизму.

В процессе исторического развития языка для структурализма существенны лишь те изменения, которые затрагивают идеальную, т. е. произвольно и априорно построенную «систему соотношений», а все другие языковые изменения останутся за пределами лингвистического изучения. Так искажается язык, вернее, вместо языка выступают призрачные «искусственные препараты» соотношений, которые могут, как в игре, функционально видоизменяться вне всякой связи с развитием общества. Язык для структуралиста — это идеальная схема, «противоположная той случайной (фонетической, семантической и т. д.) реализации, в которой выступает эта схема», т. е. противоположная конкретно-исторической языковой системе.

Л. Ельмслев отождествляет свое понимание языка с общим определением «структуры» у представителя так называемого логического позитивизма (вернее, метафизической логистики) идеалиста Р. Карнапа. Карнап определяет структуру, как «явление чистой формы и чистых соотношений». По его мнению, каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношение [32]. Известно, что Карнап отрицает целесообразность изучения взаимоотношения между выражением и тем предметом, которое оно обозначает. «Нельзя ничего говорить о значении символов или о смысле выражений,— пишет Карнап в своем «Логическом синтаксисе»,— можно говорить только о видах и порядке символов, при помощи которых конструируются выражения» [33]. Идеалист-реакционер Б. Рэс-

---

[27] Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, «Acta Linguistica», Copenhague, 1950—1951, v. VI, f. 2—3, p. 57—67.

[28] См. в настоящем номере журнала статью О. С. Ахмановой «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания» (стр. 25—47).

[29] Л. Ельмслев, указ. соч., стр. 57.

[30] См. там же, стр. 58.

[31] Там же, стр. 57 и 58.

[32] См. R. Carnap, Der logische Aufbau der Welt, Berlin, 1928, S. 15.

[33] R. Carnap, Logical Syntax of Language, New York, p. 1.

сел, а за ним Р. Карнап стремятся оторвать науку от изучения взаимосвязей и законов движения реального мира, от изучения объективных законов развития природы и общества [34].

Такова главная философская опора развиваемой Л. Ельмслевом структуралистской концепции. «Глоссематика» Ельмслева — это программа фальсификации языка и его истории, программа опустошения языка, программа отрыва языка от общества, от народа. Согласно теории Л. Ельмслева, лингвистика, описывая схему языковых соотношений, не должна обращать никакого внимания на то, чем являются самые элементы структуры языка, как фонетические, так и семантические. Фонетика и семантика, по предписанию Ельмслева, должны исходить из того же произвольного «структурного анализа языковой схемы», из априорного, формального определения соотношений между частями элементов или между частями частей элементов. Но если сами элементы языковой системы — звуки, морфемы, слова, предложения в их конкретной форме безразличны для структурализма, если качественные различия между ними отрицаются, то отсюда уже легко сделать следующий вывод: нет принципиального различия между звуковым языком и другими системами знаков, другими «структурами» [35].

Л. Ельмслев так и пишет: «Структурное определение языка должно привести к тому, что структуры, до сих пор не признававшиеся традиционным языковедением как языки, будут признаны как таковые...», и, следовательно, «... те языки, которые рассматривались как таковые традиционным языковедением, будут признаны только как разновидности языков вообще» [36].

Для структуралиста типа Л. Ельмслева не существует той истины, что звуковой язык — это создание народа и могучий оплот его единства, что язык — это орудие борьбы и развития общества, что без языка общество перестает существовать как общество, что без языка невозможно общественное производство. Звуковой язык для него — всего навсего лишь одна из многих знаковых систем, и постичь ее структурную механику в желательном для себя направлении Ельмслев стремится при помощи других знаковых систем, «простых образчиков-моделей, показывающих элементарную языковую структуру без всех тех осложнений, которые характерны для высоко развитой структуры обыкновенных языков».

Л. Ельмслев заявляет, что «не столько забавы ради», сколько «...именно для того, чтобы глубже вникнуть в основную структуру языка и языкоподобных систем...», он глубоко изучил и подверг теоретическому разбору такие несложные структуры, как «во-первых, световые сигналы на перекрестках улиц для регулирования движения, имеющиеся в большинстве больших городов..., во-вторых, телефонный диск в городах с автоматическим обслуживанием аппаратов; в-третьих, бой башенных часов, отбивающих часы и четверти» [37]. Ельмслев широко пользуется и еще более простыми знаковыми структурами, как-то: азбука Морзе, стуковая азбука заключенных в тюрьме и обыкновенные стенные часы,

---

[34] Ср. оценку логического позитивизма в известной книге М. Корнфорта «В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма» [перевод с англ.], М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951, стр. 31.

[35] Следует признать, однако, что такой американский философ — создатель «семантики собачьей конуры», — как Моррис, в своей книге «Знаки, язык и поведение» предвосхитил открытия Ельмслева (см. C. Morris, Signs, Language and Behaviour, 1946).

[36] Л. Ельмслев, указ. соч., стр. 65.

[37] Там же, стр. 66.

бьющие только каждый час Изучение всего этого знакового арсенала, по мнению Ельмслева, «пролило свет» на основные черты структуры каждого языка.

Язык — это могучее орудие общественного развития и борьбы — в структуралистской теории отождествлен с боем стенных или башенных часов, со световыми сигналами на перекрестках улиц, с флагами международной морской сигнализации. Структурализмом поставлен крест на истории языка как науке. Языкознание из общественной исторической науки превратилось в субъективно-идеалистическую игру знаками, искусственными терминами и еще более искусственными структуральными формулами.

8

В буржуазных языковедческих журналах появляются отклики на труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Знакомство с этими откликами поучительно: они еще раз ярко демонстрируют застой и разброд в буржуазно-идеалистической науке о языке.

В голландском журнале «Lingua» напечатана заметка И. Кноблоха [38], в которой в самой общей форме сообщается западноевропейским лингвистам о повороте в развитии советского языкознания — о труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Автора интересует больше всего отношение И. В. Сталина к таким четырем «аксиомам» «нового учения» о языке, как «единство языкотворческого процесса», смешение языка с надстройкой, связь языка и мышления и стадиальность в развитии языка. В своей заметке Кноблох не обнаруживает знакомства с марксистской философией. Поэтому-то он очень далек от понимания сущности сталинских идей. Достаточно одной иллюстрации. Присоединяясь к взглядам польского профессора Т. Милевского на ход развития русского и советского языкознания, Кноблох видит в стадиальной и типологической классификации акад. И. И. Мещанинова «наиболее оригинальное и ценное достижение советской лингвистики». Он готов даже сожалеть о том, что эти «блестящие начинания» встретят «помеху» в принципах марксистского языкознания. По мнению Кноблоха, критика теории взрывов в развитии языка не наносит ущерба стадиальной концепции И. И. Мещанинова. «Развитие при помощи скачков и прыжков,— поучает Кноблох,— несовместимо с ходом жизни и всех ее явлений. *Natura non facit saltus* (Лейбниц)» [39]. При этом Кноблох почему-то ссылается на теорию стадийного развития растений, выдвинутую «знаменитым советским ботаником Т. Д. Лысенко». По мнению Кноблоха, надо бы использовать мысли Т. Д. Лысенко о развитии растений для разъяснения соответствующего развития языков. Характерна и комична оговорка, даваемая при этой рекомендации: «не забывая, однако, что времена Шлейхера, который видел в языке как бы живое существо, уже прошли» [40].

Кноблох заканчивает свою статью призывом к советским лингвистам (nos confrères russes) воспользоваться всем тем, что есть ценного в предшествующей языковедческой традиции, и соединить свои усилия с усилиями представителей буржуазно-идеалистической лингвистики, чтобы совместно достигнуть, хотя бы и разными дорогами, «одной и той же священной цели науки». Следовательно, Кноблох предлагает советским язы-

---

[38] J. Knobloch (Innsbruck), La situation actuelle de la linguistique soviétique, «Lingua», v. III, 2, Haarlem, 1952, p. 219—223.
[39] Там же, стр. 223.
[40] Там же.

коведам отказаться от марксизма в языкознании и вернуться в лоно «доброй» старой буржуазной науки.

Советская лингвистика никогда не была изолирована от научной языковедческой мысли других стран, никогда она не отделяла себя стеной (или, как теперь стало модно говорить в империалистических кругах,— «железным занавесом») от подлинных достижений зарубежного языкознания. Марксистской науке о языке чуждо высокомерное отрицание подлинных достижений мирового языкознания. Советские языковеды берут на вооружение все лучшее, что дала лингвистика в своем предшествующем развитии, и все передовое, а также фактически новое и ценное, что появляется в языковедческой науке Запада и Востока. У нас издавались переводы таких сочинений западноевропейских и американских языковедов, которые по своим методологическим основам были в высшей степени далеки от марксистской теории языка, но в самых ошибках которых, и особенно в конкретных материалах, мы все же могли найти ценное и поучительное (например, труды Ф. де Соссюра, Ж. Вандриеса, Э. Сэпира, А. Мейе, Г. Шухардта, Э. Бурсье и многих других).

Но, принимая все ценное из предшествующей языковедческой традиции и из современных исследований, советская лингвистика оценивает разные течения в науке о языке с позиций творческого марксизма и борется со всеми извращениями истинной науки. Внимательное изучение положения дел в современном зарубежном языкознании [41] еще раз подтверждает то бесспорное положение, что только внедрение марксизма в языкознание может оздоровить науку о языке и обеспечить ее движение вперед.

Статье И. Кноблоха с ее явным тяготением к мещаниновской концепции «нового учения» о языке в том же журнале «Lingua» предшествует статья Ю. Шереха [42] — автора очерка грамматики украинского языка и монографии о числительных в славянских языках, посвященная, с одной стороны, резкой критике работ И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» и «Глагол», а с другой — доказательству некоторой невольной близости взглядов И. И. Мещанинова к копенгагенскому структурализму, особенно к книге В. Брендаля «Очерки общей лингвистики»[43], отчасти к Ельмслеву и вообще к панхроническому изучению языка.

Ход мыслей Ю. Шереха таков. В сфере изучения типов связей между словами в предложении и в области рассуждений о членах предложения работы И. И. Мещанинова содержат много непоследовательности и противоречий. Ю. Шерех упрекает И. И. Мещанинова в непонимании системного характера языка, в марровском асистематизме (Marrs Asystematismus), в смешении синхронической и диахронической точек зрения, в незнакомстве с западноевропейской лингвистической литературой за последние 30 лет. Замечания И. И. Мещанинова о частях речи, по мнению Шереха, в большей своей части устарели еще до появления в свет его работ «Члены предложения и части речи» и «Глагол». Они свидетельствуют о том, что автор не считается с работами таких языковедов, как Е. Герман, Е. Кошмидер, Г. Гильмер, Р. Смаль-Стоцкий, Коржинек

---

[41] Ср., например, бесплодный эклектизм, пеструю идеалистическую смесь так называемого «неогумбольдтианства» или неогумбольдтианской этнолингвистики (см. статью: H. Basilius, Neo-Humboldtian ethnolinguistics, «Word», New York, 1952, v. 8, № 2, p. 95—105), «понятийную» метафизику буржуазной универсальной грамматики (см. статью: R. H. Robins, Noun and Verb in universal grammar, «Language», Baltimore Md., 1952, v. 28, № 3, part 1, p. 289—298) и т. п.

[42] Jur. Šerech (Lund), Zum Problem der Satzgliederung und Aussonderung der Redeteile, «Lingua», v. III, 2, Haarlem, 1952, p. 193—218.

[43] См. Viggo Brøndal, Essais de linguistique générale, Copenhague, 1943.

и др.[44]. Отношения между языком и мышлением в работах И. И. Мещанинова представлены, по мнению Ю. Шереха, прямолинейно и грубо. И все-таки Шерех полагает, что работа И. И. Мещанинова, особенно его анализ связей слов в предложении, представляет бесспорный интерес. По заявлению Шереха, последние работы И. И. Мещанинова показывают, что лингвистическая мысль на Востоке, рассматриваемая в целом, движется в том же фарватере, в том же русле, что и на Западе, и стремится разрабатывать однородные проблемы.

По словам Ю. Шереха, И. И. Мещанинов в своих последних работах занимается ревизией Марра и сознательно или бессознательно сближает свои лингвистические позиции с соссюрианством и структурализмом. В сущности, утверждает Шерех, И. И. Мещанинов все больше и больше подходит к проблемам всеобщей, универсальной грамматики, которые в 1926 г. были поставлены А. Сэшеэ и в 1928 г. были ясно сформулированы Ельмслевом в его «Принципах общей грамматики» [45].

Таким образом, получается, что внутренняя логика развития немарксистской теории Марра и его «учеников» влекла «новое учение» о языке к сближению с буржуазно-идеалистическим языкознанием. Тем не менее похвалы и поощрения, изредка отпускаемые Ю. Шерехом по адресу И. И. Мещанинова, высокомерны и сомнительны. «Не поздоровится от этаких похвал!» Из собственной критики работ И. И. Мещанинова Ю. Шерех делает логически неоправданный и неожиданный вывод о том, что наука в настоящее время во всем мире неделима (die Wissenschaft heutzutage in der Welt unteilbar ist).

Для характеристики общего отношения Ю. Шереха к советскому языкознанию особенно показательно его «корректурное добавление» (Korrekturergänzung), в котором сообщается о лингвистической дискуссии в Советском Союзе, о разоблачении «теории» Н. Я. Марра и о признании акад. И. И. Мещаниновым своих ошибок. Ю. Шерех заявляет, что хотя теперь книги И. И. Мещанинова уже нельзя рассматривать как выражение «официальной точки зрения (установки) для его страны», но едва ли от этого они «перестали быть в некотором отношении типичными для состояния языкознания в Советском Союзе». Этот выпад против современного советского языкознания настолько недобросовестен, проникнут такой слепой неприязнью к марксистской науке, так очевидно отражает непонимание путей развития советской марксистской лингвистики, что на нем нет необходимости дольше останавливаться. И все же статья Ю. Шереха лишний раз напоминает советским языковедам, куда вело «новое учение» о языке советскую лингвистику и чем обязана И. В. Сталину передовая наука о языке.

Стремясь к глубокому познанию объективно-исторических законов развития языков нашей страны и других языков мира, советские языковеды должны своими исследованиями по общим методологическим и конкретно-историческим вопросам языкознания показать всему миру теоретическую мощь и непобедимую творческую силу советской науки и обеспечить марксистской науке о языке первое место в мировом языкознании.

---

[44] См. E. Hermann, Aspect und Actionsart. Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Kl., 1933; Objektive und subjektive Actionsart. Ind. Forsch., 45, 1927; E. Koschmieder, Zeitbezug und Sprache, Leipzig — Berlin, 1929; Nauka o a pektach czasownika polskiego w zarysie, Wilno, 1934; H. Hilmer, Schallnahmung, Wortschöpfung und Bedeutungswandel, Halle, 1914; R. Smal-Stoćkyj. Prymitywnyj slovotvór (Die primitive Wortbildung), Warschau, 1929; I. Kořínek, Zur lautlichen Struktur der interjektionalen Sprachgebilde, «Slavia», R. XV, Prague, 1937.

[45] См. L. Hjelmslev, Principes de Grammaire générale, København, 1928.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

О. С. АХМАНОВА

ГЛОССЕМАТИКА ЛУИ ЕЛЬМСЛЕВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ УПАДКА СОВРЕМЕННОГО БУРЖУАЗНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» явился основой для дальнейшего творческого подъема в области языкознания. Разработанное И. В. Сталиным марксистское учение об объективном характере законов общественного развития дает прочную базу для научного решения вопроса о внутренних законах развития языка, впервые поставленного перед языковедами в труде «Марксизм и вопросы языкознания». Определив отношение науки к изучаемому объекту, указав на ведущую роль внутренних законов его развития и на объективный характер этих законов, товарищ Сталин дал советским языковедам теоретическую основу для борьбы с извращенными представлениями о науке и ее содержании, развиваемыми современным буржуазным позитивизмом, для которого законы науки есть нечто произвольно вносимое в «аморфный хаос» действительности, порождаемое «организующими свойствами человеческой мысли».

В наиболее чистом виде это идеалистическое понимание законов языка выступает в так называемой «глоссематике», созданной датчанином Луи Ельмслевом и распространяемой в буржуазном языкознании под видом «последнего слова» науки. Глоссематика — это лингвистический вариант доктрины логического позитивизма, воинствующей школы агностицизма, изыскивающей новые способы «обоснования» идей о непознаваемости мира, о «метафизичности» и «трансцендентности» всякой субстанции, всякой объективной реальности, существующей помимо нашего сознания и независимо от него.

1

Критическому разбору основных положений глоссематики, являющемуся целью настоящей статьи, следует предпослать несколько замечаний об основных особенностях развития языкознания в новое время, т. е. в период с конца XIX в. и до наших дней.

Как известно, в конце XIX в. появились новые взгляды на язык и стали разрабатываться новые методы в языкознании, причем впервые эти новые идеи были сформулированы главой казанской лингвистической школы И. А. Бодуэном де Куртенэ в его известной работе «Некоторые общие замечания о языковедении и языке»[1]. В этой работе Бодуэн де Куртенэ выдвигает необходимость рассмотрения языковых явлений в двух аспек-

[1] См. ЖМНП, СПб., 1871, февраль, стр. 279—316.

тах — статическом и динамическом, необходимость различения в языке тех моментов, которые являются живыми, действенными, продуктивными, представляют собой зародыши, зачатки будущих изменений, и тех, которые представляют собой пережитки прошлого, а потому в языке на данном этапе его развития не выступают уже как живые и системообразующие его особенности. «Крайне неуместно,— пишет Бодуэн де Куртенэ,— измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени. Задача исследователя состоит в том, чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить его состояние, сообразное с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из такого-то и такого-то строя и состава предшествующего времени мог развиться такой-то и такой-то строй и состав времени последующего»[2]. Эти новые взгляды определили направление всей обширной работы в области фонетики и морфологии, выполненной Бодуэном де Куртенэ и его учениками, представителями казанской лингвистической школы (Крушевским, Богородицким и др.). Эти же их взгляды явились и общетеоретической основой учения о фонеме.

В Западной Европе необходимость разграничения двух аспектов в языкознании — статического («описательного», «эмпирического» или, наконец, «синхронического») и динамического («эволютивного» или «диахронического») — была уяснена много позднее. Широкое распространение эти идеи получили лишь с выходом в свет «Курса общей лингвистики» известного швейцарского языковеда Ф. де Соссюра[3]. Отдавая в полной мере дань де Соссюру, как одному из крупнейших представителей современной лингвистики, необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что уже в его работах содержались зачатки того вырождения языкознания, которое вполне выявилось в дальнейшем в работах структуралистов вообще и «глоссематиков» в особенности. Если в работах казанской лингвистической школы изучение строя и состава языка «в некоторое данное время» выступает как неотделимое от изучения его развития «в предшествующее время», то де Соссюр оказывается уже неспособным решить вопрос об историческом изучении языка как системы, и в его работах намечается разрыв между историческим изучением отдельных фактов или явлений и изучением тех соотношений, в которых эти факты находятся в каждый данный период развития языка. Исходя из ложного положения о том, что система языка принципиально, по самой своей природе может изучаться только статически, невероятно обеднив само понимание языка («система знаков, выражающих идеи»)[4], де Соссюр пришел к мысли о необходимости построения «семиологии» как широкой научной дисциплины, «изучающей жизнь знаков внутри общества», в которую язык входит наравне с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, военными сигналами и т. п. и т.д.[5] Насколько роковыми оказались последствия этой вульгаризаторской идеи для даль-

---

[2] ЖМНП, СПб., 1871, февраль, стр. 304.

[3] Повидимому, первым из западноевропейских языковедов, сформулировавшим теоретические основы нового воззрения на язык, был датский лингвист Вивель (H. G. Wiwel, Synspunkter for dansk sproglaere, Kφbenhavn, 1901); работа Сэшэ, ученика Ф. де Соссюра, вышла лишь в 1908 г. (A. Sechehaye, Programme et méthodes de la linguistique théorique psychologie de la langue, Paris, 1908), а труд де Соссюра был впервые опубликован лишь в 1916 г.

[4] «La langue est un système de signes, exprimant des idées» (F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1922, p. 33).

[5] См. критику соссюровского «социологизма» и понимания де Соссюром сущности «языкового знака» в журнале «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 9—10.

нейшего развития западноевропейского буржуазного языкознания, будет показано ниже. Подробно рассмотрев глоссематику Ельмслева, мы увидим, к чему привели эти идеи, когда они подверглись дальнейшему развитию и разработке на основе современной упадочнической философии буржуазного позитивизма.

Включив языкознание в «семиологию», де Соссюр по существу отказался от решения вопроса о развитии языка, о внутренних закономерностях его изменения: «Система никогда не подвергается непосредственным изменениям; как таковая она устойчива (ненарушима); изменению, безотносительно к тем особым отношениям „солидарности" (solidarité), которые связывают их с целым, подвергаются лишь отдельные элементы системы»[6] (перевод мой.— *О. А.*). Или: «Речевая деятельность возможна только на основе данного состояния языка; изменения, происходящие в языке между его состояниями, ни в какой мере ее не касаются»[7] (перевод мой.— *О. А.*) и т. д.

Высказывания, подобные только что приведенным, не дают, конечно, никаких оснований для того, чтобы заявлять, как это было принято в период господства марровцев, что де Соссюр не признает вообще изменений в языке, рассматривает язык как нечто вечное и неизменяемое. Работы де Соссюра с полной очевидностью показывают, что он прекрасно знал факты многих языков и никак не мог не видеть, что они изменяются и изменялись. Дело здесь, как стало особенно ясно из дальнейшего развития соссюровской лингвистики, совсем в другом. Поскольку для де Соссюра язык есть лишь система знаков, выражающих идеи, принципиально не отличающаяся от всякой другой системы знаков, существенным для нее являются не сами эти знаки в их реальном существовании, а лишь о т н о ш е н и я между ними[8]. Изменения же, происходящие в языке, наиболее очевидно и постоянно осуществляются в отдельных реальных знаках. Для всего построения поэтому оказывается совершенно необходимым всемерно подчеркивать самостоятельность с и с т е м ы, самостоятельность и независимость о т н о ш е н и й внутри системы от реального характера и конкретного существа составляющих ее знаков. Поэтому можно говорить об изменениях, существенных для языка, затрагивающих самый характер общения при помощи этого языка, только в том случае, если доказано, что сама с и с т е м а о т н о ш е н и й стала иной.

В цитированной выше работе Бодуэн де Куртенэ писал, что «периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития»[9]. У де Соссюра же получается именно смена систем «как одного караульного другим»[10], причем таких систем, которые в угоду данному построению должны рассматриваться как тождественные самим себе на всем протяжении своего существования.

2

Первой большой работой Ельмслева является книга «Принципы общей грамматики»[11]. Ее теоретической основой оказываются соответствующие

---

[6] F. d e S a u s s u r e, указ. соч., p. 121.

[7] Там же, p. 127.

[8] См. там же, p. 164 и 162. (Ср. русск. перевод книги: Ф. д е С о с с ю р, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр. 116—117).

[9] ЖМНП, СПб., 1871, февраль, стр. 303—304.

[10] Ср. также A. M e i l l e t, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921, p. 45 и A. S e c h e h a y e, указ. соч., p. 129.

[11] L. H j e l m s l e v, Principes de grammaire générale, Kφbenhavn, 1928.

положения синхронической лингвистики де Соссюра[12]. Новым в этой работе является по существу лишь настоятельное подчеркивание первостепенной важности абстрактных категорий, призывы к признанию существования абстрактного лингвистического состояния, вневременной и вечной лингвистической системы, по отношению к которой реально существующие языки — лишь частные случаи ее реализации. Задача лингвистики, как понимал ее Ельмслев в «Принципах общей грамматики», состоит в том, чтобы создать и описать априори все возможные языковые категории, исходя из внутренней логики языка как семиологической системы. В этой постановке вопроса Ельмслев пошел значительно дальше де Соссюра, который, как известно, признавал законность панхронической точки зрения лишь с большими оговорками[13]. Однако, стремясь превзойти своих предшественников, в «Принципах общей грамматики» Ельмслев еще не противопоставляет им себя — эта тенденция появляется у него позднее; вначале он стремится привлечь все возможное из старой грамматики, начиная с древних греков, для того чтобы доказать, что предлагаемая им концепция оправдана не только своей внутренней логикой, но и всем предшествующим развитием языкознания[14].

Грамматика определяется в «Принципах общей грамматики» как «теория формы, противопоставляемая теории звуков» (стр. 94). Всякий синтаксический факт является морфологическим в том смысле, что он касается только грамматической формы, тогда как всякий морфологический факт может рассматриваться как синтаксический потому, что он всегда основывается (repose) на синтагматической связи между соответствующими грамматическими элементами. Поэтому Ельмслев предлагает следующее деление лингвистических дисциплин и их объектов: фонология и фонетика — как теория фонем, грамматика — как теория семантем и морфем (и их соединений), лексикология и семантика — как теория слов. Приведенное понимание грамматики оказывается, по мнению Ельмслева, удобным в том отношении, что тем самым последняя «освобождается от понятия о слове, которое всегда приводило к бесплодным и безуспешным спекуляциям» (стр. 99—100). Кроме того, это понимание дает возможность установить два основных класса «функциональных категорий» языка для его «панхронического» состояния:

1) имя (nom) или семантема, способная принимать морфемы падежа;

---

[12] Например: «Le langage est un état. On peut appeler ceci la conception grammaticale» («Principes de grammaire générale», p. 7); «C'est ainsi que nous avons pu identifier... le point de vue synchronique avec la conception grammaticale, et assigner au point de vue diachronique le caractère de non-grammatical» (там же, p. 54) и др. Ср. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 104 и 129—130.

[13] См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр. 100, 102 и 103. Из излагаемых там соображений нельзя не заключить, что панхроническому исследованию какой-нибудь абстрактной категории одновременно, например, на материале современного французского языка, аттического греческого и языков банту — которое в идеале не только возможно, но и крайне желательно, — по мнению Соссюра, не может не препятствовать тот факт, что: 1) научное владение одновременно столь разными языками для ученого крайне затруднительно и 2) практически каждый язык с точки зрения его изучения представляет собой определенную единицу, так что по самой природе вещей его приходится в целом рассматривать то статически, то исторически.

Некоторые трудности или даже опасности признает для этого пути и Ельмслев («Principes de grammaire général», p. 247). Но опытному «априористу» не должны быть страшны никакие опасности,— даже то, что придется пользоваться сведениями, полученными из вторых рук.

[14] Нельзя не заметить, что, хотя Ельмслеву и удается, таким образом, вполне обнаружить свою эрудицию, книга оказывается лишенной внутренней цельности, и собственные положения автора тонут среди бесконечного разнообразия подробно излагаемых им систем и точек зрения.

2) глагол (verbe) или семантема, не способная принимать морфемы падежа.

Первая из этих категорий подразделяется далее на существительное, прилагательное и наречие — семантемы, выступающие обычно соответственно в функции первичного, вторичного и третичного членов[15].

Таким образом, панхроническая система «функциональных категорий» Ельмслева оказывается системой есперсеновских «субординаций», перенесенной на дихотомическую базу формальной классификации, основанной на способности или неспособности принимать морфемы падежа[16].

При этом конкретной лингвистической основой универсальных и панхронических выводов о частях речи являются всего лишь несколько латинских и греческих примеров (см. стр. 204, 207, 208, 211—212). Поэтому приходится склониться к выводу, что панхроническая классификация частей речи не только не является универсальной, но непригодна даже для описания весьма ограниченного числа общеизвестных языков[17]. Несмотря на то, что на словах Ельмслев исходит из языковой формы, стремится как будто бы противопоставить собственно лингвистический подход к явлениям языка старым способам трактовки, «страдавшим смешением точек зрения разных смежных наук», он на самом деле проявляет полное пренебрежение к реальности языковой формы, особой и самобытной в каждом отдельном языке, абсолютно неправомерно схематизирует и потому представляет в совершенно искаженном виде всю проблему частей речи — грамматических классов с л о в. Вместо проникновения в природу слова как той основной языковой единицы, в которой только и выявляются все сложные связи лексических и грамматических фактов языка и их взаимопроникновение, и вместо изучения тех реальных систем, которые

---

[15] Вопрос о местоимениях, по мнению Ельмслева, осложняется в связи с вопросом об артикле и несамостоятельных личных местоимениях во французском языке. Любопытны приводимые в связи с этим рассуждения: «Многие лингвисты... видят в артикле местоимение — точка зрения очень понятная и довольно соблазнительная. Мы, однако, предпочитаем (так!) рассматривать артикль как морфему... Отсюда следует, что он не может составлять функциональную категорию» («Principes de grammaire générale», p. 299—300)... «Однако для того, чтобы это можно было доказать, следует сперва определить (выяснить) природу морфемы» (p. 340). Этими словами заканчивается книга.

[16] Естественно, что, поскольку именно падежные «морфемы» оказались краеугольным камнем всего построения, на разработке этого вопроса Ельмслеву пришлось сосредоточить основное внимание. Результатом соответствующих изысканий явилась новая монография — «Категория падежей» [L. H j e l m s l e v, La catégorie des cas, étude de grammaire générale, «Acta Jutlandica», Aarhus, VII, 1935 (I) и IX, 1937 (II)], о которой подробно будет сказано ниже.

[17] Что касается, например, французского языка, т. е. как раз одного из тех современных европейских языков, в отношении которых вопрос о морфологической системе имени является наиболее сложным и наименее способным уложиться в традиционные категории классической грамматики (например, вопрос о природе и роли морфемы [*z*] при образовании мн. числа: [*lom*] — [*lezom*], [*lφi*] — [*lezyφ*] и т. п.), то его материалы попросту никакому рассмотрению не подвергаются. Французские примеры встречаются совершенно между прочим. Так, на стр. 196 без каких-либо пояснений, разборов и оговорок франц. *homme* и *des hommes* приводятся вместе с *hommasse* и *hommelet* для того, чтобы разъяснить, что́ понимается под «функциональной категорией»: если, мол, взять такую французскую семантему, как *homme*, то видно, что эта семантема охотно соединяется с некоторыми морфемами, такими, как морфемы род. падежа, мн. числа и определения (*des hommes*), но не соединяется, например, с морфемой имперфекта. При этом, как уже было сказано выше, Ельмслев совершенно не считает нужным обосновывать причисление той или другой единицы к «морфемам» (тем более, что это понятие в «Принципах общей грамматики» остается не определенным). Он просто п р е д п о ч и т а е т (nous preferons) называть его так, это ему более удобно.

в разных языках представляют собой части речи, получается бесплодное выискивание в разных языках отдельных разрозненных фактов. При насилии как над этими фактами, так и над определениями, даваемыми соответствующим общим понятиям, оказывается возможным подвести их под априористические абстрактные категории.

В связи со сказанным нельзя не напомнить о том, что поиски «всеобщей грамматики» являются основной задачей языкознания с точки зрения многих современных буржуазных языковедов. Так, например, Вандриес в своей программной статье[18] считает основной задачей лингвистики и, в частности, возглавляемого им объединения лингвистов сравнение языков, проводимое вне связи с общностью их происхождения, а единственно с целью выявления наиболее существенных лингвистических категорий, общих всем языкам и обусловленных общностью человеческих потребностей. Поэтому может показаться (и если ограничиться только рассмотрением материала «Принципов общей грамматики», то и не без некоторого основания), что предлагаемая Ельмслевом система представляет собой лишь одну из разновидностей понятийной методики, получившей в разных вариантах широкое распространение в буржуазной лингвистике и в весьма эклектической и путаной форме насаждавшейся у нас акад. И. И. Мещаниновым и его учениками[19]. Однако если мы обратимся к последующим работам Ельмслева, то убедимся, что решение методологических вопросов языкознания в том направлении, которое избирается Вандриесом, не представляется Ельмслеву теоретически приемлемым. Ведь сравнивая разные языки,мы вновь и вновь оказываемся «перед лицом двойственного проявления одной и той же категории ценностей: проявления (manifestation) в виде морфем, с одной стороны, и проявления в виде семантем — с другой» («Категория падежей», I, стр. 77—78). Но можем ли мы просто сказать, что, например, во французском языке сочетания предлогов с существительными — падежи? Нет, отвечает Ельмслев, не можем, потому что «мы не имеем критериев, которые показывали бы нам, что является семантемой и что является морфемой, что такое аналитизм и что такое синтетизм. Поэтому мы стоим перед проблемой, трудности которой представляются непреодолимыми. Единственной опорой является орфография (! — *О. А.*). Коль скоро мы лишаемся этой опоры (как это имеет место во всех языках, не имеющих литературной традиции), объективное решение проблемы представляется невозможным» «Категория падежей», I, стр. 79—80).

Естественно спросить: как же быть в таком случае со «всеобщей грамматикой», предметом изучения которой должны быть морфемы с семантемами, если нет критериев для различения семантем и морфем, для различения аналитизма и синтетизма? Отказаться от языковой формы и поставить во главу угла всякого рода «понятия» (notions), «понятийные категории» (notional categories) и т. п., означало бы вернуться на «весьма устаревшие» пути исследования. Между тем речь у Ельмслева

---

[18] J. Vendryes, La comparaison en linguistique, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XLII, f. 1, Paris, 1946, p. 1—18.

[19] Конкретно речь шла бы тогда только о том, чтобы считать морфемами не только артикли, но и все предлоги и предложные наречия и все анафорические местоимения. Тогда можно было бы легким, простым и испытанным способом подвести под панхронические и универсальные «функциональные категории» самые разнообразные факты самых различных языков, поставив знак равенства, например, между такими «морфемами падежа», как *-i* в лат. *domi* и *à* во франц. *à la maison*; далее, сравнивая франц. *à Paris* и *dans la ville* и лит. *miškė* и *miške*, заключить о существовании универсальной категории «падежа точного пункта», противопоставляемой «падежу пункта, обладающего протяженностью» («Principes de grammaire générale», p. 265).

идет о создании принципиально новой лингвистики, подчеркнуто противопоставляемой «старой антинаучной лингвистике» (об этом подробнее см. ниже). Выход, по Ельмслеву, оказывается очень простым: вынести языковую форму за пределы языков, понимать под ней «категориальные ценности», чистую форму. То же, что реально существует в языках, объявить не формой, а ее выражением («Категория падежей», I, стр. 80—81). Выдвигаемая Ельмслевом чистая форма может существовать в языках идеально, т. е. помимо выражения и независимо от него.

Методика, предлагаемая Вандриесом и его последователями, для Ельмслева оказывается слишком грубой и примитивной. Кроме того, она требует операций с морфемами и семантемами, рассмотрения реальных языковых данностей, что, по мнению Ельмслева, научно неправомерно, так как вполне точно определить, что такое, например, морфема, не представляется возможным. То, что делают языковеды, когда пытаются, исходя из понятий, выяснить, какими средствами выражаются эти понятия в том или другом языке, представляет собой, по мнению Ельмслева, недопустимый априоризм. Кроме того, «загрязняя» свои лингвистические исследования постоянным соприкосновением с «субстанцией» как в плане выражения, так и в плане содержания, они искажают, по его мнению, положения де Соссюра, обнаруживают неспособность усвоить то, что было у этого языковеда истинно ценного и передового. Ведь де Соссюр имел в виду чистые отношения, постоянно говорил об отрицательном определении языковых ценностей и т. д.[20].

*

Как выглядят изложенные общие постулаты в применении к разрешению частных вопросов грамматики, можно показать на примере трактовки Ельмслевом категории падежа в его уже упоминавшейся специальной работе. «Всеобщее» определение падежа по Ельмслеву гласит: «Падежом является категория, выражающая отношение между двумя предметами» («Категория падежей», I, стр. 96). При этом, естественно, под предметами (objets) ни в коем случае не следует понимать что-либо, связанное с какой-либо «субстанцией», какие-либо реальные предметы, отражаемые мыслью, или какие-либо реальные единицы, существующие в реальной «субстанции». Предметы (objets) для Ельмслева — только «члены (термины) отношения» (termes de relation) («Категория падежей», I, стр. 96—97).

---

[20] Ельмслев не устает громить всех тех языковедов, которые считают необходимым заниматься рассмотрением реальных фактов различных языков. В этом отношении очень любопытна его рецензия на упоминавшуюся уже выше программную статью Вандриеса (см. «Acta linguistica», v. IV, f. 3, Copenhague, 1944, p. 144—147). Ельмслев горько упрекает Вандриеса за то, что указываемый им путь исследования основан на представлениях о непрерывности языка, о «факторе времени» (facteur temps), о лингвистических связях между поколениями и т. п., вместо того, чтобы уверовать в полную невозможность каких-либо скольжений или плавных переходов и понять, что изменение языков может осуществляться только скачками (в этой части Ельмслев приводит, между прочим, в пример Вандриесу работы И. И. Мещанинова, среди других «правильных» лингвистов сумевшего якобы придать соответствующим изысканиям истинно широкий размах). Таким образом, французские и швейцарские языковеды вслед за своим учителем все же не решаются вовсе разделаться с проблемами диахронии (хотя и не в состоянии научно их разрешить) и остаются при своих представлениях об исторической грамматике, восстанавливающей слова и звуки и пр. «Что же остается при таком подходе для структуральной лингвистики и особенно для изучения чистой формы?» — восклицает в заключение Ельмслев (стр. 147) и возмущается тем, что Вандриес ни словом не обмолвился об этом.

«Общая теория падежей» Ельмслева строится на принципе трех «измерений» (trois dimensions), из которых каждое покрывает определенную семантическую зону, а именно: 1) направление (direction), состоящее из приближения-удаления (rapprochement-eloignement), 2) контакт, состоящий из когеренции-инкогеренции (coherence-incoherence), и 3) (более редкое) — субъективность-объективность (subjectivite-objectivite). Путем чисто логического анализа природы противопоставлений, в пределах одного измерения устанавливается иерархия терминов, число которых может доходить до шести. Так, например, в «измерении» направления легко различаются три семантические зоны — приближение (обозначаемое знаком +), отдаление (обозначаемое знаком ÷) и покой (repos) (обозначаемый знаком ноль). Среди этих подразделений «измерения» одно является интенсивным (intensif) и составляет стержень системы. Оно противопоставляется нейтральному (neutre); все остальные группируются вокруг первого в виде различных конфигураций; так, в системе из шести членов, например, два оказываются в отношениях противоположения (opposition contraire), а два — в отношениях противопоставления (opposition contradictoire). Выбор «интенсивного члена» решает ориентацию всего измерения как положительного, отрицательного или нейтрального. Все остальные члены (кроме интенсивного) называются экстенсивными.

Предложенная система должна, если верить Ельмслеву, дать теоретическую возможность описания всех падежных с и с т е м, которые можно себе вообразить во всех языках мира от минимального числа падежей в каждой системе (которое устанавливается как д в а), до максимального (теоретически устанавливаемого как 216)[21]. Обе цифры выводятся т е о р е т и ч е с к и из определений природы лингвистических противопоставлений. Известные языки далеко не дотягивают до установленного таким образом максимума; однако анализ тех из них, которые имеют наиболее богато развитые системы падежей, показывает, по мнению Ельмслева и его учеников, что на основе изложенных теоретических соображений вполне можно дать такие их описания, которые не противоречат внутренней логике всего построения в целом.

Обычный недостаток работ Ельмслева — абстрактно-декларативный способ изложения и разительная диспропорция между абстрактно-декларативной частью и частью конкретно-лингвистической, казалось бы, удачно компенсируется тем, что «Категория падежей» оказывается гораздо более насыщенной материалом, чем «Принципы общей грамматики». Однако это материал особого характера. Подобно «последователям» Марра у нас и «дескриптивным лингвистам» в Америке, строившим свои антинаучные схемы на материале мало известных языков, фактам которых можно было придавать любой смысл и толкование, Ельмслев опирается на факты табасаранского, лакского и некоторых других мало известных языков[22].

[21] Т. е. 6 в третьей степени. (см. «La categorie des cas...», I, 137 и II, p. 76).

[22] Действительно, кто может проверить, соответствует ли, например, реальным фактам языка начез установленный методами дескриптивной лингвистики состав морфем этого языка, если на нем к моменту его обнаружения говорили только два человека — старик и старушка (причем на разных диалектах). В том, что вряд ли соответствует, убеждают результаты, получающиеся у этих лингвистов, когда они начинают, вопреки обыкновению, применять свои методы к хорошо и широко известным языкам; см., например, статью М а р т и н е (A. M a r t i n e t, About Structural Sketches, «Word», v. V, New York, 1949, № 1), где весьма наглядно показано, что получилось, когда Р. А. Холл попробовал применить свои «методы» к французскому языку. Ср. также рецензию Б о н ф а н т е на упражнения того же автора в области итальянского языка (там же). Результаты применения марровских «методов» к французскому, русскому и английскому языкам затрагивались нами в другом месте (см. сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 422—426).

Широко известных европейских языков Ельмслев касается лишь мимоходом без разбора материала или обоснования делаемых им выводов. Поэтому англистам предлагается просто принять на веру, что в английском языке, «если рассматривать имя в изолированном виде», имеется «генитив» — «интенсивный член, несущий ограниченное и четко определенное значение, в противоположность которому „негенитив" можно определить, как неопределенный и индифферентный по отношению к падежным различителям» («Категория падежей», I, стр. 114). Генитив этот является «падежом исключительного отдаления» (cas d'eloignment exclusif).

Оказывается, однако (там же, стр. 119), что «лучше» трактовать английскую систему как четырехпадежную, приняв ее также и для датского языка (там же, стр. 20). Тогда в английском языке окажутся еще субъективный, транслативный и дательный падежи —«три четко различающихся падежа, распознаваемые на основании порядка элементов»; например: *the boy* (subjectif) *sent his morher* (datif) *a letter* (translatif). Поскольку все подобные рассуждения Ельмслева не основываются на каком-либо разборе или доказательстве, к ним вообще очень трудно относиться серьезно. Однако не только можно, но и нужно указать (хотя это и не будет иметь значения для Ельмслева, вполне «освободившего» себя от реальных языковых фактов) на то, что научно неправомерным и совершенно искусственным является объединение того, что с точки зрения реальных языковых фактов безусловно относится к совершенно различным «планам языковых ценностей», соответственно, к слову и словосочетанию. Это было понятно уже старым «пражцам», но, оказывается, совершенно непонятным Ельмслеву, который, таким образом, идет не вперед, как он хочет все время нас уверить, а, наоборот, вспять по сравнению с предшествующим языкознанием.

Из известных нам «глоссематических» работ только две касаются широко известных европейских языков со сравнительно небольшим числом падежей, так называемых «бедных систем». Так, в работе «Вклад в дискуссию о теории падежей»[23] Серенсен поставил себе задачу продемонстрировать преимущества «локалистической» системы Ельмслева по сравнению с другими структурными описаниями, причем для вящей наглядности привел материал из известной работы Якобсона[24] для того, чтобы показать, как устанавливаемое этим последним противопоставление двух родительных и двух местных падежей в русском языке будет выглядеть при его интерпретации в терминах ельмслевовой системы. Вот как рассуждает Серенсен: «Интенсивный член γ настаивает на крайних участках семантической зоны и, следовательно, в концепте направления, на удалении и приближении. Экстенсивный член *Г*... является нейтральным по отношению к концепту направления, но имеет тенденцию распространяться по всей зоне и, следовательно, способен указывать оба направления». Якобсон приводит такие примеры: *рюмка коньяку* (род. 2) и *качество коньяка* (род. 1). «Нам представляется,— пишет далее Серенсен, — что концепт направления в абстрактном значении, придаваемом ему Ельмслевом, как находящийся в противопоставлении с отсутствием направления, является наилучшим способом описания отношений между... род. 2, который следует определять символом γ, и род. 1, который следует определять символом *Г*» («Вклад в дискуссию о теории падежей», стр. 131).

---

[23] H. C. Sørensen, Contribution à la discussion sur la théoriedes cas, «Travaux du cercle linguistique de Copenhague», v. V, Copenhague, 1949.

[24] R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 6, 1936, p. 240—288.

Эти же соображения, по мнению Серенсена, могут быть полностью применены и к отношению между двумя местными падежами. Серенсен считает, что исходя из общей теории Ельмслева, можно без колебаний обозначить местн. 2 символом γ, а местн. 1 — символом Γ в первом измерении. Поскольку различие между, например, *лесу* и *лесе* Якобсон разъясняет как различие между обозначением вместилища, содержащего в себе определенные предметы, и обозначением предмета, обладающего определенными качествами (т. е., например, *сколько красоты в лесу* в отличие от *сколько красоты в лесе*), Серенсену представляется «...естественным сблизить понятия в м е с т и л и щ а и н а п р а в л е н и я — не того или другого направления, а того и другого» (там же, стр. 131—132).

Из приведенных примеров ясно, что Серенсена совершенно не интересуют ф а к т ы русского языка. Ему, повидимому, и в голову не приходит поставить вопрос о том, насколько р е а л ь н ы и существенны для русского языка различия, описанные Якобсоном. Он, так же как и Ельмслев, не испытывает никакого неудобства, беря материал из вторых и вообще каких угодно рук; ведь фактически вся задача сводится лишь к тому, чтобы выйти из положения при помощи чисто внешних приемов: заменить понятие «вместилища» понятием «направления», а разные значения род. падежа тоже назвать «направлением» или, например, «отсутствием направления». А тем временем у Серенсена остаются совершенно вне рассмотрения действительно важные и существенные для русского языка вопросы, как, например, вопрос об омонимии местного и изъяснительного падежей в связи с вопросом об аналитической форме падежа в русском языке вообще проблема падежной омонимии в связи с вопросом о так называемом «синкретизме» падежей [25] и многие другие.

Ведь самые ф а к т ы, приводимые Якобсоном, требуют серьезнейшей проверки. Формы «первого и второго местного и родительного» реально различаются лишь в очень ограниченном числе слов. Кроме того, это различие не поддерживается согласуемыми словами (например: *в этом большом лесу* и *в этом большом лесе*, *рюмка этого крепкого коньяка* и *рюмка этого крепкого коньяку* и т. п. (ср. также указ. соч. Якобсона, стр. 280). Неудивительно поэтому, что эти сравнительно редкие случаи морфологической дифференциации не только не выступают в современном русском языке в виде устойчивой основы для соответствующего решения вопроса о падежной омонимии, но, напротив, сами все больше подводятся под общую систему, обнимающую несравненно бóльший круг слов. Так, например, *выпить* можно и *рюмку коньяку*, и *рюмку коньяка*. Вряд ли кто теперь скажет (или напишет) *цветы без запаху*. Число примеров можно было бы значительно увеличить.

Попытку применения принципов Ельмслева к датскому языку находим у Дидериксена [26]. Правда, в отличие от бодро настроенного Серенсена, Дидериксен скорбит по поводу огромных трудностей, возникающих в связи с тем, что опубликованные до 1949 г. версии морфематической теории Ельмслева не содержат никаких указаний на то, каким образом надлежит определить синтаксические условия, в которых может регистрироваться «направление». В частности, например, Дидериксену остается неясным, каким образом согласование между падежом субъекта и предиката в латинском языке, используемое в качестве доказательства «гомонексуаль-

---

[25] См. В. В. В и н о г р а д о в, *Русский язык*, М.— Л., Учпедгиз, 1947, стр. 169—177.

[26] P. D i d e r i c h s e n, Morpheme Categories in Modern Danish, «Travaux du cercle linguistique de Copenhague», v. V, Copenhague, 1949, p. 139—140.

ного направления», должно объясняться безотносительно к семантическим отношениям этих двух членов (в отличие от субъектно-объектного отношения). Однако, несмотря на все эти трудности, Дидериксен все же решается рассматривать падеж как «категорию основных морфем» и считает, что в категорию падежа вообще оказывается возможным включить целый ряд форм, которые прежде рассматривались как наречия, лишь исторически образованные от существительных, и потому, по его мнению, ничто не препятствует составлению следующей парадигмы для датского языка (указ. соч., стр. 140): номинатив—*hjem* («дом, родина, жилище»; ср. англ. *home*, нем. *Heim*); генитив —*hjems*; локатив — *hjemme*; аблатив — *hjemmen* (fra); аблатив — *hjem* [27].

Составляя подобную парадигму, Дидериксен поступает с датским языковым материалом примерно так, как поступили бы мы, включив в парадигму существительного *дом* наречие *домой*. При этом Дидериксен и Ельмслев используют для построения подобных «парадигм» именно вполне определенные наречия. Для подтверждения данного положения можно привести еще пример. Так, в датском языке есть наречие *delvis* «по частям». Кроме того, имеется существительное *del* «часть», которое, естественно, может определяться прилагательными, например *stor del* «большая часть». Наречие же *delvis*, понятно, не определяется прилагательными, и перевести, например, русское *большими частями* на датский язык как *stor delvis* никак нельзя именно вследствие того, что *delvis* — не падеж от существительного *del*, а *-vis* не флексия падежа (по той же причине нельзя сказать, например, и *stor pletvis* и т. п.). То же обстоятельство, что в венгерском языке имеется дистрибутивный падеж, а, например, в лакском еще много разных падежей, не имеет сюда никакого отношения. Точно так же готское *gistradagis* является наречием и значит «завтра» (*-dagis* не выступает здесь как форма род. падежа от существительного *dags*, так как тогда было бы *histris dagis*). Все эти случаи так же далеки от существительного и падежа, как русское *домой*, причем случай с *-vis* еще дальше, потому что *-vis* никогда и не был морфемой падежа.

Рассмотренные материалы приводят нас к выводу, что «теория чистой формы», выдвигаемая Ельмслевом, совершенно неспособна что-либо дать языкознанию. Хотя его ученики и стремятся применить ее в своих ис-

---

[27] То, что парадигма Дидериксена вполне соответствует идеям и принципам его учителя, видно, например, хотя бы из следующего рассуждения Ельмслева: «Всегда трудно узнать,— пишет он,— что̀ следует понимать под адвербиальными морфемами в отличие от „собственно" морфем падежа. Повсюду встречаются морфемы падежа, которые не признаются за таковые традиционной грамматикой, но тем не менее в реальности существуют. Тот факт, что данная морфема соединяется лишь с ограниченным числом семантем, наблюдается даже в случае многих падежных форм, признаваемых традиционной грамматикой разных языков, и этот факт не мешает этой морфеме быть продуктивной. Так, например, в современном датском языке морфема *-vis* не рассматривается традиционной грамматикой как морфема падежа, но как адвербиальная морфема. В действительности же эта морфема легко соединяется с любым существительным: *dusinvis* „дюжинами", *pundevis* „фунтами", *pletvis* „здесь и там, местами" (в переводе Ельмслева — ça et la, plet — endroit) и т. д. Говорящий субъект может актом своей воли образовывать по потребности любое число примеров этого типа. В действительности ничто не препятствует тому, чтобы называть эту морфему падежной морфемой. Напомним, что венгерская морфема *-nkent*, значение которой в точности то же самое... и употребление которой также „ограничено", входит в традиционную систему падежей в качестве форманта падежа, называемого „дистрибутивным". Так называемые адвербиальные морфемы нельзя отделять от морфем падежа, если желательно достичь последовательной и мотивированной системы» (Principes be grammaire gènèrale», 313—314). А из «Категории падежей» (I, стр. 118) мы узнаем, что «генитивом» является не только готское *nahts*, но и *gistradagis* и *in allis* (ср. также «La categorie des cas», I, стр. 97—98).

следованиях из этого ничего не получается. Поэтому, хотя их усилия и направлялись на развитие и разработку соответствующих общих положений, объективно они доказали полную несостоятельность этих последних.

3

Опубликование «Категории падежей» (1935—1937 гг.) примерно совпало по времени с началом «нового» периода в деятельности Ельмслева, т. е. с его переходом к глоссематике. В 1935 г. на фонетическом конгрессе в Лондоне Ельмслев уже всячески стремится подчеркнуть оригинальность своих построений, полный отход от обычно принятых точек зрения. Если в «Принципах общей грамматики» и «Категории падежей» Ельмслев подробно разбирает положения своих предшественников и стремится использовать те из них, которые представляются ему правильными, то теперь он отрицает преемственность, претендует на полную оригинальность. Ф. де Соссюр теперь — единственный языковед, которому Ельмслев считает себя в какой-то мере обязанным; однако он подчеркивает, что его собственный «теоретический метод» начал оформляться до того, как он познакомился с теорией де Соссюра.

Сущность нового этапа в развитии теоретического метода Ельмслева — открытый переход к воинствующему идеализму, полное «освобождение» языкознания от какого бы то ни было «соприкосновения» с какой бы то ни было «субстанцией». Ельмслев ставит теперь себе задачу изучения «языка» (в смысле соссюровского *langue*) как «чистой формы или схемы», существующей имманентно и не зависящей от ее практических «реализаций», т. е. стремится к созданию «имманентной алгебры языка». При этом он все решительнее подчеркивает свою связь с «логическим позитивизмом» Уайтхеда (Whitehead), Рэссела (Russel) и Карнапа (Carnap) — наиболее реакционным, воинствующим направлением современного идеализма, понимающим «структуру» как системы «чистых соотношений», рассматриваемых помимо соотносящихся предметов и независимо от них. Ниже будет показано, как выглядит это понимание структуры, примененное Ельмслевом к языку, у представителей «логического позитивизма», в частности у Карнапа: всякое научное положение рассматривается ими лишь как заявление о соотношениях, не предполагающее знания соотносимых предметов.

Попытаемся теперь показать, как конкретно мыслит Ельмслев создание и применение глоссематики, или «имманентной алгебры языка». Вопреки декларативным заявлениям, Ельмслев в его трудах, относящихся к «новому» периоду, не свободен от определенной связи как с де Соссюром, так и с неососсюрианцами. Он не только усваивает важнейшие из выводов этих последних, но и использует их как отправную точку. В доказательство сошлемся на известную статью Ельмслева «Notes sur les oppositions supprimables»[28]. Как известно, «устраняемые оппозиции» (oppositions supprimables) или «нейтрализация оппозиций» — понятия, принадлежащие пражской фонологии. Они возникли при трактовке звуковых корреляций в чисто функциональном или «фонологическом» плане: так, если, например, *д* и *т* вообще отчетливо противопоставляются друг другу как фонемы и как таковые выполняют определенные различительные функции в звуковой системе русского языка, то в конечном положении они теряют способность различаться, вследствие чего, например, русские *род* (рот) и *рот* (рот) оказываются внешне неразличимыми. Ельмслев эту теорию «нейтрализации оппозиций» рассматривает как революционизирую-

[28] L. Hjelmslev, Notes sur les oppositions supprimables, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 8, 1939, p. 51—57.

щее открытие и считает, что теперь можно совершенно покончить со «старым» методом в фонологии, шедшим от субстанции к форме, от конкретных фактов к все более абстрактным, и принять совершенно обратный порядок, исходя из «чистых» форм и функций и лишь выводя из них «факты субстанции» как вторичные. Этот «новый» порядок изучения Ельмслев распространяет на в с е стороны и явления языка. Так, например, если вообще морфемы *-us* и *-um* различаются (противопоставляются) в латинском языке по линии «номинатив — аккузатив» (*domus — domum*), то в *templum — templum*, например, это противопоставление «нейтрализуется», т. е. оказывается невыраженным в «субстанции», вследствие чего соответствующие единицы в целом становятся «структурно тождественными».

Поскольку на этом этапе дело ограничивалось только рассуждениями по поводу «революционизирующего» значения новых открытий и невероятно широкими и многообещающими выводами из, казалось бы, таких частных и специальных фактов, как явление нейтрализации оппозиций в области фонологии, и поскольку поэтому оставалось совершенно непонятным, каким же образом на основе о т с у т с т в и я выраженных корреляций можно описывать языковые системы, полное и окончательное изложение глоссематической доктрины, которое Ельмслев начал обещать уже с 1936 г., ожидалось с значительным интересом. Однако в течение последующих семи лет Ельмслев ограничивался частными статьями по отдельным вопросам и лишь в 1943 г. появилось, наконец, теоретическое изложение основ глоссематики под весьма многообещающим названием «К обоснованию теории языка»[29].

Переходя к характеристике этой основной работы, следует обратить внимание на ее крайне абстрактный и декларативный характер. Обычная лингвистическая терминология в ней выбрасывается и заменяется сложной и своеобразной системой терминов. Вопреки ожиданию, усложнение и специализация вводимых понятий н е сопровождается пропорциональным увеличением иллюстративного или разъяснительного языкового материала и нет даже и тени попытки продемонстрировать применение декларируемых принципов к описанию целого языка, показать возможность одинакового применения постулируемых правил к звуковой, морфологической, лексической и стилистической системам языка. Напротив, начиная с выхода в свет книги «К обоснованию теории языка», силы Ельмслева направлены на повторение ее основных положений.

Основной принцип глоссематики Ельмслев называет «принципом эмпиризма» (empiriprincipet). Однако он сразу же предостерегает против понимания этого принципа как возвращения к индуктивным методам старой лингвистики, которая шла от отдельного звука к фонеме, от отдельных фонем к их категориям и т. п. Ельмслев считает, что индукция совершенно неспособна привести исследователя от того, что колеблется, к тому, что является постоянным (fra fluktuation til konstans). Ельмслев полагает, что если уж что-либо «дано» исследователю в гносеологическом понимании этого слова, то оно дано в еще неразобранном (uanalyserede) т е к с т е, в его неразделенной и абсолютной цельности (helhed). Единственный возможный путь исследования, по Ельмслеву,— рассматривать текст как класс, который подразделяется на отрезки; эти отрезки—снова как классы, делящиеся далее, и так до тех пор, пока возможность дальнейшего разделения не будет исчерпана. Этот способ лингвистического исследования

[29] L. H j e l m s l e v, «Omkring sprogteoriens grundlæggelse». Извлечение из Festskrift, udg. af Kφbenhavns Universitet, nov. 1943. (См. в англ. переводе: L. H j e l m s l e v, Prolegomena to a theory of language, Baltimore, Waverly Press ine., 1953. Supplement to International Journal of American Linguistics, 1953, Jan., v. 19, № 1.)

Ельмслев называет «дедукцией», а предлагаемый им метод языкознания в целом — «эмпирическим» и «дедуктивным». Обоим терминам, таким образом, придается весьма специфический смысл.

Еще более специфический (а лучше сказать — открыто идеалистический и потому антинаучный) смысл имеет в понимании Ельмслева лингвистическая теория. Оказывается, что в определении самого понятия «теория» следует совершенно уклониться от гносеологических проблем как не актуальных для лингвиста: по мнению Ельмслева, вся задача теории сводится к созданию такого метода или суммы приемов, посредством которого данные предметы могли бы описываться «свободным от противоречий и исчерпывающим способом». Такое описание, оказывается, и ведет к тому, что мы обычно называем знанием или познанием предмета, и, следовательно, задача теории заключается в том, чтобы показать путь к этому знанию или познанию. Что самое интересное, мы, оказывается, приобретаем таким образом возможность познания всех предметов аналогичного строения, вследствие чего данная теория приобретает всеобщий характер.

Одним из основных и наиболее общепринятых положений современного буржуазного позитивизма является непознаваемость реально существующего мира. По мнению позитивистов, только люди отсталые и метафизически мыслящие могут думать, что путем наблюдения и исследования можно достичь познания реально существующих, объективно данных предметов. «Современная наука» (т. е. современный буржуазный позитивизм) уже давно стремится свести все науки и научное знание вообще к описаниям, не зависящим от опыта, обусловленным только внутренней логикой самого построения. В полном соответствии с этой «новой» и «научной» (т. е. на самом деле старой и антинаучной) концепцией, теория, по мнению Ельмслева, должна быть совершенно независима от всякого опыта. Она должна образовывать закрытую систему и определять посредством чисто дедуктивных операций выводы, вытекающие из заданных предпосылок. Предпосылки же должны устанавливаться теоретиком таким образом, чтобы они удовлетворяли условиям, позволяющим применять теорию к определенным данным. Поскольку из данных опыта избираются лишь те, к которым может применяться данная теория, они не могут ни подтвердить, ни опровергнуть ее универсальных прав. Она будет считаться пригодной во всех случаях при условии, что процедура будет исчерпывающей и свободной от противоречий.

*

Ельмслев требует, чтобы определения, которыми должна будет пользоваться «новая» теория языка, поскольку перед ней поставлена задача быть «неметафизической», были формальными, т. е. имеющими целью лишь определить или установить понятие по отношению к уже определенным или установленным другим понятиям, в отличие от реальных определений старого «метафизического» языкознания. Производя упоминавшийся выше анализ текста на основе формальных определений, глоссематик должен стараться как можно скорее довести языкознание до уровня «современной науки». Он должен признать, что всякая совокупность состоит не из предметов, а из их связей (sammenhaenge), и что не субстанции, а только отношения между ними существуют для науки. Иными словами, если для непосредственного восприятия линии связи или соединения и взаимозависимости частей в предмете представляются вторичными, производными, то для глоссематика они должны выступать как первичные и основные. Постулирование предметов как отдельных от терминов отношений представляет собой для Ельмслева всего лишь «метафизическую гипотезу».

В связи с этим самым важным для Ельмслева оказывается наметить априорным и умозрительным путем систему терминов и определений и лишь затем заняться языковым материалом, привлекаемым не для анализа, а скорее для иллюстрирования этих априорно построенных положений.

Характерно также и то, что выдвигаемые Ельмслевом три группы «отношений» и «зависимостей»: 1) взаимные зависимости, 2) односторонние зависимости, 3) более свободные зависимости — претендуют на универсальность. На их основе Ельмслев, исходя из систем введенных им терминов и определений, находит вполне возможным окончательно разделаться с делением на морфологию и синтаксис, которое «старое классическое языкознание» с древних времен считало необходимым. «Взаимозависимость» следует теперь отыскивать не только в соотношениях между словами в словосочетании, но и между частями слова. Новый метод анализа якобы дает возможность «обнаружить внутри слова взаимосвязи, совершенно аналогичные тем, которые находим в словосочетаниях», и поддающиеся совершенно тому же делению и описанию. Так, например, одностороннюю зависимость в тексте («селекцию»), при которой один член определяет другой, но не наоборот, можно найти не только при наличии отношений управления в словосочетании, как этому учила традиционная грамматика (например, лат. *sine* и аблатив), но и в отношениях между аффиксальной частью (afledningsdel) слова и его основой. (Точно так же, как в случае с *sine* и аблативом, где *sine* предполагает наличие в тексте аблатива, а аблатив может употребляться и без *sine*, аффиксальная часть предполагает наличие основы, тогда как основа может употребляться и без аффиксальной части).

Оказывается, между прочим, что пример с соотношением основы и аффиксальной части может быть использован уже как пример «селекции» в универсальном значении этого понятия. «Взаимозависимость в тексте» («солидарность») переносится также и на определенные отношения морфем в слове; ср. наличие морфем разных категорий внутри одной грамматической формы — например, морфемы числа и морфемы падежа. Отношение «солидарности» можно обнаружить путем раздельного рассмотрения каждой парадигмы (morphemparadigme), т. е. парадигмы числа, парадигмы падежа и т. п., в тех случаях, когда все эти значения (т. е. число, падеж и т. п.) оказываются взаимозависимыми, предполагающими друг друга. Изложенные универсальные методы оказываются, по глоссематике, вполне применимыми и, например, к слогу: при данных структурных условиях выделяется центральная часть слога (central stavelsedel) — гласный или сонант и периферийная (или «маргинальная» — marginal) — согласный или несонант. В силу того, что «маргинальная» часть слога обусловливает «текстуальное» (textuel) сосуществование с нею центральной части слога, но не наоборот, данное отношение также является «селекцией». Это насильственное уничтожение границ морфологии и синтаксиса, всякого качественного различия между словом и слогом, словом и словосочетанием имеет вполне ясную цель: уничтожение науки о языке путем искусственного стирания границ между языком и всеми другими системами знаков (или «семиологическими системами»), путем дальнейшей разработки идей «общей семиологии» или «семантики», подлинная сущность которой будет охарактеризована ниже.

Глоссематический анализ текста должен идти, согласно Ельмслеву, этапами, после каждого из которых составляется инвентарь величин, занимающих одно и то же место в цепи. С каждым этапом анализа число инвентаризуемых таким образом величин уменьшается и наконец становится ограниченным (так, если число периодов безгранично, то число слогов

уже является ограниченным, число же фонем во всяком языке может быть изображено двухзначной цифрой). Величины разных степеней могут обладать одной и той же реальной протяженностью (например, лат. *i* «иди»[30]).

В процессе глоссематической дедукции имеется этап, знаменующий переход от элементов, являющихся знаками, к элементам, уже более ими не являющимся. Этот переход приходится на границу между словом и слогом, на основании чего формулируется следующий закон: переход от знака к незнаку никогда не наступает позже, чем переход от неограниченного числа единиц к ограниченному. Незнак, входящий в знак в качестве его составной части, называется фигурой. Сущность языка состоит в том, чтобы посредством все новых соединений небольшого числа фигур образовывать множество знаков. Поэтому язык, по Ельмслеву, является не системой знаков, а системой фигур. «Старое» определение языка как системы знаков принимает во внимание лишь внешние функции языка, его связь с окружающими неязыковыми факторами, но не собственные внутренние функции языка.

«Старое» языкознание считает, что знак указывает на содержание, лежащее вне языка, глоссематика же утверждает, что «целесообразно» говорить лишь о том, существование чего можно считать «установленным», т. е. о функции знака с двумя функтивами: выражением (*udtryk*) и содержанием (*indhold*). Оба эти функтива являются солидарными (не могут существовать друг без друга). Словам «выражение» и «содержание», однако, Ельмслев не придает реального значения; их следует, по мнению Ельмслева, понимать лишь как произвольные названия для двух функтивов функции языка. Если спросить, признает ли Ельмслев наличие чего-то лежащего, в основе языкового знака, то мы получим следующий ответ. Если, например, перевести датское *jeg ved det ikke* «я этого не знаю» на разные языки, то получим разные способы выражения, которые окажутся объединенными общим значением (mening). Это «значение» представляет собой, по Ельмслеву, «аморфную массу». Его форму в каждом языке определяют исключительно знаковые функции (tegnfunktioner) каждого языка и функции, выводимые из этих функций. «Значение», становясь каждый раз «субстанцией» для новой формы, не знает для «глоссематика» другого существования, кроме как в виде субстанции для той или другой формы. Поэтому становится возможной констатация в «содержании» (indhold) языка специфической формы — «формы содержания» (indholdsform), независимой от значения, находящейся с ним в произвольном соотношении и оформляющей его в субстанцию содержания (indholds-substans).

Если верить Ельмслеву на слово, то такое понимание языкового знака дает возможность отказаться от деления науки о языке на фонетику, морфологию, синтаксис и семасиологию (стремление во что бы то ни стало каждый раз хоть попутно обрушиться все на те же «ветряные мельницы» никак не оставляет Ельмслева); кроме того, по мнению Ельмслева, это понимание вносит «ясность» и «простоту» (! — *О. А.*) в вопросы лингвистического анализа и позволяет «разъяснить весь механизм языка не известным до сих пор способом на основе научно обоснованных схем». И «план выражения» и «план содержания» якобы поддаются, таким образом, «исчерпывающему и свободному от противоречий описанию» и, что самое интересное, поскольку они выступают как построенные совер-

[30] Разъяснение этого классического примера см. у А. А. Реформатского в его «Введении в языковедение», М., Учпедгиз, 1947, стр. 11.

шенно аналогичным образом и со всех точек зрения параллельные и одинаково организованные величины, выбор терминов «план выражения» и «план содержания» оказывается совершенно произвольным, и неважно, какой из них называть содержанием, а какой выражением: важно лишь, чтобы они оба определялись как взаимно солидарные.

Вводимые Ельмслевом понятия «инвариант» и «вариант» как будто бы не требуют особого разъяснения, поскольку термин «инвариант» соответствует, грубо говоря, тому, что в плане выражения называлось в «старой лингвистике» фонемой. «Достижение» Ельмслева здесь состоит в том, что он распространил это понятие на оба плана языка, причем якобы нашел способ выделять «инварианты» для всех единиц, а не только для простейших или предельных «единиц выражения» (например, фонем). Для демонстрации того полного параллелизма, который якобы существует при выделении фигур как в плане содержания, так и в плане выражения, приводится следующий пример. Предположим, что путем механического инвентаризирования на более низком этапе анализа получены такие «величины», как *человек*, *женщина*, *мужчина*, *конь*, *жеребец*, *кобыла*, *он*, *она* и т. п. Различное комбинирование элементов этого рода, являющихся словами, ничем не отличается, по Ельмслеву, от комбинирования тех элементов, которые в обычном понимании именуются фонемами. Так, например, *жеребец*, равняясь «*он* плюс *конь*», будет отличаться, например, от *кобыла*, равняющегося «*она* плюс *конь*», так же, как, например, «*s* плюс *l*» (т. е. *sl*) отличается от «*f* плюс *l*» (т. е. *fl*). Далее, *жеребец* отличается от *мужчина*, которое равняется «*он* плюс *человек*», так, как *sl* отличается от *sn*. Эти примеры должны, по мнению Ельмслева, вполне убедить читателя в выполнимости глоссематических «правил анализа»: сведения многочисленных и сплошных масс величин к величинам, входящим в ограниченный и систематизированный инвентарь языка, причем «ограниченный инвентарь элементов» якобы будет получен для «плана содержания» точно таким же путем, как это уже делается для «плана выражения».

Выделение «инвариантов» помогает Ельмслеву ликвидировать и «устаревшее» деление на морфологию и синтаксис. При этом большую роль должна играть регистрация «коннективов» (konnektive), которые в «плане выражения» часто бывают тождественны тому, что в старом языкознании называли связующим гласным, а в «плане содержания» — тому, что прежде называли союзами. На основе регистрации «коннективов» Ельмслев делит периоды на простые предложения и сводит весь «инвентарь» через одно главное и одно придаточное предложение к одному предложению с двумя «функциональными возможностями». Тогда главное (или «избираемое» — selekterede) предложение и придаточное (или «избирающее» — selekterende) предложение выступают уже не как два вида предложений, а как два вида функции или два варианта предложения. При этом особый порядок слов в определенных видах предложений выступает как сигнал этих вариантов предложения и, таким образом, не препятствует сведению разных предложений к одному типу. Вместе с тем имя, выступающее в виде субъекта, и имя, входящее в предикат (subjekt и predikatsnomen), выступят как варианты одного и того же имени. Объект в языках, не имеющих объектного падежа, выступит как вариант той же линии, а в языках, имеющих объектный падеж, он будет вариантом имени в этом падеже. Таким образом, глоссематика претендует на то, чтобы дать возможность специфику определять специфику любого языка, указывая, какие он имеет категории, а также отношения и число инвариантов, входящих в каждую из таких категорий. Операция, которая позволяет обнаружить инварианты, т. е. определить корреляцию в одном плане, как имеющую отношение к корреляции в другом плане, называется

коммутацией. Поскольку основным постулатом является то, что язык состоит из содержания и выражения, которые вообще, по Ельмслеву, существуют только как отношение, т. е. только в силу их взаимной связанности, а связаны они в силу коммутации, последняя выступает как основное звено, как «сезам отворись» всей системы.

Ельмслев думает, что изложенная им система представляет собой огромное достижение не только по сравнению со «старой» лингвистикой, которая механически переносила на современные языки критерии латинской грамматики, различала фонетику, морфологию и синтаксис и т. п. Новая система рекламируется как достижение и по сравнению с принципами, выдвинутыми самим Ельмслевом в «Принципах общей грамматики», поскольку тогда им еще не был провозглашен универсальный принцип «коммутации». Таким образом, все, что предшествовало этому «открытию», по мнению Ельмслева, вело к односторонности, к неправильному представлению о природе языка, причем, будет ли лингвист идти от выражения к содержанию или от содержания к выражению, он все равно не преодолеет этой односторонности. Он сможет преодолеть ее и построить действительно научную (так, как понимает это Ельмслев) лингвистику, т. е. имманентную алгебру языка, только при том условии, если лингвистическое изучение выражения не будет фонетикой или изучением звуков, а лингвистическое изучение содержания не будет семиологией или наукой о значениях. Задачей лингвистики, по Ельмслеву, является, следовательно, создание «учения о выражении» (udtrykslaere) и «учения о содержании» (indholdslaere) на внутренне-функциональной основе, т. е. таким образом, чтобы наука о выражении строилась без звуковых или «феноменологических» предпосылок, а наука о содержании — без онтологических или «феноменологических» предпосылок. Тогда, в отличие от классического языкознания, была бы осуществлена лингвистика, в которой «учение о выражении» не было бы фонетикой, а «учение о содержании» не было бы наукой о значении (betydningslaere). Поскольку все это является совершенно и принципиально «новым», Ельмслев вводит для обозначения новой дисциплины и новое название, считая, что термин «лингвистика» должен употребляться для обозначения традиционной науки о языке. Новое название — глоссематика — подчеркивает отличие придуманной Ельмслевом науки от предыдущего языкознания[31].

*

Поскольку в глоссематике «языковые формы» рассматриваются безотносительно к субстанции, введенный Ельмслевом научный аппарат может, по мысли его автора, применяться к любой «структуре», форма которой аналогична обычному языку (talesprog). При этом Ельмслев старается всячески преуменьшить роль звукового языка, настаивая на том, что «звуко-мимико-жестикуляторная субстанция» может заменяться любой другой субстанцией, годной для данных целей: не говоря уже о графической субстанции (употребление которой, по мнению Ельмслева, вовсе не связано с транспонированием в звуковую субстанцию), сюда относятся разного рода коды, азбука глухонемых и т. п. То, что все эти «языки» нормально оказываются производными по отношению к звуковому чело-

[31] Общие принципы, устанавливаемые Ельмслевом в «теории языка», имеют, по его мнению, значение не только для языкознания, но и для всех наук. То, что вообще с одной точки зрения является субстанцией, с другой — является формой. Функтивы обозначают только конечные пункты и точки пересечения функций, и лишь функциональная «сеть зависимостей» является познаваемой и имеющей научное существование, тогда как «субстанция» в онтологическом понимании этого термина остается «метафизическим понятием».

веческому языку, нисколько не смущает Ельмслева: для него важно лишь, чтобы данная «манифестация» могла служить проявлением данной «языковой формы». Кроме того, утверждение о производности той или иной «манифестации» представляется ему спорным, поскольку, например, «создание буквенного письма скрывается в доистории» и предположение, что оно основывалось на анализе звуковой речи, по его мнению, является лишь вероятной гипотезой. Отсюда и вывод о том, что одной и той же «системе содержания» могут соответствовать несколько «систем выражения», вследствие чего задачей языкознания является не только описать фактически существующие «системы выражения», но и определить (beregne), какие системы, кроме этих, возможны, как выражение для данной «системы содержания», и наоборот. Ведь языковые величины имеют алгебраический характер (natur) и, будучи лишены естественных (от природы данных — naturgivne) наименований, могут называться произвольно и разными способами. Отсюда и определение Ельмслевом языка как «иерархии, каждый из отрезков которой допускает дальнейшее деление на классы, определяемые на основе их взаимного отношения так, что любой из этих классов поддается делению на дериваты, определяемые на основе взаимной мутации» (!).

Это определение преподносится в качестве основы для всего дальнейшего развития лингвистики в ельмслевовом понимании этого термина, поскольку любая «структура», удовлетворяющая этому определению, будет рассматриваться как ее предмет, и «лингвист» не сможет в дальнейшем изучать обычный язык (talesprog), не стремясь к получению «более широкой перспективы», т. е. не включая в свой предмет и других структур (это представляется Ельмслеву особенно важным также потому, что некоторые из других структур п р о щ е, чем talesprog, и потому могут служить удобными моделями для изучения последнего). Для того, чтобы осуществить эти задачи лингвистики, необходимо тесное сотрудничество с логиками, потому что именно эти последние берут в качестве главного предмета своего исследования системы знаков, рассматриваемые как абстрактные системы преобразования (omformingssystemer), и потому что именно с их стороны исходит инициатива изучения обычного языка на этой основе.

Главной работой, имеющей наибольшее значение для лингвистики, Ельмслев считает «Логический синтаксис языка» завзятого идеалиста Р. Карнапа[32]. Развитые в этой работе положения дают, по его мнению, возможность объединения целого ряда наук — от литературоведения, искусствоведения, теории музыки и всеобщей истории до логики и математики — и создания «всеобщей энциклопедии знаковых структур». Эта «логистическая» теория знака, восходящая к математике Хильберта и прошедшая через «металогику», нашла, по мнению Ельмслева, в знаковой теории Карнапа свое наивысшее развитие, выразившееся в том, что каждый язык рассматривается этой теорией только и исключительно как система выражения, безотносительно к содержанию. Таким образом, знаковая теория Карнапа помогла созданию глоссематики и «освобождению» ее от положений старой лингвистической теории, в которой знак определялся на основе его значения (ved sin betydning).

4

Как видно из изложенного, основная задача глоссематики состоит в объединении языкознания с доктриной «логического позитивизма» — самой активной в настоящее время школой буржуазного агностицизма, являющейся проявлением того философского маразма, который порож-

[32] R. C a r n a p, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934.

ден страхом империализма перед объективной действительностью. Основным социальным заказом, который империализм дает своим идеологам, является изыскание наукообразных способов сокрытия истины, изобретение различных идеалистических вывертов и ухищрений, облекаемых в «новейшую» псевдонаучную фразеологию для поддержания ветхих идей о непознаваемости мира, о метафизичности и трансцендентности всякой субстанции, всякой объективной реальности, существующей помимо нашего сознания и независимо от него. Особенно важно идеологам империализма найти способ сокрытия истинной природы общественных явлений, объективных законов, действующих в человеческом обществе. Действительно, что́ может принести империализму и его идеологам изучение реальной действительности, проникновение в ее существо, познание таких ее законов, как, например, закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил? Объективно существующие экономические законы прямо задевают классовые интересы отживающих сил общества. Отсюда и сопротивление открытию и применению таких законов.

В области гуманитарных наук «логический позитивизм» — одно из наиболее «удобных» и «эффективных» средств сопротивления объективным законам, так как он обещает «новые» и весьма наукообразные пути и возможности отвлечения науки от ее подлинной задачи — познания объективной действительности. «Мы стремились показать,— пишет Р. Карнап в заключении к «Логическому синтаксису языка»,—путем краткого рассмотрения проблем научной логики, физики и принадлежащих также к научной логике так называемых основных проблем (Grundlagenprobleme) различных научных областей, что дело здесь по существу сводится к синтаксическим вопросам» (стр. 259). Карнап считает, что им доказана сводимость всех так называемых основных проблем наук к вопросам «синтаксиса научного языка» (стр. 250—251). Так, например, вопрос о природе времени и пространства, по Карнапу, целиком сводится к вопросу о синтаксисе координат времени и пространства. Все основные проблемы биологии сводятся к способам переформулировки «выражений биологического языка» на «язык физики» и т. п. и т. д. Выбор языка «новой науки» должен определяться только соображениями удобства и «технической целесообразности» (стр. 255). Поэтому безразлично, будет ли система основных знаков логической в более узком смысле (как у Фреге и Рэссела, например) или также математической (как, например, у Хильберта, основной идеей которого, как известно, было рассмотрение математической системы знаков как системы фигур выражения в полном отвлечении от их содержания и описание ее правил по типу правил игры, т. е. безотносительно к их возможной интерпретации).

Ельмслев не скрывает своей прямой зависимости от Карнапа, он подчеркивает, сколь многим он ему обязан в смысле философского оснащения своей системы. Его задача заключается в подведении лингвистической базы под домыслы логического позитивизма об освобождении научной мысли от естественных «словесных языков» (Wortsprachen), о замене их сложными семантическими системами, имеющими целью «освободить» человечество от веками выработанного им единственного собственно человеческого средства общения — звукового языка. Он выполняет эту задачу путем «научного освобождения» языкознания от языка, путем детальной разработки «теории», доказывающей безразличие языковой системы к субстанции выражения, путем сведения языка к системе «чистых отношений», покоящихся на «законе коммутации», на законе соответствия «планов» совершенно безотносительно к их реальному содержанию. Современная наука, по словам Ельмслева, вполне может заменить

язык новыми и усовершенствованными семантическими системами, поскольку от языка требуется только одно — соответствовать «определению», даваемому глоссематикой, т. е. представлять собой «иерархию, каждый отрезок которой допускает дальнейшее деление на классы, определяемые на основе их взаимного отношения...» (см. выше). Реальный человеческий звуковой язык для Ельмслева — лишь одна из тех разнообразных систем, которые подходят под это определение и потому могут называться языками. Но он отличается от других систем своей нелогичностью и несовершенством, он плохо приспособлен для того, чтобы удовлетворять потребности «высших форм» человеческого общения, необходимых для современного буржуазного позитивизма, преодолевшего якобы старые и метафизические философские системы. Конечная цель логического позитивизма — создание «усовершенствованных научных языков», замена «содержательной речи» (inhaltliche Redeweise) формальной. Тому, кто научится в совершенстве пользоваться этим «языком», не страшна никакая реальность, он совершенно свободен не только от необходимости разбираться в действительных фактах, но и от здравого смысла.

«Необходимость употребления этих слов (имеются в виду слова, выражающие общие или отвлеченные понятия — Allwörter. — *О. А.*),— пишет Карнап (указ. соч., стр. 220),— вызвана лишь дефектностью „словесных языков“ (Wortsprachen), их нецелесообразным синтаксическим строем». «Это приводит к взгляду, что якобы дело идет о внеязыковых предметах, таких, как числа, предметы, свойства, переживания, ситуации (Sachverhalte), пространство, время и т. п. Тот факт (то обстоятельство), что в действительности мы имеем здесь дело с языком, с языковыми образованиями и их связями (т. е. с числовыми выражениями, обозначениями вещей и пространственными координатами и т. п.), скрывается путем облачения в содержательную речь (inhaltliche Redeweise); это обстоятельство становится очевидным лишь через перевод (Übertragung) в формальную речь (formale Redeweise), т. е. в синтаксические предложения о языке и языковых выражениях» (там же, стр. 225). Таким образом, философия «заменяется логикой науки (Wissenschaftslogik), т. е. логическим анализом понятий и предложений науки; логика науки есть не что иное, как логический синтаксис научного языка» (там же, стр. III—IV). Разработав некую произвольную «семантическую» систему (например, обозначив несколько видов «индивидуальных констант» знаками *in* 1, *in* 2, *in* 3, несколько видов «предиката» — знаками *pr* 1, *pr* 2, *pr* 3 и т. п.), разработав соединительные знаки (по Ельмслеву — коннективы) на основе логических понятий соединения, противопоставления, взаимного исключения и т. п., можно составлять «предложения» и «фразы» и подставлять что угодно под их отдельные члены; таким образом все, что угодно, может быть доказано как истинное или ложное, и могут быть установлены отношения необходимой связи или зависимости между компонентами, совершенно не связанными друг с другом.

Приведенные цитаты имели целью показать, каким образом система Ельмслева смыкается с «логическим синтаксисом», «семантикой» и подобными им новейшими «достижениями» современного воинствующего идеализма. Таким образом, лингвистическая теория Ельмслева приводит к уничтожению языкознания как особой и самостоятельной науки, изучающей совершенно особое и специфическое общественное явление — звуковой, самобытный человеческий язык, неотделимый от говорящего на нем народа — его творца и носителя, не поддающийся научному изучению в отрыве от истории этого народа и не существующий помимо своей специфической, конкретной формы, обусловленной всем его историческим

развитием. Отсюда следует, что объективно «теория» Ельмслева помогает тем, кто пытается отравить ядом космополитизма сознание народов, отстаивающих свою независимость. Система Ельмслева порочна не потому, что ее автор якобы стремится открыть общие законы языка. Разумная материалистическая абстракция, научно обоснованное отвлечение общих законов, свойственных человеческому языку вообще, от частных и конкретных закономерностей отдельных языков ни в какой мере не противоречит положениям научного языкознания. Более того, самые важные и существенные общие свойства человеческого языка, отличающие это особое общественное явление от всех других общественных явлений, в частности, от общественных явлений надстроечного характера, определены в гениальных трудах величайшего ученого И. В. Сталина, что́ и дает нам возможность впервые полно и глубоко уяснить природу и сущность человеческого языка.

Порочность системы Ельмслева в том, что, формулируя свои «универсальные» и «панхронические» правила и законы, он совершенно неправомерно, идеалистически, антинаучно объединил, подведя под априористические и надуманные определения, самые разнообразные «семантические» или «знаковые» системы, (такие, как световые сигналы, азбука Морзе, бой башенных часов и т. п.), смешав с ними совершенно особую, качественно и принципиально отличную систему — важнейшее средство общения людей, орудие борьбы и развития общества — звуковой человеческий язык. Поэтому делаемые им выводы, как основанные на искусственном соединении существенно различных предметов, никакой научной и практической ценности иметь не могут.

*

Работа «К обоснованию теории языка» представляет собой как бы высшую точку в «творчестве» Ельмслева. Ельмслев считает, повидимому, что теперь задача заключается лишь в том, чтобы неутомимо и упорно твердить и повторять «основные положения теории». В том, что сказанное соответствует истине, легко убедиться, если взять две теоретические работы Ельмслева, вышедшие за период 1943—1951 гг.

Первая из них—передовая статья к послевоенному номеру «Acta Linguistica» (v. IV, f. 3, p. V—XI) — снова посвящается (правда, уже на французском языке) восхвалению глоссематики как положительного и объективного исследования, которое заменит собой старую философию языка (стр. VI), как «лингвистической лингвистики», т. е. лингвистики «имманентной», отвергающей существование фактов, как логически предшествующих объединяющим их отношениям» (стр. VIII). «Она (глоссематика.—*О. А.*) требует, чтобы величины определялись через отношения, а не наоборот», и т. д.

Вторая статья — «Метод структурного анализа в лингвистике» (на русском языке[33]) появилась на страницах журнала после неоднократных и многообещающих предупреждений о ее появлении, но не дала абсолютно ни одной новой мысли по сравнению с цитированной выше передовой четвертого номера «Acta Linguistica». Более того, она оказалась всего лишь русским вариантом статьи, опубликованной Ельмслевом в 1947 г. на английском языке в «Studia Linguistica» (№ 2) под заглавием «Структурный анализ языка» («Structural Analysis of Language»). И в этой статье снова и снова, как надоевшая присказка, повторяется положение, что реальными языковыми единицами являются отнюдь не

[33] Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, «Acta Linguistica», v. VI, f. 2—3, Copenhague, 1950—51, стр. 57—67.

звуки или письменные знаки и не значения, а представленные звуками или знаками элементы соотношений (стр. 57). Здесь мы снова присутствуем при «очищении» де Соссюра от допущенных им «непоследовательностей» и узнаем, что эту задачу смог выполнить только Луи Ельмслев, сделав это «своей главной задачей в области науки» (стр. 62). Это «новое» понимание осталось, по мнению Ельмслева, «недоступным» (стр. 61), например, пражским фонологам, перенявшим у де Соссюра «...те места его книги, где понятие *langue* выступает не как чистая форма, но где язык понимается как форма в субстанции, а совсем не как нечто от субстанции независимое» (стр. 61). Отсюда необходимость «...провести принципиальную грань... и особенное название глоссематика...», необходимость «...направить свои устремления на изучение языка — *langue* — в смысле чистой формы или схемы независимо от практических реализаций» (стр. 62) и т. д.

Особенно подчеркиваются в статье заслуги Ельмслева, оказавшегося, по его собственному мнению, единственным человеком, правильно понявшим де Соссюра[34], хотя и не являющимся просто его последователем. Сообщается также о том, что собственный теоретический метод Ельмслева начал оформляться много лет тому назад, еще до его знакомства с теорией де Соссюра (стр. 63), и что его метод имеет тесную связь с логистической теорией языка, вышедшей из математических рассуждений и особенно разработанной Уайтхедом, Рэсселом, а также венской логистической школой, специально Карнапом и т. п. С удовлетворением отмечается, что Карнап определил понятие структуры совершенно так же, как Ельмслев, т. е. как явление чистой формы и чистых соотношений (стр. 63). Указывается на то, что мнение Карнапа якобы вполне подтверждается результатами, достигнутыми за последние годы языковедением (глоссематикой? — *О. А.*). В дальнейшем изложении снова повторяются положения об установлении соотношений, не содержащих никаких высказываний о внутренней природе, или сущности, или субстанции этих единиц (стр. 63), рассуждения о «коммутации» и семиологии и о важности «простых семиологических систем, прежде не признававшихся языками» (и информация об их анализе), снова приводятся пять «основных черт»[35] без каких-либо дальнейших модификаций и т. д. и т. п. Так топчется на месте «теоретик глоссематики» в надежде, что путем энергичного и упорного повторения на разных языках своих основных положений ему удастся, наконец, убедить еще «не обращенных» языковедов.

---

[34] Как сообщает Ельмслев в данной статье, это признал даже Балли, написавший ему об этом специальное письмо за несколько месяцев до смерти. В связи с указанным фактом любопытен комментарий Ельмслева: «Следует, действительно, удивляться, что это не было сделано раньше» (стр. 62).

[35] «1. Язык состоит из содержания и выражения. 2. Язык состоит из последовательного ряда (или текста) и системы. 3. Содержание и выражение взаимно связаны в силу коммутации. 4. Имеются определенные соотношения в тексте и в системе. 5. Соответствие между содержанием и выражением не является прямым соответствием между определенным элементом одного плана и определенным элементом другого, но языковые знаки могут разлагаться на более мелкие компоненты. Такими компонентами знаков являются, например, так называемые фонемы, которые я предпочел бы назвать *таксемами* выражения и которые сами по себе не имеют содержания, но могут слагаться в единицы, имеющие содержание, например, в слова» (Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, р. 66—67).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

(ЛЕНИНГРАД)

К ВОПРОСУ О ТИПЕ ОДНОТОМНОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ*

1

В статье «О трех типах толковых словарей...» С. И. Ожегов, кратко изложив историю русской лексикографии советской эпохи, писал: «Подводя итоги, следует признать, что в области общих словарей языка русская советская лексикография, используя богатый опыт дореволюционной лексикографии, достигла известных положительных результатов. Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: б о л ь ш о й, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; с р е д н и й, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, к р а т к и й, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи»[1]. Далее автор перечисляет те вопросы современной лексикографии, от различного решения которых зависит тот или иной тип словаря: 1) лексический состав и принципы отбора лексики для словаря, 2) проблема омонимии в современном языке, 3) классификация и определения значений, 4) стилистическая характеристика слов, 5) грамматическая, произносительная и акцентологическая характеристика слов. С. И. Ожегов в своей статье высказывает ряд соображений лишь по первому вопросу, а остальные только указывает. Более подробно он освещает особенности «большого» словаря, характеризуя «малый» и «средний» по линии противопоставления их «большому».

---

* О т р е д а к ц и и. Придавая большое значение вопросам теории и практики составления толковых словарей языков народов Советского Союза и прежде всего толковых словарей русского языка, редакция открывает статьей А. П. Евгеньевой, а также публикуемой в этом же номере журнала рецензией Р. Р. Гельгардта обсуждение достоинств и недостатков недавно вышедшего в свет вторым изданием однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова — в свете основных задач советской лексикографии. Приглашая широкие слои читателей нашего журнала принять участие в этом обсуждении, редакция надеется, что свободный обмен мнениями окажет благотворное влияние на развитие и усовершенствование теории и практики нашей отечественной лексикографии.

[1] С. И. О ж е г о в, О трех типах толковых словарей современного русского языка, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 91—92.

В 1952 г. вышел вторым изданием однотомный «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым[2], который следует рассматривать как практическое осуществление принципов, выдвинутых автором во введении к словарю, а также и в названной выше статье[3]. «Однотомный словарь русского языка,— пишет С. И. Ожегов во введении,— является руководством к правильному употреблению слов, к правильному образованию их форм, к правильному произношению, а также к правильному написанию слов в современном русском литературном языке» (стр. 4). Он «представляет собой общедоступное пособие, которое призвано содействовать повышению культуры речи, изучению и пониманию (разрядка наша.—*А.Е.*) современного русского литературного языка» (стр. 3). В статье о трех типах словарей однотомный словарь определяется как «строго нормативный, краткий словарь» (стр. 103); «чисто нормативный» (стр. 96), он (как и два других словаря) должен явиться «мощным средством распространения углубленных знаний о русском языке, о его богатстве и выразительности, средством, облегчающим непосредственное общение между братскими народами Советского Союза, мощным средством для повышения культуры речи» (стр. 103).

Такие широкие и важные задачи, массовый характер однотомного словаря (он выходит в сотнях тысяч экземпляров, им широко пользуются в наших национальных республиках и в странах народной демократии) обусловливают его исключительное значение и налагают на составителя большую ответственность.

Нужда в массовом, общедоступном словаре русского языка огромна, поэтому как первое, так и второе издание «Словаря русского языка» было встречено очень горячо. Сейчас нужны новые его издания, так как второе уже разошлось. Автор словаря сделал большое и важное дело. «Выход в свет большого однотомного словаря русского языка, охватывающего учетом и краткими определениями 51 533 слова, является выдающимся событием нашей культурной жизни»,— пишет один из рецензентов словаря[4].

Второе издание «Словаря русского языка» значительно отличается от первого. Оно не только пополнилось в своем лексическом составе, но в него внесены значительные изменения.

Исправлены многие определения, переработан ряд словарных статей, пересмотрена и значительно расширена стилистическая характеристика слов, заменены неудачные иллюстрации, сделано перераспределение фразеологического материала, проведена работа по расположению производных и ссылочных слов, сняты этимологические пометы.

Для решения труднейшей задачи создания краткого однотомного нормативного словаря современного русского литературного языка автор

---

[2] Словарь русского языка. 52 000 слов. Сост. С. И. Ожегов. Под общ. ред. С. П. Обнорского. 2-е изд., испр. и доп. (Научно-лексикологическая редакция 2-го издания проведена канд. филол. наук Н. Ю. Шведовой.) М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 848 стр. (146,2 уч.-изд. л.). Тираж 150 000 экз. Ср. первое издание: Словарь русского языка. 50 000 слов. Сост. С. И. Ожегов. Глав. ред. С. П. Обнорский. М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 968 стр. (127 уч.-изд. л.). (Ин-т русского языка АН СССР). Тираж 100 000 экз.

Указания на страницы 2-го издания словаря, а также на страницы статьи С. И. Ожегова в дальнейшем даются в тексте в скобках.

[3] Мы рассматриваем статью С. И. Ожегова как изложение принципов, которыми он руководствовался в своей работе, потому что статья появилась на несколько месяцев раньше 2-го издания словаря, следовательно, была написана одновременно или сразу же по окончании работы над словарем.

[4] А. Дымшиц, Заметки на полях словаря, «Новый мир», М., 1953, № 1, стр. 277—278; см. также рецензию Н. Ю. Шведовой на первое издание словаря (Н. Ю. Шведова, Словарь русского языка, «Советская книга», М., 1949, № 10, стр. 93—99).

проделал огромную работу. Выдвинув в качестве главной задачи уточнение норм современной литературной русской речи, С. И. Ожегов стремился найти наиболее верные пути к ее разрешению. Поиски этих путей, выработка принципов построения словаря нашли отражение как в самом словаре, так и во вводной его части и в названной выше статье. Основные и общие положения автора не вызывают возражений. Однако, несмотря на большую работу, проделанную им по исправлению недочетов, имевшихся в первом издании, по усовершенствованию словаря в целом, второе его издание все еще не свободно от недостатков. Самым существенным из них следует признать прежде всего непоследовательность автора в применении своих принципов. От этой непоследовательности и зависят многие промахи и ошибки в словаре.

Теория должна органически сочетаться с практическим осуществлением основных ее принципов. В области составления толковых словарей это особенно важно. Здесь могут убедить читателя лишь самые способы реализации и конкретизации общих принципов. Поэтому при анализе словаря, составленного С. И. Ожеговым, прежде всего целесообразно поставить вопрос о том, в какой мере и как осуществляется в структуре этого словаря единство лексикографической теории и практики, в каких отношениях и направлениях наблюдается разрыв между выдвинутыми принципами и их применением и какими причинами вызваны эти отклонения от правильного пути [5].

2

Однотомный словарь «не ставит себе задачей отразить все многообразие словарного состава современного литературного языка и охватывает только наиболее существенные его части»,— пишет автор (стр. 4). В свете этого совершенно правильного положения вопрос отбора лексики для однотомного нормативного словаря приобретает исключительно важное значение, так как задача заключается не только в том, чтобы представить лексический состав с точки зрения нормы современного литературного языка (путем соответствующего подбора слов и помет при определенных группах слов), но и в том, чтобы из лексического состава выделить действительно наиболее существенные и важные в настоящее время части.

Над разрешением этой трудной задачи автор очень много работал, но даже второе издание словаря нельзя признать «строго нормативным» по отношению к словарному составу литературного языка, нельзя согласиться также, что в нем с нужной точностью и нужной полнотой (для однотомного словаря) отражены наиболее существенные части лексического состава литературного языка. Во втором издании многого недостает из современной лексики и в то же время в нем много лишнего, не только неактуального, но и лежащего за пределами нормы литературного языка.

Однотомный словарь рассчитан на самые широкие круги читателей, следовательно, в нем должна быть представлена общеупотребительная, отражающая разные стороны нашей жизни лексика, причем чрезвычайно серьезным в данном случае является вопрос о наиболее подвижной части словарного состава, т. е. той его части, в которой с предельной яркостью отражаются различные изменения, происходящие в нашей жизни. В словарь должно войти то, что приобретает в наши дни особенно широкое значение, к чему приковывается внимание широчайших масс, что становится неотъемлемой частью нашей действительности и характеризует ее. Некоторые из таких слов «навсегда» или очень надолго останутся в литера-

[5] В подготовке материала, использованного автором статьи, принимали участие научные сотрудники Словарного сектора Института языкознания АН СССР т.т. С. Ф. Геккер, И. И. Матвеев, Г. П. Князькова и Л. Л. Кутина.

турном языке, другие уйдут из него или переместятся из общелитературного языка в специальные, профессиональные группы слов. Но словарь, отражающий современный лексический состав, должен охватить с возможной полнотой наиболее употребительные в настоящее время слова.

В однотомном словаре с этой точки зрения имеются значительные промахи и недочеты. Приведем некоторые примеры. Каждое предприятие, каждый член производственного коллектива заинтересован в среднесуточной (среднемесячной, среднегодовой) выработке, добыче и т. п. *Среднесуточный, среднегодовой* — слова широкого употребления, однако слово *среднесуточный* отсутствует в однотомном словаре, а слово *среднегодовой* приведено очень неудачно в качестве примера в словарной статье: «Средне... Первая часть сложных слов в знач. средний...» в одном ряду со словами *среднерусский* и *средневолновой*.

В словаре нет таких широко распространенных сейчас слов, как *наращивание* (наращивание производственных мощностей), *ознаменование* (в ознаменование чего-нибудь)[6], *поточно-комплексный* (метод), *бульдозер* и др. В нем также нет целого ряда слов, с которыми мы встречаемся в «Кратком курсе истории ВКП(б)», в сочинениях В. И. Ленина и И. В. Сталина, в нашей общественно-политической литературе, в газетах, журналах и т. д.

Мы имеем в виду не узко специализированные термины, а слова и термины широкого употребления, а также книжную широкоупотребительную лексику, например: *обусловленность, неизменяемость, отличение* (для отличения реального и фиктивного), *эмпириокритический* (эмпириокритическая философия), *продуманность, неразложимый* (неразложимые состояния сознания), *протаскивание* (фидеизма), *спутыванье* (бессвязное спутыванье противоположных философских точек зрения), *блуждание* (идеалистические блуждания»), *убавление* (движения), *агрегатный* (агрегатное состояние), *научно-философский* и т. д.

Во вступительной статье ко второму изданию словаря С. И. Ожегов писал: «При переработке Словаря автор исходил из положения о том, что словарный состав языка находится в состоянии непрерывного развития. С этой точки зрения был пересмотрен как состав слов в Словаре, так и определения значений с тем, чтобы Словарь полнее и точнее отразил современное состояние русского литературного языка. Включены новые слова и выражения, появившиеся за последние годы и получившие общенародное распространение» (стр. 3). В словарь, действительно, введено много новых слов, появившихся в связи с ростом и развитием нашей страны, например: *аэрация, аэронавигация, аэровокзал, лесозащитный, лесопосадочный, маркировать, опытник, овощевод, отчетно-выборный, электропахота, электроплуг, электротрактор* и др. Однако в словаре нет таких слов, как *электросушилка, электродойка, узкорядный* (посев), *внутрихозяйственный, артезианский* (артезианские воды), *электросеть, теплосеть, теплоцентраль, спектроскоп, гипертонический* и др., которые по своей употребительности и широте распространения ничем не отличаются от приведенных выше. Из того, как включаются во второе издание и как исключаются из него слова (по сравнению с первым изданием), нельзя понять позиций составителя. Почему, например, исключены слова *пирамидон, перистальтика, перитонит*, но введены *пенициллин, пигментация*?

В словарном составе современного литературного языка в связи с бурным развитием науки и техники, в связи с расцветом культуры особое

[6] В словарной статье на глагол *нарастить* даны: несов. *наращивать*, сущ. *наращение*. Существительные на *-ение, -ание* даются в словаре редко, но даны, например, при *обвести — обведение*, при *обалдеть — обалдение* и т. д.

место занимает специальная и терминологическая лексика: она приобрела несравнимо более широкое распространение и употребление, чем в предшествующие эпохи. С. И. Ожегов правильно определяет в статье принцип отбора терминов: «...решающим моментом для отбора терминов,— пишет он, — должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль» (стр. 100). Однако в словаре автор далеко не всегда реализует это совершенно правильное положение.

Совершенно очевидно, что С. И. Ожегова не удовлетворял лексический состав первого издания словаря[7], поэтому он предпринимает широкий пересмотр всего словника. Автор включает во второе издание названия народов, населяющих Советский Союз, и названия народов, игравших роль в мировой истории, включает слова самого различного характера, принадлежащие к разным стилям и жанрам речи, к разным областям словоупотребления (*ландтаг*, *ледоруб*, *остроконечный*, *отводок*, *одноклассник* и др.), но наряду со словами литературного языка, действительно жизненными и нужными, он вводит во второе издание слова, которые сам сопровождает пометами «просторечное», «бранное», «презрительное», «неодобрительное», «устарелое» и т. д. Приведем некоторые из них: *антимония* (разводить антимонии), *камергерский*, *камер-юнкерский*, *пижонский*, *барахло*, *манатки*, *буржуйка*[1] (печка-времянка), *крепки* (игра в шашки), *нэпман*, *нэпманша*, *нэпманский*, *манка* (манная крупа), *хлебово*, *хрячок*, *вкусовщина*, *ага* (в значении «да»), *пока* (в значении «до свидания»), *того* (межд.), *чего* (зачем, почему), *бабник*, *балбес*, *брехун*, *вертихвостка*, *вахлак*, *лупоглазый*, *ободранец*, *оболтус*, *остолоп*, *пентюх*, *шматок*, *танцулька*, *заворошка*, *лопать* (есть), *обхохотаться*, *обхохатываться*, *сбрехнуть*, *сдохнуть*, *сиганути*, *фырчать*, *хлобыстать*, *чебурахнуть*, *шарахнуть*, *шастать*, *шкода*, *шкодить*, *шмякнуть*, *очуметь*, *очухаться*, *шпынять* *шунять*, *липа*[2] (фальшивка, подделка), *пушка*[2] (вранье, ложь), *лафитник* (рюмка), *посошок* (рюмка водки), *вдрызг*, *аварийщик*, *буза*[2] (шум, скандал), *бузить*, *бузотёр*, *бузотёрка*, *каталажка*, *упереть* (украсть), *карманник*, *лагерник*, *шатия*, *шпана*, *шантрапа*, *шушера*, *испохабить*, *паршивец*, *паскудный*, *хайло*, *харя*, *чертовка*, *чёртова перечница*, *хапуга*, *хапать*, *хамить*, *хаметь*, *охаметь*, *хлюст*, *кафешантанный*, *публичная женщина*, *публичный дом* и т. д. и т. п.[8]

Такие слова не отражают и не могут отражать современного состояния русского литературного языка, потому, во-первых, что сомнительна принадлежность многих из них к литературному языку, а во-вторых, потому, что многие из них уже отмирают в языке. Одна из задач словаря, о которой говорит автор,— «содействовать повышению культуры». Включение в словарь подобных слов противоречит этой задаче. Нам кажется, что не только названные слова, но и такие, как *подзабыть*, *подзакусить*, *поднажать*, *подкачать* и т. д., с большой осторожностью должны включаться в однотомный словарь.

В § 2 введения к словарю сказано, что в него «как правило», не помещаются «слова с явно выраженным грубым оттенком» (стр. 4). Однако в словаре немало таких слов, как *обормот*, *сволочь*, *сволочной*, *прохвост*,

[7] В рецензиях на первое издание был сделан целый ряд замечаний по поводу состава словаря (см. указ. рец. Н. Ю. Шведовой и рец. Н. Родионова «Об одном неудачном словаре», «Культура и жизнь» 11 июня 1950 г.).

[8] Иногда автор вводит большие группы просторечных и жаргонных синонимов к словам нейтральным, общелитературным. Например, в дополнение к словам *бить*, *ударить* (в значении «наносить, нанести побои, удары»), во второе издание введены следующие синонимы: *заехать* (в физиономию), *огреть*, *саданути*, *дубасить*, *колошматить*, *лупить*[2], *лупцевать*, *отдуть*, *отдубасить*, *отколошматить*, *отлупить*, *отлупцевать*, *отщёлкать и отщелкать* и т. д.

стервец, *прохвостка*, *хрыч*, *хрычовка*, *хайло* и т. п. Какие же слова составитель словаря считает «словами с явно выраженным грубым оттенком»? При обилии просторечных, жаргонных и разговорных вариантов слов, которые не так уж часто употребляются в литературном языке, в словаре нет многих общераспространенных слов (в особенности производных, о которых см. ниже).

Во второе издание в соответствии с введением к словарю, в котором говорится, что «значительно расширен круг сложносокращенных слов из числа тех, которые имеют общенародное употребление», автор ввел целый ряд общеупотребительных сложносокращенных слов, однако мы не найдем здесь слов: *ГЭС*, *земснаряд*, *АССР*, *ГорОНО*, *сельпо* и др.[9]

Несколько лучше обстоит дело с исключением из второго издания некоторых слов, имевшихся в первом издании. Исключение, так же как и пополнение, затрагивает весь состав словаря: исключаются не только «устарелые» слова, но и слова, не имеющие широкого употребления, а также термины и слова, имеющие специальный, ограниченный характер (*лимб*, *лактоза*, *ландо*, *лансье*, *лаж*, *лампион*, *лапсердак*, *мономания* и др.). Но и здесь не всегда кажутся оправданными исключения, в особенности в отношении некоторых широко распространенных терминов (*пирамидон*, *полифония*[10], *марина* и др.). Не все действительно устарелые слова исключены из словаря, хотя автор и заявляет во введении, что из второго издания исключены те слова, «о которых можно сказать, что они выпали из словарного состава и не входят даже в пассивный словарный запас говорящих» (стр. 3). Но разве не к таким словам относятся, например, слова *тулумбас*, *чресла*? Устарелыми и едва ли нужными в кратком нормативном словаре являются и такие слова, как *арбалет*, *бердыш*, *берковец*, *блудница*, *архалук*, *афронт*, *асессор*, *валютчик* (в период нэпа: спекулянт иностранной валютой), *кочедык* (шило для плетения лаптей), *косуля*[2] (в старину род сохи), *ханжа*[2] (китайская хлебная водка), *сулея*, *сулейка*, *предстатель*, *пророчица*, *осанна*, *твердь*, *мание*, *понтёр*, *понтировать*, *спонтировать*, *понтировка*, *погибельный* и т. д. и т. п.

В статье, напечатанной в журнале «Вопросы языкознания», и во введении к словарю С. И. Ожегов высказал ряд положений по вопросу об отборе лексики. Он писал: «Краткий словарь обнимает активный запас современной лексики с привлечением той лексики пассивного запаса, которая необходима с той или иной точки зрения для характеристики современного языка» (указ. статья, стр. 100). Переработку первого издания автор предпринял для того, «чтобы Словарь полнее и точнее отразил современное состояние русского литературного языка» (стр. 3). В строго нормативном кратком словаре, который, по словам автора, призван «содействовать повышению культуры речи, изучению и пониманию современного русского литературного языка» (стр. 3), просторечная, областная и жаргонная лексика должна быть представлена в крайне ограниченном

---

[9] Приведены также сокращения некоторых слов, употребляемые в сложных словах, например, *ком...*, *фаб...*, но они иногда недостаточно разъясняются. *Фаб...* определяется так: «Сокращение, употр. в сложных словах в знач. фабричный, напр., *фабком*, *фабзавком*, *фабзавуч*». Но что значит сложносокращенное слово *фабзавуч*, узнать из словаря нельзя, так как определения этого слова в нем нет, так же, как нет толкований прочих составляющих его компонентов. *Ком...*, по толкованию словаря, есть сокращение, употребляемое в сложных словах в значении: 1) коммунистический, 2) командный, 3) командир. Но ни одно из этих определений не объясняет второй сокращенной части, например, в словах *фабком* (комитет) или *военком* (комиссар).

[10] В словаре дается *поли...* как первая часть сложных слов, но второй части слова нет.

объеме, поэтому пополнение словника второго издания большим количеством просторечных, бранных и жаргонных слов совершенно непонятно и ничем не оправдано.[11]

Вопрос о норме и нормативности в отношении словарного состава языка С. И. Ожегов ставит в своей статье в общей, но ясной форме: «...норма есть система наиболее пригодных („правильных", „предпочитаемых") для обслуживания общества средств языка, система, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа существующих, наличествующих, образуемых или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» (стр. 94). Опираясь на это положение, автор должен был с особым вниманием отнестись к тем разрядам слов, которые стоят на границе литературного языка, т. е. к некоторым группам просторечных и областных слов, имеющих широкое распространение, и произвести более строгий отбор из них. Безусловно, неуместны в однотомном словаре жаргонизмы, а они иногда введены и скрыты под двойными пометами «просторечное» или «презрительное» или «неодобрительное», «бранное» и т. п. (см., например, пометы к словам *липа*[2], *шпана*).

Стремясь к осуществлению своей главной задачи — к уточнению норм современной литературной речи, автор придает большое значение стилистической характеристике слов[12]. Второе издание словаря резко отличается в этом отношении от первого: С. И. Ожегов вводит новые пометы (просторечное, высокое, книжное, официальное) и очень широко пользуется стилистической характеристикой, сопровождая пометами не только вновь вводимую лексику, но и лексику, которая не имела помет в первом издании (ср., например, слова на букву *Л* в первом и втором изданиях: *лабаз*, *лавочник*, *лад*, *ладиться*, *ладья*, *лаз*, *лазурный*, *лазурь*, *лазутчик*, *лапидарный*, *ледоруб* и т. д.).

При той важной роли, которую должны выполнять по замыслу автора стилистические пометы в деле нормализации употребления лексики, казалось бы естественным при характеристике помет «просторечное» и «областное» указать, что они имеют, кроме стилистического, еще и предостерегающее (а в некоторых случаях и запретительное) значение (как сделано это, например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова). Но С. И. Ожегов выдвигает в качестве основания для включения в литературную речь (а следовательно, и в однотомный словарь) просторечных и областных слов лишь употребление их в качестве стилистического средства (см. § 16, стр. 6). Это положение, верное для большей части встречающихся в современной литературной речи просторечных и областных слов, приобретает поощрительный характер, если не будет иметь соответствующего объяснения или уточнения. Кроме того, для целого ряда слов, введенных во второе издание словаря, это положение неприменимо: трудно представить

---

[11] Автор значительно пополнил, например, словник на букву *О*, но наряду с действительно необходимыми и широко употребительными словами: *обком*, *облисполком*, *общенародный*, *общесоюзный*, *овеществить*, *отборочный*, *отчётно-выборный*, *организационный*, *однотипный*, *обеззаразить*, *овощевод*, *овцевод* и т. д.— он дал большое количество слов бранных, просторечных и областных: *охальник*, *охальный*, *охальничать*, *очумелый*, *очухаться*, *отчихаться*, *околачиваться*, *обзвонить* (позвонить многим), *обхохотаться*, *обхохатываться*, *обыскаться*, *обалделый*, *обалдеть*, *оболванить*, *обдурить*, *обдуть*[2], *обжулить*, *околпачить*, *облапошить*, *отбрить* (резко или оскорбительно ответить кому-нибудь, отказывая...), *обстряпать* (выгодно устроить, завершить), *охаживать* и *обхаживать*, *отколупать*, *оттяпать*, *осерчать*, *обувка*, *ой-ли*, *оболтус*, *обормот*, *ободранец*, *олух*, *остолоп* и т. д.

[12] Вопрос о стилистической характеристике слов в толковых словарях русского языка представляет особый интерес. Он должен быть освещен в специальной статье.

себе современного писателя, который бы в авторской речи (и даже в речи своих героев) допустил в качестве «стилистического средства» такие слова, как приведенные выше *испохабить*, *паскудный*, *обормот*, *обхохатываться*, *хайло*, *охаметь*, *чебурахнуться* и т. п.

Нам кажется, что переработка первого издания со стороны его словника еще не привела к желаемым результатам и вопрос о том, как понимать нормативность для однотомного словаря, практически не разрешен.

3

Особо следует остановиться на том, что́ в подборе лексики для однотомного словаря представляет чрезвычайную трудность. Тип краткого словаря не дает возможности включить всю «нейтральную» лексику литературного языка. Значительные сокращения лексики, даже в более обширных словарях, всегда идут по линии производных слов. Тем бо́льшие сокращения в этой области должны быть сделаны в кратком словаре.

С. И. Ожегов в статье «О трех типах толковых словарей» коснулся проблемы отбора производных слов для словаря только с точки зрения его нормативности, в отношении включения в словарь словообразовательных параллелей одного и того же слова. Между тем здесь два очень важных вопроса: во-первых, вопрос о параллельных образованиях (*порывистый* и *порывчатый*, *дипломник* и *дипломант* и т. п.), во-вторых, вопрос о легко образуемых и легко понимаемых производных словах: а) о словах, имеющих одну основу, например, *лицевать*, *перелицевать*, *перелицовывать*, *перелицовка*, *перелицовывание* и т. п.; б) об однотипных суффиксальных и префиксальных образованиях, например, существительных на *-тель*, *-ник*, *-ение* и т. п. По поводу первого вопроса С. И. Ожегов пишет: «...для среднего и краткого словарей (чисто нормативных), отражающих сравнительно ограниченный этап развития словарного состава, дело отбора словообразовательно параллельной лексики представляется более или менее ясным...» (указ. статья, стр. 96). И далее: «Ясно, что краткий словарь нормативного типа включает только одну, активную форму параллели, сообразуясь вообще с лексической значимостью параллельных образований. Нормативный словарь среднего типа может расширить круг параллелей включением стилистически отличающихся форм» (там же, стр. 97). Хотя примеры, которыми С. И. Ожегов иллюстрирует свое положение (*дипломник* — *дипломант*, *проектировщик* — *проектант*, *порывчатый* — *порывистый* и т. д.), взяты им из однотомного словаря, однако они не могут служить доказательством того, что автор всегда руководствовался высказанным принципом, потому что в целом ряде случаев он решил вопрос иначе. Например, в дополнение к «активным формам параллелей» во второе издание словаря вводятся с различными пометами следующие слова: *жарынь* (прост.) — к *жара*; *посереди* (прост.) и *посерёдке* (прост.) — к *посередине*; *молодчага* (прост.) — к *молодчина*; *обувка* (прост.) — к *обувь* и др.

Иногда автор вводит во второе издание параллели не только к литературным, но и к областным словам; так, к областному слову *молодица* вводятся *молодка* (обл.) и *молодуха* (обл.); ср. также две просторечные «параллели» *мосол* и *мослак* и т. п. Положению автора о выборе для словаря «активной параллели» противоречит в ряде случаев отсутствие в словаре форм «вторичного» несовершенного вида от приставочных глаголов совершенного вида (*брошюровать* — *сброшюровать* — *сброшюровывать*), так как эти формы не только очень употребительны, но в большинстве случаев имеют семантические отличия, а также свои производные (об этих случаях см. ниже).

Второй вопрос — о «легко образуемых» производных словах решается в однотомном словаре очень сложно и связан с расположением в нем словарного материала. Автор применил в словаре частичный гнездовой принцип. «Гнезда» довольно разнообразны, их перечень (9 видов) и характеристика даны в § 4 введения (стр. 4—5). Совершенно естественно, что весьма значительное количество групп производных слов не вошло в гнезда, а дано в самостоятельных статьях. Таким образом, получились две категории с очень сложными отношениями в общей лексической системе: 1) группы однотипных суффиксальных и префиксальных образований, которые как наиболее употребительные или входят в словарь в виде самостоятельных статей, или остаются за его пределами, если они не имеют широкого распространения в языке, и 2) группы различных суффиксальных и префиксальных образований, судьба которых в словаре неодинакова: а) слово не включается в словарь как «легко образуемое» и не имеющее «устойчивого широкого распространения в языке» (§ 6, стр. 4—5); б) слово помещается в гнезде «под основным словом» и не толкуется, потому что «новый смысловой оттенок создается только в связи с принадлежностью производного слова к иной грамматической категории по сравнению с основным словом» (§ 4, стр. 4); в) слово дается в самостоятельной словарной статье, если оно имеет «иные, новые значения, не вытекающие непосредственно из грамматико-смысловых связей с основным словом» (§ 5, стр. 4). Такое расположение затрудняет нахождение слова и его понимание, так как в гнезде не даются толкования производных, а некоторые гнезда бывают сложными. Так, при глаголах приводятся не только их видовые соответствия, но и существительные и прилагательные, например: «**Грузить**... || сов. *загрузить* (к 1 знач.), *нагрузить* (к 1 знач.) и *погрузить* (ко 2 знач.); сущ. *погрузка*; прил. *погрузочный*». Мы не затрагиваем здесь общих вопросов гнездования, так как в данном случае нас интересует только лексический состав словаря.

Просмотр состава «легко образуемых» производных слов (самостоятельных статей, ссылочных статей, слов в гнездах), включенных в словарь, показывает, что и здесь автор часто был непоследователен в соблюдении своих принципов. Градация производных слов по принципу их размещения в «строго нормативном» словаре является одновременно указанием на широту их распространения и возможность употребления. Принципом введения в словарь производных слов (и их словообразовательных параллелей), как и всех других слов, может быть лишь степень их актуальности в языке и их «лексическая значимость». Нет никаких сомнений в том, что общественная значимость таких слов, как *обусловленность*, *неизменяемость*, *продуманность*, *блуждание*, *протаскивание*, *непонимание*, *нерешенность*, *неограниченность*, *ознаменование* (чего-нибудь); *неразложимый*, *неограниченный*, *неуверенный*; *спутываться* и т. д. — значительно выше, чем таких слов, как *умаление* (умалить), *облачение* (облачить), *поение* (поить), *переедание*, *обведение*, *обесцвечение*, *улюлюкание*; *вилочный*, *бальзамный*, *балюстрадный*; *обхохатываться* и т. д. Однако последние введены в словарь, а первых в нем нет.

Отсутствие в «Словаре русского языка» целого ряда слов из актуальной современной лексики объясняется также и тем, что автор часто становится на позицию только грамматико-смысловых связей и отношений. По принятым в словаре правилам в нем не помещаются отдельными статьями причастия[13] (например, *обусловленный*, *продуманный*), следовательно,

[13] Отступления делаются лишь для наиболее употребительных, стоящих на грани с прилагательными или перешедших в прилагательные, но и здесь автор крайне непоследователен.

нет и производных от них (*обусловленность*, *продуманность*); не всегда даются различные видовые варианты глаголов, например, нет глаголов *спутывать*, *спутываться*, следовательно, нет и существительного *спутывание* и т. д. Это объясняется отчасти сложной системой расположения материала и ссылочных отношений, обусловленных гнездованием. Слова при этом иногда «теряются» и даже совсем «исчезают» из словаря. В некоторых случаях по непонятной причине в гнезде отсутствуют те или иные производные слова, хотя при равных основаниях в других гнездах даются подобные.

Гнездовой принцип спутывает в словаре картину лексического состава современного языка, из которого, по словам автора, в однотомном словаре представлены «наиболее существенные части». Если некоторые слова «исчезают», благодаря тому что в словаре не приводится их «основное» слово, а другие «теряются», потому что даются под «основным» словом, от которого они отделены промежуточными звеньями, то во многих случаях одно и то же слово приводится в словаре два и даже три раза. Это особенно характерно для отглагольных существительных (на *-ние*, *-ка*, *-ёж* и т. п.). Например, существительное *загрязнение* дано в словаре два раза, но найти его не так просто, потому что на алфавитном месте его нет. Оно дано в двух гнездах: при глаголе *грязнить* и при глаголе *грязниться*; существительное *нагромождение* дано два раза: на своем алфавитном месте (кроме значения действия, это слово имеет значение результата действия и поэтому выносится в самостоятельную статью) и при глаголе *громоздить*; существительное *спуск* дается три раза: на своем алфавитном месте и при глаголах *спустить* и *спуститься*, причем в этом случае получаются перекрестные ссылки на слова и значения.

Гораздо проще было бы на алфавитном месте при существительном *спуск* дать ту характеристику значений, которая дается ему в статьях на глаголы *спустить* и *спуститься*, чем три раза повторять одно и то же существительное с его грамматической характеристикой. Подобных случаев запутанных соотношений слов в самостоятельных словарных статьях со словами в гнездах очень много, причем повторения иногда захватывают не только грамматическую характеристику, но даже и иллюстрации. Например, слова *платеж* и *платежный* даны как самостоятельные статьи на своем алфавитном месте, и, кроме того, они входят в гнездо глагола *платить*, где слово *платежный* сопровождается той же иллюстрацией, что и в самостоятельной статье (*платежный день*).

Укажем еще одну особенность гнездования, принятого в словаре, в ряде случаев нарушающую реальную картину грамматико-смысловых связей и отношений лексической системы языка. Словарные статьи, как правило, даются на глагол совершенного вида, а несовершенный вид приводится в гнезде (*развить* — несов. *развивать*), но если глагол несовершенного вида имеет непроизводную основу, словарная статья дается при этом глаголе, а глаголы совершенного вида префиксального образования приводятся в гнезде[14]. Например, в гнезде на глагол *путать* даны приставочные глаголы *впутать*, *запутать*, *перепутать*, *спутать*. Но эти приставочные глаголы имеют соответственные пары несовершенного вида «вторичного образования» (*впутывать*, *запутывать*, *спутывать*), причем соотношение вторых пар (*спутать* — *спутывать*, *запутать* — *запутывать* или подобных им *нагреть* — *нагревать*, *обучить* — *обучать* и т. п.) в современном языке ощущается не менее сильно, чем первых пар (*путать* — *спутать*, *греть* — *нагреть*, *учить* — *обучить*). В словаре же

[14] См. в словаре глаголы *валить*, *гнуть*, *грузить*, *грязнить*, *твердеть*, *учить* и т. п.

второе соотношение префиксальных глаголов между собой снято: приставочный глагол несовершенного вида «вторичного образования» выносится в отдельную словарную статью без соотнесения с глаголом, от которого он образован, и определяется при помощи однокоренного бесприставочного глагола (например: «**Нагревать**... Греть (в 3 знач.)»; «**Запутывать**... Путать (в 1,2 знач.)»; «**Просверливать**... Сверлить» и т. д. или «**Унаваживать**. То же, что навозить»)[15].

На это в свое время указала Н. Ю. Шведова в рецензии на первое издание словаря[16], но С. И. Ожегов и во втором издании оставил без изменения систему отношений приставочных глаголов несовершенного вида «вторичного образования»[17]. Правда, иногда автор отступает от принятой им «системы» и дает двойные соотношения глаголов (например: «**Тащить**... || сов. *вытащить*... и *стащить*»; «**Вытащить**... || несов. *вытаскивать*»; «**Стащить**... || несов. *стаскивать*»).

Разнообразное и непоследовательное размещение материала в гнездах и в самостоятельных статьях приводит к тому, что лексический состав словаря охватывается с трудом, а употребительность и актуальность многих производных слов представляются не всегда правильно. Особенно сложны гнезда на глаголы: в них даются не только видовые соответствия, но и существительные различного образования, как от «основного» глагола, так и от глаголов, приведенных в гнезде, а также и прилагательные от существительных. Благодаря этому получаются гнезда в несколько «ступеней» (*платить — платеж — платежный*; *грузить — погрузить — погрузка — погрузочный*; *привить — прививать — прививка* и *привитие — прививочный* и т. п.), со сложными ссылочными отношениями к самостоятельным статьям на приведенные в гнезде слова, а в ряде случаев с запутанной системой истолкования.

Когда в гнезде на глагол приводятся существительные, то обычно указывается, к какому значению глагола относится существительное, когда же в гнезде, кроме существительных, приводятся и прилагательные, то иногда и они оказываются отнесенными к тому или иному значению глагола. Так, в гнездах на глаголы *пить*, *платить*, *привить* и т. д. при прилагательных делаются указания: *питейный* (ко 2 знач.; устар.), *платежный* (к 1 знач.), *прививочный* (по 1,2 знач.; спец.) и т. д. Спрашивается, зачем нужно это соотношение (его, например, нет при прилагательном *погрузочный* в статье на глагол *грузить*) и почему в одном случае дается помета: (*к* 1, 2 и т. д. знач.), а в другом: (*по* 1,2 и т. д. знач.)?

Более «простые» гнезда — относительные прилагательные при существительных и существительные отвлеченного значения на *-ость*, *-ота*, *-изна* и т. п. при прилагательных — также часто служат основанием для того, чтобы слово было помещено в словаре дважды: 1) в гнезде и 2) на своем алфавитном месте, если оно имеет и другое значение, кроме отвлеченного значения качества (*независимость*, *неизвестность*, *неловкость*, *грубость*, *колкость*, *любезность*, *маневренность*, *чистота* и т. д. и т. п.). Следует отметить, что и здесь нет последовательности в соблюдении принципов, изложенных автором. Далеко не всегда существительное с отвлеченным значением качества приводится в гнезде, а прилагательное не всегда дается при существительном, причем оснований для такого различного размещения нет. Например, существительные *густота*, *доброта*, *нагота*, *простота*, *прямота* даны в статьях на соответствующие прилагательные (хотя *густой*, *простой* и существительные *густота*, *про-*

---

[15] См. также *обучать*, *согревать*, *увенчивать*, *упаковывать* и т. п.
[16] См. Н. Ю. Шведова, указ. рец., стр. 96.
[17] См. С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей..., стр. 97.

стота имеют сложную систему значений), в то время как существительные *немота*, *глухота*, *полнота* даны отдельными статьями.

Приведем еще один пример из группы производных слов. Однотипные суффиксальные и префиксальные образования в кратком нормативном словаре не могут быть даны полностью: приводятся наиболее распространенные, наиболее употребительные в современном языке. Автор ведет отбор по отношению к этим словам в двух направлениях: он включает наиболее употребительные слова и новые образования, вводя последние, может быть, без достаточной «строгости». Например, он дает *льготник*, *лагерник* и т. п., а из старых образований иногда сохраняет такие, которые не имеют ни широкого употребления, ни, тем более, общественной значимости, например: «**Кошатина**... Мясо кошки как пища» и «**Человечина**... Труп человека или мясо его как пища диких зверей».

В современном русском языке интенсивно идет пополнение прилагательных за счет причастий. С. И. Ожегов дает в своем словаре ряд подобных прилагательных-причастий, но непоследовательно и без достаточной полноты, а в некоторых случаях он «возвращает» прилагательное в «лоно» глагола, например, *вылитый* (сын — *вылитый* отец) дается в статье на глагол *вылить*. В словаре нет таких прилагательных (причастий), как *смущенный* (смущенная улыбка), *расстроенный* (вид), *удрученный*, *утомленный* (утомленное лицо), *обрюзгший*, *опухший* (есть *обрюзглый* и *опухлый*)[18] и многие другие. Можно указать также ряд пропусков среди широко употребительных наречий (которые, кстати сказать, не принадлежат к числу «легко образуемых», и поэтому не включаемых в словарь, т. е. наречий с окончаниями *-о*, *-е*, *-ски*, *-ьи*, *-ому* и т. д.; см. § 7 на стр. 5). Например, в словаре нет наречий *шепотом*[19], *крошечку*, *лежа*, *сидя*, *неглядя*, *умеючи*, *припеваючи* и др., но есть: *капельку*, *чуточку*, *молча*, *немедля*, *шутя*, *стоя*, *играючи* и др.

Нам кажется, что наиболее существенной причиной неудач и промахов не только в словнике однотомного словаря, но и в других его сторонах, несмотря на огромную работу, проделанную автором, является то обстоятельство, что, создавая свой однотомный словарь, С. И. Ожегов находился в большой зависимости от четырехтомного «Толкового словаря русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова), в составлении которого он в свое время принимал самое деятельное участие, являясь автором значительных его разделов.

Составление словаря — дело исключительной трудности как по количеству многообразных принципиальных вопросов, которые должны быть решены в нем, так и по объему работы, которая должна быть выполнена с исключительной тщательностью и кропотливостью. Тем большее значение имеет при этом использование существующей лексикографической традиции и накопленного опыта.

Общеизвестно, что каждый последующий словарь опирается на предшествующие словари. И совершенно неизбежны и естественны совпадения (в особенности в наиболее близких по времени словарях) в подавляющей части лексического состава, в фразеологии, в толкованиях значений и т. д. — в этом отражается природа языка как общественного явления, отражаются особенности жизни и развития основного словарного фонда и

---

[18] Неясно, рассматривает ли С. И. Ожегов *обрюзгший* и *опухший* в качестве причастий или считает их теми «стилистическими» вариантами, которые не должны вводиться в словарь, так как они менее употребительны, чем *обрюзглый* и *опухлый*.

[19] В словарной статье на существительное *шепот* С. И. Ожегов приводит в качестве первого примера *говорить шепотом*, без какого-либо указания, что *шепотом* — наречие.

словарного состава языка. Но это не значит, что каждый последующий словарь повторяет предыдущий.

В однотомном популярном словаре массового характера в гораздо большей мере, чем в каком-либо другом, должен быть использован материал предшествующих словарей, и поэтому естественно, что С. И. Ожегов в своей работе опирался на «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, последний том которого вышел в 1940 году. Однако типы и задачи словарей различны. Они и определяют весь характер словаря, все его стороны: лексический подбор, расположение материала, толкования значений, иллюстрации и т. д.

Главным и необходимым условием для правильного решения вопроса о лексическом составе словаря С. И. Ожегов считает следующее: «Основой для всех типов словарей должна являться богатая, разносторонняя картотека произведений художественной и не художественной литературы. Только хорошо продуманная картотека (разрядка наша.— *А. Е.*), учитывающая всех безусловно значительных по своему общественному влиянию авторов, может служить прочной базой для отбора слов в разные типы словарей» (указ. статья, стр. 95). Очевидно, картотека, которой располагал С. И. Ожегов при составлении своего однотомника, была недостаточной и не могла послужить критерием для отбора лексики в словарь, поэтому не только первое издание, но и его переработка в отношении лексического состава опирались в значительной мере на четырехтомный словарь под ред. Д. Н. Ушакова. Об этом говорит пополнение второго издания просторечными, бранными, разговорными и т. п. словами, почерпнутыми из четырехтомного словаря[20]. Слова нейтральные черпаются в значительной мере из того же источника (например, *обезводить*, *обезжирить*, *обеззаразить*, *обезземелить*, *обесцветиться*, *обесцениться*, *отчетный*, *отборочный*, *отводный*, *однотипный*, *одноклассник*, *организационный*). Действительно, новых слов немного. Например, на букву *О* во второе издание словаря введены: *облисполком*, *овеществить*, (*овеществиться*, *овеществлять*, *овеществляться*, *овеществление*), *отчетно-выборный* и некоторые другие, отсутствовавшие в словаре под ред. Д. Н. Ушакова.

Недостаточно критичное следование за четырехтомным «Толковым словарем» в отношении словника привело к тому, что в словаре С. И. Ожегова оказался целый ряд малоупотребительных сейчас слов (иногда и совсем неупотребительных) и слов с чрезвычайно незначительной общественной значимостью, например: «**Умастить**... Намазать душистыми веществами. *У. тело*»[21]; «**Глаголь...** Старинное название буквы „г“». В современном языке это — очень редкий архаизм. Интересно отметить, что несколько менее архаическое употребление слова *покой* — *покоем* в однотомном словаре не дается. В советских исторических романах встречаются архаизмы самого различного типа и характера, используемые авторами как стилистическое средство, но краткий нормативный словарь современного русского языка не должен (и не может) включать их; в нем должны быть даны лишь те названия и термины далекого прошлого, которые вошли в словарный состав современного литературного языка в качестве спе-

[20] Как известно, четырехтомный словарь под ред. Д. Н. Ушакова содержит чрезмерное количество просторечных и иных слов, стоящих за пределами литературного языка. Неубедительно положение редактора Д. Н. Ушакова, что они помещены «не для пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистических качеств». В приведенных выше «пополнениях» второго издания однотомного словаря на букву *О* (см. сноску на стр. 54) все просторечные, бранные и т. п. слова взяты из словаря под ред. Д. Н. Ушакова, за исключением слова *обхохотаться* (*обхохатываться*).

[21] В словаре под ред. Д. Н. Ушакова слово *умастить* проиллюстрировано такой цитатой: *В ближайших термах я дал хорошенько умастить свое тело.* Брюсов.

циальных и терминологических слов исторической науки, потому что они обозначали явления и предметы, которые играли большую роль в развитии духовной и материальной культуры человека.

Категория слов — названий (и прозвищ) по характерному признаку не должна быть представлена в словаре. Однако в однотомном словаре, в особенности во втором его издании, оказался ряд различных типов подобных слов, взятых С. И. Ожеговым из четырехтомного словаря. Например, во второе издание введено слово *чернушка*[22], но слова *белянка* нет, хотя по значению и роли в языке оба они совершенно одинаковы. И в первом, и во втором изданиях словаря имеются слова *барбос* и *жучка*[23], также попавшие в однотомник из словаря под ред. Д. Н. Ушакова.

4

Построение словарной статьи, выделение и формулировка значений определяются характером словаря, его задачами, поэтому они должны иметь существенные отличия в каждом из трех типов словарей, охарактеризованных С. И. Ожеговым в названной выше статье. «Средний» словарь представляет детальную разработку «исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка» (указ. статья, стр. 91 —92), словарные статьи в нем содержат полную и подробную характеристику значений и оттенков значений, которые имеет слово в современном литературном языке. Детальная и подробная характеристика значений с их оттенками обусловливает формулировки выделенных значений и их взаимное соотношение в словарной статье.

«Краткий» однотомный словарь не должен и не может дать детальной и подробной разработки смыслового содержания слова, в нем должны быть представлены существенные и наиболее общие значения без выделения оттенков и деталей, поэтому формулировки значений должны быть такими, чтобы охватить и то, что выделяется в качестве «оттенков» в «среднем» словаре. Следовательно, не только самые формулировки, но и их соотношения в словарной статье однотомного словаря должны иметь существенные отличия по сравнению со «средним» словарем. На практике мы этого не обнаруживаем. Отказавшись в однотомном словаре от деления на значения и оттенки, С. И. Ожегов в ряде случаев превращает оттенки, которые даны в четырехтомном словаре под ред. Д. Н. Ушакова, в самостоятельные значения, например:

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова:	В словаре С. И. Ожегова:
Обеспечить...	**Обеспечить...**
1. Предоставить кому-н. достаточные материальные средства к жизни. ‖ Снабдить чем-н. в потребных размерах.	1. Предоставить достаточные материальные средства к жизни.
2. Гарантировать, сделать что-н. верным, несомненным. ‖ Оградить, предохранить от чего-н.	2. Снабдить чем-н. в нужном количестве.
	3. Сделать вполне возможным, действительным, несомненным.
	4. Оградить, охранить (устар.).

Сокращение и переработка словарных статей четырехтомного словаря часто сводится к простому исключению отдельных значений или их от-

[22] Ср. в словаре С. И. Ожегова и в словаре под ред. Д. Н. Ушакова статьи на эти слова.

[23] Слово *барбос*, отсутствовавшее в других словарях, было включено в словарь под ред. Д. Н. Ушакова на основании переносного употребления его (грубый человек; разг.), изредка встречающегося и в настоящее время. Включая слово *барбос* в свой словарь, С. И. Ожегов снял переносное употребление и этим самым снял основание, по которому это слово было введено в четырехтомный словарь под ред. Д. Н. Ушакова (имена собственные различных типов в словарь не включаются).

тенков, причем формулировки других значений по существу остаются без изменений, и таким образом происходит нарушение того смыслового членения, которое было дано в четырехтомном словаре, так как из него механически вычеркиваются отдельные составные части. Такая «переработка» иногда приводит к тому, что из словарной статьи исчезают существенные значения, а оставленные в статье значения в их формулировках не охватывают смыслового содержания слова. Это с большой силой выступает в иллюстрациях, которые часто противоречат значению или не вяжутся с ним, потому что во многих случаях они почерпнуты автором из четырехтомного словаря, где были приведены к значению, исключенному в однотомнике.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова:	В словаре С. И. Ожегова:
Обновить:	**Обновить...**
1. Заменить (негодное, устаревшее) чем-н. новым. ‖ Изменить, пополнить внесением нового. *О. состав труппы. О. инвентарь.*	1. Заменить (негодное, устаревшее) чем-н. новым.
2. Изменить введением новшеств, устроить по-новому, реформировать.	
3. Восстановить, произвести ремонт, починку чего-н. (разг.). *О. крышу.*	2. Восстановить, поправить. *О. мебель. О. свои знания.*
4. Освежить, оживить, придать новую силу чему-н. *О. свои знания.*	
5. Впервые употребить, применить какую-н. новую вещь, воспользоваться чем-н. новым (разг.). *О. пальто. О. путь, дорогу.*	3. Впервые употребить, применить какую-н. новую вещь (разг.). *О. платье.*

В некоторых случаях автор вносит более серьезные изменения: он не только исключает отдельные значения, но меняет их порядок, однако и при этом он остается в пределах того членения значений, которое было дано в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (см., например, слово *дело*). Действительной переработке подверглась относительно небольшая часть словарных статей.

Свое внимание С. И. Ожегов сосредоточивает на исправлении и уточнении формулировок отдельных значений слова, данных в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (а также в первом издании однотомного словаря), добиваясь во многих случаях больших результатов. Особенно серьезные изменения внесены автором в определения общественно-политических и научных, а также технических и иных терминов. Автор много работает над выработкой однотипных определений для различных тематических групп лексики (названия животных, растений и т. п.).

К сожалению, далеко не всегда С. И. Ожегов пересматривает и проверяет определения значений, данные в четырехтомном словаре, на основании современного употребления слов, поэтому в ряде случаев формулировка, перенесенная из словаря под ред. Д. Н. Ушакова (буквально совпадающая или уточненная С. И. Ожеговым), не охватывает тех значений, которые в настоящее время имеет слово. Например, прилагательное *буровой* определяется так: «Сделанный посредством бурения. *Буровая скважина*». Это определение не годится для прилагательного *буровой* в таких современных сочетаниях, как *буровой мастер, буровой агрегат.* Слово *намыв* объясняется так: «Земля у берега, намытая водой», а о слове *забой* сказано: «В шахте: постепенно продвигающийся в ходе работ конец горной выработки, являющийся рабочим местом горняка». В настоящее время этих объяснений уже недостаточно. Ср., например, такую фразу: «Землесосный снаряд „300—40“ № 23 в *забое* за рытьем строительного канала и

намывом верхней *перемычки котлована* Каховской ГЭС»[24] (курсив наш.— *А. Е.*). Иногда формулировка, заимствуемая из словаря под ред. Д. Н. Ушакова, содержит ошибку, которую следовало бы исправить. Например, в однотомном словаре мы находим: «**Шериф**[1]... В Англии и США: административное и судебное должностное лицо в графстве». В США, как известно, графств нет; «**Нетто**... Без тары и упаковки (о весе товара)». Но ведь тара и есть упаковка (см. слово *тара*; ср. также в словаре под ред. Д. Н. Ушакова).

Стремясь к наибольшей краткости, С. И. Ожегов, кроме того, часто недостаточно внимательно сокращает определение, данное в четырехтомном словаре, отсекая его существенные части; например, слово *баядерка*, объясняется так: «В дореволюционном театре: восточная танцовщица» (ср. определение в словаре под ред. Д. Н. Ушакова). См. также: «**Камень**... Твердая горная порода кусками или сплошной массой, а также кусок, обломок такой породы. *Бросаться камнями. Драгоценные камни*». Но ведь не всякая «твердая горная порода» есть камень; например, руда (железная, медная и др.) тоже твердая горная порода, но камнем не является. Определение неточное и потому неправильное. Оно представляет собой неудачное сокращение и объединение двух значений этого слова, приведенных в четырехтомном словаре.

«**Скрипка**... Четырехструнный смычковый музыкальный инструмент высокого тембра». Но ведь слово *тембр* и по определению словаря означает характерную окраску звука у инструмента, сообщаемую ему обертонами, призвуками. Тембр — оттенок звука. Поэтому сказать *высокий тембр* нельзя (ср. в словаре под ред. Д. Н. Ушакова).

«**Нота**[1]...1. Графическое изображение музыкального звука, а также самый звук. *Взять высокую ноту. Н. неудовольствия в голосе* (перен.). 2. *мн.* Текст музыкального произведения, графически изображенный. *Играть по нотам. Говорить как по нотам* (перен.: как будто по заранее подготовленному). 3. *перен.* Оттенок, тон речи, выражающий какое-н. чувство. *Н. неудовольствия в голосе*». Разве можно графически изобразить звук? Отметим, что одна и та же иллюстрация — *Н. неудовольствия в голосе* — дана и для первого, и для третьего значений.

«**Сенсуализм**... Философское направление, признающее ощущения единственным источником познания. *Последовательный с. рассматривает ощущения как отражение объективной реальности*». Такая иллюстрация может ввести читателя в заблуждение, так как она дает повод считать сенсуализм материалистическим учением. Между тем «исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму („тела суть комплексы или комбинации ощущений"), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира)»[25].

Неправильных и неточных определений значений слов много, и при подготовке последующих изданий их надо переработать. Укажем, что автор не всегда соблюдает правило: давать толкования только при помощи тех слов, которые имеются в словаре. Например, слово *солнцестояние* определяется так: «Момент, когда солнце проходит через наиболее удаленную от небесного экватора точку эклиптики». Но слова *эклиптика* читатель в словаре не найдет.

---

[24] Подпись под иллюстрацией в «Литературной газете» 12 августа 1952 г.
[25] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 114.

5

К числу вопросов, имеющих принципиальное значение при составлении словаря, принадлежит вопрос об омонимах. Теоретически почти не разработанный, этот вопрос в словарной практике решался различно, но каждый последующий словарь представлял новую ступень в его решении. Во введении С. И. Ожегов пишет: «Во многих случаях омонимы выделены в самостоятельные слова на основе более широкого, чем обычно в словарях, понимания омонимии» (стр.3)[26].

Нельзя не согласиться с автором, что вопрос об омонимии является «одним из серьезных и сложных вопросов словарной практики», но именно сложность и серьезность его требовала особенно осторожного подхода в «строго нормативном» кратком словаре, который во всех своих сторонах является директивным. Увеличение словника за счет омонимов (в словаре многие слова разделены на 2, 3 и даже 4 слова), а также сам факт выделения омонимов не может не вызвать вопроса у читателей о том, что же следует понимать под словом и что такое значение слова. Этот вопрос становится особенно острым, поскольку принципы выделения омонимов не всегда ясны, довольно разнообразны и очень непоследовательно применяются автором. Остановимся на некоторых примерах.

1. Одним из принципов выделения омонимов в однотомном словаре является обособление значения слова в силу его специализации и употребления в качестве термина. Даже в тех случаях, когда смысловая связь специализировавшегося терминологического значения с прочими значениями данного слова совершенно ясна, С. И. Ожегов выделяет терминологическое значение в отдельное слово (см. статьи на слова *надстройка*, *класс*, *транспорт*, *фаза* и т. п.). Однако в других случаях, когда специальные, терминологизировавшиеся значения расходятся с прочими значениями и имеют не меньшее право на выделение их в отдельное слово, С. И. Ожегов дает их в качестве значений слова, а не отдельных слов, например: «**Балансировать**...1. Сохранять равновесие посредством телодвижений... 2. Подводить баланс» (см. также статьи на слова *ремонт*, *лущить* и др.).

Выделяя в самостоятельное отдельное слово специализированное, терминологическое значение, автор часто забывает словообразовательные особенности языка, видовые и иные соотношения; поэтому нередки такие случаи, когда один из глаголов разделяется на два слова, а другой, содержащий то же значение в числе других (и часто являющийся видовым соответствием), не разделяется. Например: «**Лить**[1]... 1. Заставлять течь что-н. жидкое... 2. Литься, струиться (разг.)»; «**Лить**[2]... Делать, изготовлять что-н. из расплавленного вещества»; «**Вылить**... 1. Удалить (жидкость)... 2. Изготовить литьем, отлить»; «**Отлить**[1]... Вылить часть жидкости из чего-н... || несов. *отливать*... сущ. *отлив* (спец.)»; «**Отлить**[2]... Изготовить литьем... || несов. *отливать*... сущ. *отливка*» (см. также статьи на слова *тискать* и *оттиснуть*).

Если все значения слова терминологичны, то автор в ряде случаев идет по пути выделения их в самостоятельные слова, например: «**Опока**[1]... Рама с земляной литейной формой» и «**Опока**[2]... Плотная кремнистая порода, богатая кремнеземом»; «**Подзол**[1]... Неплодородная серовато-белая почва без солей» и «**Подзол**[2]... Смесь золы с известью для вытравли-

---

[26] К сожалению, в статье «О трех типах толковых словарей...» С. И. Ожегов не раскрыл своей точки зрения по этому вопросу. Здесь говорится лишь о том, что принципы выделения омонимов в словарях различного типа должны быть разными (стр. 100—101).

вания шерсти со шкуры» (см. также статьи на слова *подзор, эллипс* и др.). Однако в других случаях автор объединяет разные термины в одном слове, например: «**Индукция**... 1. Способ рассуждения от частных фактов, положений к общим выводам... 2. Возбуждение электрического тока в каком-н. проводнике при движении его в магнитном поле или изменении вокруг него магнитного поля» (см. также статью на слово *диафрагма* и др.).

2. Продолжая эту линию, С. И. Ожегов приходит к выделению омонимов на основе разности предметов, обозначаемых одним словом, например: «**Дождевик**[1]... Шарообразный гриб с мякотью внутри, превращающейся при высыхании в темную пыль» и «**Дождевик**[2]... (разг.). Пальто из непромокаемой ткани»; «**Рогач**[1]... Жук с верхними челюстями в виде рогов», «**Рогач**[2]... Самец-олень (или другое животное) с рогами» и «**Рогач**[3]... (обл.). Большой (?! — *А. Е.*) ухват» (см. также статью на слово *кожан* и др.). Однако здесь автор крайне непоследователен, в других — подобных — случаях давая под одним словом не менее различные его применения: «**Бостон**... 1. Карточная игра. 2. Сорт шерстяной ткани. 3. Название танца» (см. также статью на слово *глазок* и др.).

3. Основанием для выделения омонимов оказывается и метафорическое перенесение значения, главным образом в двух случаях: а) метафорическое применение слова для названия предмета, явления, ограниченного какой-либо специальной областью (т. е. образование термина)[27]; б) экспрессивный перенос значения, при котором различные применения слова чрезвычайно далеки друг от друга. Но и здесь (как в первом, так и во втором случае) нельзя понять, где действительный критерий для разделения одного слова на два и на три самостоятельных слова. Приведем примеры.

а) В качестве отдельных слов даны: «**Молния**[2]... Вид особо срочной телеграммы» и «**Молния**[3] ... Род металлической задергивающейся застежки»; «**Таз**[2]... Часть скелета...»; «**Зонтик**[2]... Соцветие...»[28]; «**Улитка**[2] ... (спец.). Часть лабиринта уха...»; «**Стремя**[2] ... (спец.). Косточка, примыкающая к овальному отверстию среднего уха». Но не разделены слова *молоточек* (в котором без всякой пометы дано третье значение: «одна из слуховых косточек среднего уха»; *родник* (в котором вторым значением дано: «у животных: сосуд, по которому идет молоко в вымя»), *салазки*, *поток*, *капуцин* и многие другие.

б) В качестве отдельных слов даны: «**Отколоть**[3]... (прост.). Сделать или сказать (что-н. неуместное, неожиданное и т. п.)»; »**Жарить**[2]... (прост.). Употр. для обозначения быстрых, энергических действий». Но не разделены слова *отмочить* (в котором третье значение: «сказать или сделать что-н. нелепое, неприличное» — не менее далеко от других, чем в слове *отколоть*, разделенном на три омонима), *дуть* (в котором пятое значение «делать что-н. быстро, стремительно» находится в таких же отношениях к другим, как и выделенное в особое слово *жарить*[2]), *драть* (седьмое значение: «бежать быстро») и т. п.

4. В однотомном словаре автор широко выделяет омонимы на основе разрыва, утраты связей между отдельными значениями (в результате самых различных причин). Так, слово *язык* представлено в виде четырех омонимов, *корпус* — тоже и т. д. В этом случае автор особенно непоследователен, так что действительные омонимы часто оказываются данными в одном слове, а отдельные значения представлены в разных словах. Например, в словарной статье к слову *заводчик* даются такие значения,

[27] В этом случае С. И. Ожегов продолжает и расширяет путь, на который стали составители словаря под ред. Д. Н. Ушакова.

[28] Наибольшее число омонимов дано в тех случаях, когда слово с уменьшительным значением, будучи применено в качестве названия того или иного предмета, теряет значение уменьшительности.

как: «1. Капиталист, владелец завода» и «2. Зачинщик (разг. устар.)»[29]; в слове *добреть* объединены значения: «1. Становиться добрее, добродушнее» и «2. Толстеть, становиться упитанным» и т. д. С. И. Ожегов не учел в нужной степени выдвинутый еще в словаре Грота-Шахматова принцип выделения омонимов на основе омонимии глагольных префиксов[30] и в подавляющем большинстве случаев следует за четырехтомным словарем.

В качестве омонимов С. И. Ожеговым выделены: «**Забрызгать**[1]... Покрыть брызгами» и «**Забрызгать**[2]... Начать брызгать»; «**Заходить**[1]... Начать ходить» и «**Заходить**[2]... см. зайти»; «**Насадить**[1]... 1. Поместить куда-н... 2. Произвести посадку чего-н...» и «**Насадить**[2]... Надеть на что-н.» и т. п. Но в то же время даются в виде одного слова: «**Задуть**... 1. Дунув, погасить. *З. свечу*. 2. Разжечь (спец.) *З. домну*. 3. Начать дуть. *Задул ветер*»; «**Зажить**... 1. Затянуться кожей, закрыться (о ране). 2. Начать вести какую-н. жизнь. *З. по-хорошему*» и т. д.

Таким образом, надо признать, что С. И. Ожегов не дал удовлетворительного решения вопроса об омонимах в современном языке, в ряде случаев спутав границы между словом и значением слова. Вопрос о более широком выделении омонимов можно будет практически решить лишь тогда, когда будет удовлетворительно решена основная проблема об отношениях между отдельным словом и значением слова. Став на путь «более широкого понимания омонимии» в словаре, С. И. Ожегов должен был дать краткое объяснение или изложение своих принципов, чтобы не вызывать недоумения читателей.

6

Важным вопросом для толковых словарей русского языка является вопрос фразеологии, как с точки зрения объема и характера ее отражения в словаре, так и с точки зрения ее места в словарной статье. Особенно трудным является этот вопрос для краткого словаря, который по своему объему не может охватить всего материала. Но идиоматические обороты и типические устойчивые образные выражения должны быть представлены даже в кратком словаре с возможной полнотой, потому что в них с большой силой и яркостью проявляется национальное своеобразие языка.

Фразеология представлена в однотомном «Словаре русского языка» достаточно широко. Автор отбирает наиболее употребительные выражения и обороты, исключая из приведенных в словаре под ред. Д. Н. Ушакова устарелые и областные. Здесь можно указать лишь немногие пропуски: *Не показать* (*показывать*) *вида, что...*, *Смотреть в лицо чему-нибудь* и некоторые другие.

В первом издании однотомного словаря С. И. Ожегов отказался от принципа расположения фразеологического материала в конце словарной статьи, принятого в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, и разместил фразеологию под разными значениями в качестве иллюстраций к последним (вслед за иллюстрирующими словосочетаниями или предложениями, если они приводятся), но с дополнительными пояснениями, данными в скобках после каждого выражения, например: «**Глаз**... 1. Орган зрения, а также само зрение. *Правый г. Верный г. Болезнь глаз. С глаз долой* (об уходе кого-н.). *Смотреть глазами кого-н.* (перен.: не иметь собственного мнения). *Во все глаза глядеть* (перен.: очень пристально, с жадным вниманием)» и т. д.

В конце статьи за знаком ◇ изредка приводились: а) сложные термины (например, *земский начальник*, *казенная палата* и т. п.), б) сложные союзы

---

[29] Ср. построение словарных статей к слову *завод*.

[30] В словаре под ред. Д. Н. Ушакова этот принцип также применяется очень непоследовательно.

и наречия (например, *как будто, как бы, как раз* и т. п.), в) единичные фразеологические обороты из тех, которые нельзя связать с тем или иным значением слова (см., например, статьи на слова *голова, гора, дух, лицо, корень, масса, мох* и т. д.). При таком размещении фразеологического материала и при почти полном отсутствии иллюстраций к значениям фразеологические обороты превращались в иллюстрацию и заслоняли собой обычное употребление слова.

Вполне понятно стремление автора показать то или иное слово в наиболее метком и ярком употреблении его в языке, но в качестве иллюстраций к отдельным значениям могут быть привлечены лишь такие устойчивые сочетания, пословицы, поговорки, в которых сохраняется данное значение слова. Что касается фразеологических оборотов, значение которых не подходит ни под одно из значений того или иного слова, то лексикографическая практика располагает самыми различными способами их выделения в словарной статье (шрифт, особые знаки и т. п.).

При переработке однотомника для второго издания С. И. Ожегов произвел перераспределение фразеологического материала, хотя содержание параграфов, дающих объяснение к фразеологии и помещенных во введении, нисколько не изменилось. В них говорится: «После толкования значений и примеров, если они есть, даются за значком ◇ жирным шрифтом фразеологические сочетания, устойчивые выражения. Здесь помещаются только такие выражения, общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова. Такие фразеологические сочетания сопровождаются особым толкованием»[31]. Таким образом, принцип остался без изменения, а изменилась, очевидно, классификация фразеологического материала. Во втором издании в конец статьи за знак ◇ оказались вынесенными многие сочетания, которые в первом издании иллюстрировали отдельные значения слов. Так, в статьях на слова *глаз* и *рука* в первом издании нет ни одного сочетания за знаком ◇, в статье на слово *голова* указаны лишь два (*В головах* и *В первую голову*), тогда как во втором издании на слова *глаз* и *голова* в конце статьи приводится по 15—16 сочетаний на каждое, а на слово *рука* — больше 50. Дав в указанных параграфах классификацию фразеологического материала по смысловому признаку и по расположению в словаре, автор далее с ней совершенно не считается и запутывает читателя. Полное недоумение вызывает различное расположение однородного материала в одной и той же статье. Например, в статье на слово *душа* вынесены в конец статьи *В душе, Для души, За душой нет*, как «выражения, общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова», а сочетания *Души не чаять, Жить душа в душу, Отвести душу, Стоять над душой* приведены в качестве иллюстраций к отдельным значениям.

Производя перераспределение фразеологического материала, автор непоследователен и часто в разных статьях различно решает вопрос об однородных явлениях. Например, сочетание *Год от году* приведено в качестве примера на первое значение слова, а сочетание *Час от часу* вынесено в конец статьи. Распределение фразеологического материала при слове *нога* отличается от распределения его при слове *рука* и т. д. Трудно понять такое обращение с фразеологическим материалом, который рассматривается то как идиоматика, то как иллюстрация к значению.

Однотомный нормативный словарь по самому своему типу требует предельной ясности в области фразеологии, как и во всех других сторонах.

---

[31] См. в первом издании § 20 (стр. IX), во втором — § 21 (стр. 6).

*

Вопрос о различных типах словарей является одним из важнейших вопросов лексикографии, на что указывал еще Л. В. Щерба[32]. Любой словарь языка — большое и сложное научное предприятие, в котором должны быть решены многие принципиальные вопросы как общего, так и частного характера. В статье мы коснулись лишь некоторых вопросов выработки типа краткого нормативного словаря советской эпохи[33]. Однотомный толковый «Словарь русского языка», благодаря своему массовому характеру, имеет совершенно исключительное значение в борьбе за культуру речи, за правильность и чистоту нашего языка. Поэтому к нему должны быть предъявлены особенно высокие требования. Нельзя полностью согласиться с Н. Ю. Шведовой, которая в рецензии на первое издание словаря считает, что он содержит лишь частные ошибки и недоработки, а в целом отвечает «всем требованиям советской лексикографической науки».[34]

Словарь несомненно сыграл положительную роль в развитии отечественной лексикографической теории и практики, но для того, чтобы он действительно отвечал «всем требованиям» советской лексикографии, автор словаря должен еще много сделать по уточнению и окончательной выработке его основных положений.

---

[32] См. Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1940, № 3, стр. 89—117.

[33] Неосвещенными остались два очень важных вопроса: 1) вопрос об отражении в словаре лексико-грамматических отношений, который связан не только с проблемой грамматической характеристики слов, но и с проблемой грамматико-смысловых связей, а также с проблемой гнездования, и 2) вопрос о стилистических пометах в словаре. Как тот, так и другой вопросы требуют привлечения дополнительного материала и углубленной разработки, поэтому должны быть освещены в специальных статьях на эти темы.

[34] Н. Ю. Шведова, указ. рец., стр. 99.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

Л. И. ЖИРКОВ

ОБ ОСНОВНОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ ГОРСКИХ ЯЗЫКОВ ДАГЕСТАНА*

Отвечая на вопрос: каковы характерные признаки языка?, товарищ Сталин в своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» говорит: «Как известно, все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро»[1]. «Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка...»[2]. И несколько далее, рассмотрев законы изменения в языке его словарного состава, его основного словарного фонда и его грамматического строя, И. В. Сталин делает вывод: «Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»[3].

Исследователь, изучая отдельные языки и отдельные группы родственных языков в свете приведенных указаний товарища Сталина, встречается с задачами разной трудности. Начиная исследование словарного состава языка, надо прежде всего кодифицировать этот словарный состав в словаре данного языка. Для многих языков мира задача такой кодификации уже выполнена, но для многих других языков она выполнена лишь частично, и не мало еще остается в мире таких языков, по отношению к которым выполнение этой задачи еще и не начато.

При словарной кодификации начинать, конечно, нужно со словаря современного языка, ибо именно в нем находит свое место наиболее достоверный материал, непосредственно доступный сейчас наблюдению и регистрации. Далее, по мере углубления этой работы, должно, конечно, следовать также и составление словарей исторических и этимологических. Точно так же при изучении грамматического строя языка мы прежде всего

---

* Под влиянием ложного учения Н. Я. Марра я допустил в своих теоретических работах серьезные ошибки. Не признавая никогда его «четырехэлементного» анализа слов и форм языка, я был убежден в том, что процесс исторического развития языков есть единый процесс, идущий во всех языках мира и выделяющий в них в основном одни и те же стадии. Тем самым я затушевывал самое главное — своеобразие развития отдельных языков и групп языков. В этой статье я стараюсь, наоборот, подчеркнуть особенности исторического развития основного словарного фонда в группе горских языков Дагестана.— *Автор.*

Л. И. Жирков, разделявший в прошлом некоторые ошибочные положения «нового учения» о языке, настоящую статью посвятил разработке вопроса об основном словарном фонде, поставленного перед советскими языковедами в классическом труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Статья Л. И. Жиркова не решает вопроса в целом, тем не менее в ряде пунктов, уточняя методику определения основного словарного фонда, дает материал для дальнейшего обсуждения и решения этой важной и актуальной проблемы.— *Ред.*

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 23.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 26.

встречаемся с необходимостью составления грамматик ныне живых языков. Грамматический строй языка прошлых эпох предстает перед нами в той или другой степени неполным, ибо в сохранившихся письменных памятниках мы всегда ограничены особенностями литературного жанра древних произведений, их стиля, их лексики, употребительных в них грамматических форм.

Однако и кодификация словарного состава языка, и составление его грамматики являются научными задачами сравнительно еще не столь трудными. Гораздо труднее задача выделения и изучения того основного словарного фонда, который находится в недрах словарного состава языка и который, как указывает И. В. Сталин, вместе с грамматическим строем языка составляет «...основу языка, сущность его специфики»[4].

Трудность вопросов, связанных с выделением слов основного словарного фонда из общего словарного состава языка, видна хотя бы и из того факта, что сейчас, когда прошло уже три года с момента появления работы И. В. Сталина, во взглядах советских языковедов на эти вопросы все еще нет необходимой ясности. Акад. В. В. Виноградов в обстоятельной статье «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка»[5] главное внимание обратил на указание И. В. Сталина, что в языке основной словарный фонд «...используется, как основа словарного состава языка»[6], и в соответствии с этим подверг подробному разбору систему словообразования в языке и ее связи с основным словарным фондом. Статья В. В. Виноградова в особенности интересна исследованиями отдельных слов, принадлежащих к основному словарному фонду современного русского языка. Подобные экскурсы, касающиеся отдельных слов, автор развертывает как своеобразные сжатые истории слов и словообразовательных категорий, что в целом, действительно, дает возможность убедиться, что участие того или иного слова на протяжении истории языка в развитии системы словообразования может служить одним из верных признаков возможности включения данного слова в состав основного словарного фонда.

Но вопрос об основном словарном фонде для различных групп родственных языков надо ставить по-разному. Разные группы языков и разные языки развивались своеобразно, поэтому и системы словообразования у них разные, так что единого метода, пригодного для выделения во всех языках слов основного словарного фонда, не существует.

Еще до того, как в данной области были произведены какие-либо конкретные исследования, уже вскоре после появления работы И. В. Сталина специалисты по горским языкам Дагестана на эту тему прочитали доклады и подготовили к печати статьи. В них проводилась мысль, что выделить из общего словарного состава отдельного языка его основной словарный фонд окажется возможным только в ходе дальнейшего развития науки о языке. При этом надежды возлагались главным образом на семантический метод выделения слов основного словарного фонда, который сжато был сформулирован П. Я. Черных в виде следующего положения: «...основной словарный фонд состоит из слов, выражающих наиболее важные жизненно необходимые понятия»[7]. П. Я. Черных это положение, характе-

---

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

[5] См. В. В. Виноградов, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1951, вып. 3, стр. 218—239.

[6] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

[7] П. Я. Черных, Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 73.

ризующее понятие об основном словарном фонде, ставил, конечно, в ряду других положений, его дополняющих; в том числе он указывал и на ту особенность основного словарного фонда, что он служит базой словообразования данного языка. Однако, если говорить именно о группе горских языков Дагестана, то практически среди указанных П. Я. Черных положений некоторые исключались, так как соответствующие стороны этих языков или недостаточно изучены (например, системы их словообразования), или даже не могут быть привлечены к изучению за недостатком исторических памятников и, следовательно, за невозможностью в настоящее время дать историческую грамматику этих языков. Отбор же слов по признаку их значения для говорящих на этих языках и знающих эти языки является непосредственно возможным. Как мы сказали, подобные попытки и были сделаны, и, конечно, они заслуживают продолжения, ибо в какой-то мере приближают нас к решению вопроса.

Но, как всякому ясно, отбор слов только по семантическому признаку у любого исследователя в значительной степени может быть субъективным. Слишком широко и расплывчато указание, что в основном словарном фонде находятся слова, выражающие наиболее важные (что важно?) и жизненно необходимые (что жизненно необходимо?) понятия. Даже если мы решим, что́ именно «важно» и что «необходимо» (допустим, что мы постараемся сделать это с полной объективностью),— мы решим это только для текущего момента нашего наблюдения, упуская из вида, что основной словарный фонд на протяжении всей истории каждого языка продолжает накапливаться и расти, что он есть продукт ряда эпох, что в него с течением времени вступают слова из общего словарного состава. Учесть этот исторический момент в развитии лексики никак нельзя, если ограничиться лишь семантическим отбором слов по их современному значению.

Вот почему мы думаем, что вопрос об основном словарном фонде того или иного из горских языков Дагестана полезно будет рассмотреть в связи с теми особенностями этой группы родственных языков, которые мы можем наблюдать в их грамматическом строе, в фонетическом строении корня в этих языках и в системах их словообразования. Такой учет особых условий необходим в данном вопросе для каждой группы родственных языков, необходим он, разумеется, и для горских языков Дагестана.

Известные нам попытки непосредственно выделить слова основного словарного фонда по их значению не отличались четкостью и в том отношении, что они не отделяли определенным образом слова, входящие в основной словарный фонд языка, от слов так называемого «активного запаса лексики» (понятие, хорошо знакомое всем преподавателям западных иностранных языков). Эти слова «активного запаса», противополагаемые в методике преподавания языков словам, которые якобы лишь «пассивно» узнаются и понимаются учащимися при чтении, часто характеризовались как «употребительнейшие» слова языка, что как будто совпадает с понятием «жизненно необходимых» слов. Между тем этот активный запас слов, как нам кажется, ничего общего не имеет с основным словарным фондом.

Наконец, при всех опытах выделения слов основного словарного фонда должно быть ясно, о чем идет речь: о словах одного определенного языка или целой группы родственных языков? И, с другой стороны: выделяются ли с л о в а определенного языка или же п о н я т и я, важные и жизненно необходимые в быту народов Советского Союза и, следовательно, выражаемые на всех наших языках? В этом отношении следует отметить, что указанные выше статьи В. В. Виноградова и П. Я. Черных были вполне определенны: В. В. Виноградов говорил только о словах русского языка, а П. Я. Черных — о группе родственных славянских языков; и то и другое, конечно, совершенно правильно.

Неполная ясность в разрешении этих и подобных вопросов, между прочим, вела к бесплодным спорам, в которых, например, одни утверждали, что в языках народов СССР слово *радио* находится в составе основного словарного фонда, поскольку сейчас радио можно видеть на площади каждого аула; другие же с этим не соглашались. Относительно слова *телевизор* говорили, что пока это слово еще не вошло в основной словарный фонд, но со временем, в будущем, войдет в него. Слово *автомобиль* все признавали словом основного словарного фонда, но при этом забывали, что это слово во многих языках (в том числе и в русском) — лишь термин технической терминологии и что в живой разговорной речи для обозначения этого предмета мы гораздо чаще употребляем другое слово, а именно— слово *машина* в его суженном, специальном значении. Подобные рассуждения показывают, что при изучении основного словарного фонда в каком-либо языке и при выделении входящих в него слов не следует полагаться на свою индивидуальную оценку того или иного слова. Опираясь на сталинские указания, при решении вопросов об основном словарном фонде надо всегда принимать в расчет и систему словообразования в данном языке, и пути заимствования данным языком иноязычной лексики, и, с другой стороны, — различие между словами чисто корневыми, например, словом *гора*, и даже самыми простыми по составу словами производными, например, словом *горка*.

Надо, очевидно, найти для каждого языка в значении и строении отдельных слов его словарного состава те признаки, по которым мы могли бы в известной степени объективно судить о принадлежности данного слова к основному словарному фонду.

Указание И. В. Сталина на историческую изменчивость (хотя и медленную) основного словарного фонда ведет нас к признанию того, что ни в одном языке мы не сможем сейчас отделить резкой гранью слова основного словарного фонда от всех остальных слов его словарного состава. Существование в каждом языке своего основного словарного фонда, как бы ни был своеобразен этот язык по своему грамматическому строю и как бы ни был ограничен его словарный состав в целом,— не может подлежать сомнению. Но в то же время не подлежит сомнению и то, что всегда существует большой процент таких слов, которые в одну эпоху развития языка могут находиться в основном словарном фонде, а в следующую эпоху могут как архаизмы из него выйти, или, наоборот,— зародившись как неологизмы, они могут со временем стать словами основного словарного фонда. Следовательно, нельзя думать, что относительно любого слова исследователь в состоянии решить, поместить ли его по ту или по другую сторону грани, проходящей между словами основного словарного фонда и всеми остальными словами языка. Поэтому нельзя ставить перед собой задачу, например, составления по основному словарному фонду данного языка отдельного словаря или хотя бы глоссария: мы были бы начетчиками, не понимающими сути дела, если бы задались такой целью.

Те слова, которые мы с полной уверенностью можем признавать в языке словами основного словарного фонда, составляют, что само собою понятно, лишь сравнительно небольшую группу слов, которая неразрывно связана со всей системой словообразования. Древность, исконность и «основной» характер слова должны быть доказаны в каждом отдельном случае, — а это возможно лишь для ограниченного числа слов. При обосновании выделения слов основного словарного фонда недостаточно ограничиваться этимологическими объяснениями, как нельзя ссылаться и на употребительность слова в языке или «важность» его значения. Не говоря уже о том, что, как известно, многие из общепризнанных этимологий со временем оказываются ошибочными или сомнительными,— глав-

ная трудность состоит здесь в том, что этимологии отдельных слов дают нам их историю за различные, несравнимые между собою периоды жизни и развития языка. Наряду с ясными и очевидными этимологиями, не восходящими глубже исторических эпох, имеются и такие (в тех группах языков, где этимологии вообще изучались), которые претендуют на указание происхождения слов от языка-основы, т. е. того языка, который лишь гипотетически и частично восстанавливается.

Главный порок таких «глубоких» этимологий заключается в том, что за пределами письменно засвидетельствованной истории мы теряем всякую хронологию. Ни одно явление, ни одну форму, ни одно слово в сфере восстанавливаемого языка-основы мы не можем приурочить ни к какому моменту абсолютной хронологии, что же касается так называемой относительной хронологии (говорящей нам, что такое-то явление имело место прежде или после такого-то), то данные такой хронологии почти никогда не могут быть связаны в сколько-нибудь длинную и последовательную хронологическую цепь. Однако, поскольку основной словарный фонд есть продукт ряда эпох, при его выделении хронология была бы необходима. Особенно чувствуется слабость нашего знания истории многих языков в отношении тех языковых групп, которые до недавнего времени были бесписьменными, как, например, группа горских языков Дагестана.

Исключительно трудно бывает установить принадлежность слова к основному словарному фонду, когда мы имеем дело с именами существительными. Будучи названиями предметов и явлений, существительные в своей главной массе находятся в словарном составе языка вне основного словарного фонда; именно в форме существительных идет пополнение «...существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»[8]. В ходе этого процесса, как известно, к общему словарному составу языка прибавляется гораздо большее количество новых слов, чем выходит из употребления и постепенно забывается. Среди других частей речи категория существительных, таким образом, образует по преимуществу как раз наиболее текучую часть словаря. Это, в частности, бывает заметно и на примере тех языков, где в истории мы могли наблюдать процессы массового усвоения иноязычной лексики, как, например, в языках персидском, урду, афганском, в некоторых тюркских языках, словари которых содержат значительный слой арабизмов. Арабизмы эти в преобладающей своей части переходят в заимствующий язык именно в виде существительных, выражая понятия глагольные при помощи сочетаний с вспомогательными глаголами, существующими в языке заимствующем; так, арабское слово *соал* «вопрос» перешло в персидский язык и дало в сочетании *соал кӓрдӓн* «сделать вопрос, спросить»; *мӓълум* «известный» дало *мӓълум кӓрдӓн* «сделать известным, выяснить» и *мӓълум шодӓн* «сделаться известным, выясниться» и т. п.

Таким образом, всякое имя существительное, относительно которого мы хотим решить вопрос о его принадлежности к основному словарному фонду, требует особого рассмотрения с точки зрения истории данного понятия в интересующем нас языке, причем нельзя ограничиваться лишь выяснением его этимологии или его современной семантики.

Если мы, например, на основании той огромной роли, которую играет в нашей жизни книга, будем относить слово со значением «книга» во всех языках к основному словарному фонду, то мы окажемся правыми в отношении ряда языков, но в отношении других — рискуем ошибиться. Может не быть налицо весьма важного условия, а именно — долговечности,

[8] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

исконности данного слова с данным значением. Основной словарный фонд есть продукт ряда эпох; следовательно, и входящие в его состав слова должны быть не только словами употребительными, но и словами, прошедшими вместе с основой языка долгий путь исторического развития. Нельзя упустить из вида, что, по указанию И. В. Сталина, «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем»[9]. Основной словарный фонд языка той древнейшей эпохи был скудным, по сравнению с языками нашего времени, но он был тем основным словарным фондом, который в развитом виде мы можем сейчас наблюдать, и слова современного нам основного словарного фонда в зачаточном виде (за исключением, конечно, слов, позднее заимствованных) находились и в том не сложном языке с очень скудным словарным фондом.

В группе горских языков Дагестана выражение понятия «книга» как раз дает нам пример того случая, когда слово требует от исследователя учета особых обстоятельств, связанных с историей данных языков. При этом открывается, что слово *книга* сейчас по важности своего значения без всякого сомнения должно причисляться к словам основного словарного фонда, этимологические же соображения в некоторых языках указывают на то, что и в прежнюю эпоху слово это являлось важным в быту и в хозяйственной жизни народа и, без сомнения, также было словом основного словарного фонда, имея, однако, тогда совершенно другое значение, которое до сих пор сохраняется как омоним (хотя сейчас оно, может быть, по своей общественной значимости отошло несколько на задний план).

В лакском языке «книга» обозначается словом *лу*, в аварском языке — словом *тIехь* (*тI* — надгортанной артикуляции, *хь* — передненебное). В обоих указанных языках это же слово (*лу*, *тIехь*) имеет значение «козья шкура» или «баранья шкура». Это значение (очевидно, первоначальное) и сейчас столь же живо и употребительно, как и значение «книга»; можно сказать по-аварски *тIахьазул тIимугъ* «бараний (из бараньих шкур) полушубок», или *тIохьол гьабураб габур* «бараний (сделанный из барана) воротник» (*тIахьазул*, *тIохьол* — падежные формы от *тIехь*; *гь* — гортанный спирант). Если признать первоначальным значением «шкура», то развитие этого значения, в результате которого получалось значение «книга»,— исторически вполне понятно. Была эпоха, когда люди знали книги, написанные на коже (шкуре, пергамене и пр.), и в переносном смысле называли книги «шкурами», как мы сейчас называем документ *бумагой*. Мы встречаемся с подобным названием значений и в других языках; можно указать на греческий язык, где слово *difthera* обозначало «содранную шкуру» и до сих пор обозначает как «шкуру», так и «пергамен» (материал, на котором писались книги). Из греческого это слово было заимствовано в арабский язык: *дафтар* «тетрадь, список», отсюда — в персидский: *дäфтäр* с тем же значением; и, наконец, у народа, соседящего с лаками и аварцами в Дагестане, мы находим даргинское слово *табтар* опять в значении одного из терминов, обозначающих «книгу».

Мы видим, таким образом, что развитие значений «шкура» — «книга» могло происходить и в самом Дагестане (лакск. *лу*, аварск. *тIехь*), и в древней Греции в совершенно другую историческую эпоху; могло быть воспринято и арабами, и иранцами, и в том же Дагестане даргинцами. Лакское и аварское слово «книга» было исконно лакским и исконно аварским, но то же самое значение могло выражаться и словами заимствован-

[9] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

ными (даргинск. *табтар* или *жуз*, лезгинское и табасаранск. *ктаб*). Во всех этих случаях—будет ли существительное заимствованным или исконным для данного языка, будет ли оно как лакское *лу* и аварское *тIехь* сохранять до сих пор два значения или нет,—оно может быть отнесено к числу слов основного словарного фонда. Мы достигаем уверенности в этом отношении именно потому, что, прослеживая историю слова и его языковые связи, в данном случае опираемся на ряд объективных фактов. Мы видим, что народу необходимо было выражать понятие «книга» (этого нельзя сказать, например, о слове со значением «брошюра»). Мы видим, что слово это действительно пережило ряд эпох, в отличие, например, от некоторых заимствованных арабских терминов, которые живут в Дагестане никак не более тысячи лет и связаны с одной эпохой культуры ислама, ныне закончившейся. Мы видим и то, что эти слова вошли в систему словообразования, если принять во внимание своеобразие грамматического строя языков этой группы, где вообще формы словообразования в значительной доле заменяются словосочетаниями с использованием различных падежных форм, столь обильно представленных в системе склонения. И, наконец, нам стало видно то различие, которое существует между заимствованными словами, по актуальности и важности своего значения входящими в основной словарный фонд (в данном примере: *табтар*, *жуз*, *ктаб*), с одной стороны, и словами, исконно принадлежавшими к основному словарному фонду, которые изменяли свое значение, — с другой (в данном примере: *лу*, *тIехь*).

Критерием отнесения к числу слов основного словарного фонда слова, обозначающего «язык, речь» в горских языках Дагестана, служит наличие этого слова в разных фонетических формах в нескольких языках этой твердо установленной родственной языковой группы: аварск. *мацI*(*цI*— надгортанной артикуляции), даргинск. *мез* (*з* — звонкая аффриката), лакск. *маз*. Правда, в самурской подгруппе — в лезгинском и табасаранском языках — мы находим в этом значении слово *чIал* (*чI*— надгортанной артикуляции), но в них имеется и фонетическая форма, отмеченная выше,— лезгинск. *мез*, табасаранск. *мез* (*з* — звонкая аффриката) — со значением «язык как телесный орган». В этом случае, следовательно, мы прослеживаем одно и то же слово вплоть до эпохи того общего языка-основы, который в давние времена дал начало всей этой родственной языковой группе. Мы прослеживаем его, однако, не хронологически, не по памятникам различных последовательных эпох, а по тем формам этого слова, какие существовали в разных диалектах (а позднее — в языках), исторически возникавших в языке-основе.

Эти примеры показывают, насколько важно в отношении каждого существительного, прежде чем отнести его к основному словарному фонду, исследовать все касающиеся его факты. Одна семантика сама по себе даст нам только неполный и мало содержательный ответ; мы будем только знать, что это слово является актуально важным для нашей современности, причем останется неизвестным самое главное: как, какими связями оно связано с основным словарным фондом, с основой языка. Решение вопроса об отнесении имен существительных к основному словарному фонду, как мы выше уже указывали, является во многих случаях особенно затруднительным и требует в каждом отдельном случае детального рассмотрения. Но часто мы можем встретить столь же запутанные случаи и в отношении других частей речи.

Глаголы в горских языках Дагестана, как мы далее постараемся показать, имеют некоторые морфологические признаки, по которым мы можем судить о вероятности отнесения их к числу слов основного словарного фонда. Однако и здесь можно встретить очень сложные случаи; см., например,

аварский глагол *хъьазе* «писать», в котором корень состоит из одного согласного очень сложной артикуляции (*хъв* — задненебная аффриката лабиализованная). Ныне этот глагол со значением «писать» без сомнения следует включить в основной словарный фонд современного языка. Однако он еще сохраняет и другое, более древнее значение, семантическая актуальность которого в условиях современной культуры не столь очевидна: «сгребать». Если бы этот глагол не являлся нам как выразитель двух значений («сгребать» — «писать»), то по одному его первоначальному смыслу («сгребать») зачисление его в основной словарный фонд было бы, может быть, неубедительно. Когда же исследователь констатирует наличие указанного развития значений, то для него становится вполне ясно, что это слово действительно переживает в словарном составе языка ряд эпох, и, следовательно, оно исторически вошло в данном языке в его основной словарный фонд. Само по себе развитие значений «сгребать» — «писать» представляется совершенно ясным: «сгребать» — «царапать, выцарапывать» — «вырезывать, гравировать» (что, вероятно , отразило древнюю эпиграфическую технику резьбы на камнях).

Скажем теперь о том, как историческое развитие горских языков Дагестана наложило особую печать на каждую часть речи, повело к образованию разных семантических и морфологических особенностей, в конечном счете повлияло на принадлежность к основному словарному фонду слов, относящихся к различным частям речи, и определило бóльшую или меньшую потребность языка в иноязычных заимствованиях по данной грамматической категории. Прежде всего надо выделить две части речи — местоимение и числительное, — в пределах которых решение вопроса о том, какие слова относятся к основному словарному фонду, с одной стороны, представляется сравнительно нетрудным, а с другой — позволяет прийти к некоторым выводам общего характера.

Обращаясь к местоимениям даргинского языка, в любом его диалекте мы можем заметить, что первоначальный, исконный, древний запас местоимений в этом языке очень ограничен. Можно указать четыре личных местоимения (считая формы разных чисел различными местоимениями), пять указательных местоимений (они же местоимения 3-го лица), одно лично-возвратное местоимение (супплетивно использующее две разные основы) и, наконец, — три местоимения вопросительных. Вот и все те слова в категории местоимений, которые мы можем отнести с уверенностью к основному словарному фонду. Остальные формы, выражающие местоименные значения, являются словами производными с использованием и ныне живых словообразовательных формативов, т. е. сами по себе не относятся к числу слов основного словарного фонда, поскольку в его составе уже находится то исконное местоименное слово, от которого они произведены.

Если бы мы причислили к основному словарному фонду как исходное местоимение, так и все от него производные (ибо семантически все эти слова, конечно, являются актуальными и необходимыми), то мы рассматривали бы основной словарный фонд в языке просто как отбор особо актуального и особо «необходимого» словаря. Это было бы, очевидно, неправильно и противоречило бы всему учению И. В. Сталина об основном словарном фонде, который входит в основу языка и который исторически может быть прослежен до глубокой древности.

Вспомним указание товарища Сталина: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»[10]. Следовательно, никак нельзя рассматривать основной словар-

[10] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

ный фонд вне этой длинной цепи исторического развития, факты которого заставляют прийти к выводу, что из всей категории местоимений в основной словарный фонд может войти немногим более одного десятка основных, исконных древних слов. На исконную ограниченность категории местоимений в этой группе языков указывает и тот факт, что среди употребительных ныне местоимений мы встречаем и местоимения, заимствованные из других языков, и местоимения, образованные от числительных или даже от глагола-связки. В даргинских наречиях слово *гьарил* «каждый» образовано от персидского *гьар* и, таким образом, по корню является заимствованным; *царил* «другой» образовано от числительного; *лебил* «весь» (обобщающее местоимение) образовано от глагольной связки *леб* «есть, имеется». Правда, эти их корневые части также находятся в основном словарном фонде, но не со значением местоимений; местоименное значение этих слов первоначально развивалось как переносное, производное. Что же касается персидского слова *гьар*, то оно прошло свой путь исторического развития в составе персидской лексики, основного словарного фонда персидского языка, а не даргинского.

Такое же примерно положение мы находим и в категории числительных. Первообразные названия чисел (в особенности чисел первого десятка) без всякого сомнения относятся к словам основного словарного фонда, но вполне понятно, что их очень немного, хотя, повидимому, даже число «сто» в группе горских языков Дагестана является не заимствованным, а издавна находящимся в исконной лексике этих языков («тысяча» уже является сравнительно недавним заимствованием).

В непосредственной связи с лексикой местоимений в горских языках Дагестана стоит лексика наречий, которая в свою очередь связана с лексикой послелогов. Наречия места (указательные наречия) непосредственно и регулярно образуются от указательных местоимений. Что же касается послелогов (служебной части речи) в этих языках, то они весьма непохожи по своему характеру на предлоги русского и других индоевропейских языков. Здесь различие вовсе не в том, что предлоги конструируются в препозиции, а послелоги — в постпозиции. Предлоги наших языков близки к частицам, их семантика очень широка, изменчива в разных контекстах, а вне контекста — часто вовсе неуловима. Послелоги же дагестанских языков всегда (за редкими исключениями) имеют определенное, ясное, реальное (как говорят, «вещественное») значение. По фонетическому своему строению они тоже далеко не так просты, как частицы, а построены скорее по типу строения имен. В составе корневой части послелогов обычно находится тот же самый (или фонетически близкий) согласный элемент, который в системе склонения данного языка обозначает ту или другую определенную локализацию, выраженную в «сериальном» склонении этих языков. Так, например, эта связь послелогов и падежных окончаний склонения ясно видна в аварском языке, где мы имеем в числе других послелоги: *тIад* «сверху», *нахъ* «сзади», *гъорлъ* (*гъ* — звонкая задненебная аффриката, *лъ* — в данном случае латеральная аффриката) «в середине», *гъоркъ* (*к* — латеральная надгортанная аффриката) «внизу» — при согласных элементах в системе местных падежей: *д* «сверху, на»; *х* «сзади, за»; *лъ* «внутри, в»; *къ* «внизу, под».

Это показывает, что мы можем видеть в подобных послелогах (они же являются и наречиями) слова, входящие в основной словарный фонд, а в соответствующих им падежных окончаниях — те же слова, но уже ставшие формальными элементами грамматики, падежными окончаниями. Сам по себе факт перехода слова в грамматический формант неоспоримо доказывает принадлежность этого слова к основному словарному фонду данного языка, древность и исконность его использования в этом языке.

Именно таким образом подтверждается и то, например, что лат. *mentem* (от mens «ум») вошло в основной словарный фонд, скажем, французского языка, где оно стало грамматическим аффиксом наречий (*bravement* «храбро», *sincèrement* «искренно», *follement* «безумно» и т. д.), и принадлежность к основному словарному фонду русского языка возвратного местоимения *себя* (одно из доказательств этого факта можно видеть в том, что соответствующая более древняя форма *ся* прочно заняла место одного из глагольных формативов: кажет*ся*, веселим*ся*, моют*ся* и т. д.).

Итак, относительно местоимений, местоименных наречий (а также многих наречий, непосредственно к местоимениям не примыкающих) и наречий-послелогов в горских языках Дагестана (в частности, в даргинском, лакском и аварском) можно сказать, что исследователь в грамматическом строе языка получает некоторые опорные точки для объективного решения вопроса об отнесении того или другого слова к основному словарному фонду языка. При таком подходе мы в значительной мере можем избежать субъективистских оценок, основанных на одной лишь семантике, на признании «важности» или «необходимости» слова в современном языковом общении. Широта и многосторонность сформулированного И. В. Сталиным учения об основном словарном фонде каждого языка безусловно требуют от нас, чтобы мы в этих вопросах не ограничивались поверхностными семантическими оценками.

Грамматической категорией, чрезвычайно интересной с точки зрения ее отношений к основному словарному фонду горских языков Дагестана, является глагол.

Проделанная нами подготовительная работа по составлению словаря первообразных глагольных корней лакского языка, а затем подобная же работа по даргинскому языку показала, что в словарном составе языков этой группы первообразных глаголов чрезвычайно мало; при достаточно глубоком анализе их обнаруживается немногим больше двухсот. Между тем общий словарный состав этих языков в нашу эпоху, при всестороннем развитии производства и культуры, определяется, несмотря на то, что эти языки являются младописьменными, по крайней мере в 25 тыс. слов (включая заимствованные слова). Следовательно, первообразные глаголы в данном случае составляют всего 1% общего словарного состава. Такое арифметическое отношение несомненно стоит в связи с определенными особенностями грамматического строя указанных языков.

Не следует думать, что говорящие на этих языках встречаются с какими-либо затруднениями при выражении глагольных понятий. Несмотря на сравнительно небольшой запас древних первообразных глаголов, все глагольные понятия могут быть выражены на этих языках так же свободно и с такой же детализацией оттенков значения, как и на любом из языков индоевропейских, тюркских, финно-угорских или семитских. Этой цели служат специальные средства выражения в виде сложных глаголов, использующих в качестве элементов сложения как имена, так и многие из первообразных глаголов. Поскольку в большинстве случаев именной и глагольный компонент сложения свободно употребляются и в качестве отдельного слова, приходится говорить об аналитическом способе выражения глагольного понятия.

Аналогичный способ выражения глагольных понятий встречается в очень многих языках различных языковых групп (например, в персидском таджикском, урду, турецком и в некоторых других тюркских языках), но ни в одном из них этот грамматический способ не используется с такой широтой, как в группе дагестанских языков. В глагольных сложениях типа перс. *шекайят кардан* и тадж. *шикоят кардан* «жаловаться», урду *шикаят карна*, тур. *шикайет этмек* (с тем же значением) первое слово яв-

ляется заимствованным из арабской лексики именным компонентом, несколько измененным фонетически согласно внутренним законам каждого из заимствованных языков. Второе же слово в этих сочетаниях представлено глаголом, входящим в основной словарный фонд всех названных языков и имеющим широкое, универсальное значение «делать». Таким образом, все приведенные сложные глаголы обозначают буквально «жалобу делать».

Сказанное достаточно поясняет сущность такого способа образования сложных глаголов, но надо указать, что языки, из которых мы привели примеры, усвоили в широких размерах этот грамматический прием выражения глагольных значений в определенную эпоху своего развития, а именно — после массового наплыва в язык иноязычной (арабской) лексики. В языках же Дагестана хотя и была эпоха включения в лексику арабизмов, но такое включение проявлялось лишь в слабой степени и не может быть сравнимо с обилием арабизмов, укрепившихся в словарном составе персидского или турецкого языков. Тем не менее и в языках Дагестана данное явление имело место: в лакском, например, языке как раз слово *шикаят* «жалоба» существует. Это заимствованное слово (ныне, может быть, уже мало употребительное) полностью вошло в ряд сложных типов лакской системы склонения. Оно причисляется к именам III грамматического класса по согласованию, поэтому говорят: *шикаят бан* «жаловаться», где начальное *б* в глагольном компоненте *бан* есть именно классный показатель III класса, и было бы ошибкой сказать, например, *шикаят дан*, т. е. неверно согласовать это слово по IV классу.

Но глаголы вроде *шикаят бан* «жаловаться» образовались и образуются не только на почве использования в языке заимствованной лексики. Первой частью сложения в них может выступать исконное слово языка или частица. Таковы лакские примеры: *лажин дан* «уважить» (*лажин* «лицо» — слово, общее для основного словарного фонда ряда дагестанских языков); *лавай хъун* «подняться» (*лавай* «вверх» — наречие); *гьаз бан* «поднять» (*гьаз* — основа, в качестве отдельного слова ныне уже не употребительная); *лабитан* «спрятать» (*ла* —частица, *битан* «оставить»). Вообще этот способ глагольного словообразования в виде сложных глаголов является в горских языках Дагестана живым и широко распространенным.

Но есть в этих языках и простые глаголы, однако, как мы сказали, их немного. В лакском словарном составе таких глаголов не больше 250, причем в это число входят также и глаголы, которые исторически разложимы, т. е. в сущности не являются первообразными, но ныне в сознании говорящих уже не разлагаются на части. Таковы, например, глаголы *ттизин* «доить», *ттисин* «кроить», в которых префикс *тти* уже не выделяется. Если просматривать список этих первообразных глаголов с точки зрения их значения, то мы здесь найдем и глаголы, выражающие простейшие производственные процессы: *цулун* «жать» (о жатве), *цIуцIин* «тесать», *шашан* «варить», *чIун* «полоть», *бюххин* «чесать», *бухъан* «пахать», *кьукьин* «резать» и т. п.,— и глаголы, выражающие различные действия человеческого тела: *занан* «ходить», *шанан* «спать», *шун* «ударить», *ккаккан* «видеть», *лаган* «идти», *лечан* «бежать» и т. п. Эти глаголы, развивая многочисленные переносные значения, обогащают фразеологию языка, наиболее часто встречаются в контексте речи и, повидимому, существуют в основном словарном фонде лакского языка на протяжении долгих эпох развития. Строение корня этих глаголов предельно просто: он содержит или один закрытый слог (*цулун*), или только один согласный (*щун*); *-ун*, *-ин*, *-ан* являются окончаниями инфинитива.

Таким образом, в глагольной лексике горских языков Дагестана как будто четко отделяется основной словарный фонд первообразных глаголов

от обширной массы глаголов производных и сложных, позволяющих выражать все глагольные понятия со всеми их семантическими оттенками. Внутренние различия в этой категории слов нашли свое выражение в их морфологической форме, и поэтому мы можем здесь заключать о принадлежности слова к основному словарному фонду вне всяких наших субъективных оценок важности слова по его значению. Как мы видели выше, в категории имен существительных это не так ясно, и там советская наука должна пока продолжать настойчивые поиски объективных критериев.

Вопросы о выделении слов основного словарного фонда из общего словарного состава языка надо решать конкретно, а не «вообще», учитывая своеобразие исторического развития каждой группы языков, каждого языка, каждой грамматической категории слов, а в нужных случаях — каждого отдельного слова. При этом надо не забывать, что особенности грамматического строя языка всегда тесно связаны со словарным составом и основным словарным фондом, а следовательно, в данном вопросе особенности грамматического строя также должны конкретно учитываться.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

З. Б. МУХАММЕДОВА

(АШХАБАД)

ЗАМЕЧАНИЯ О ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТУРКМЕНСКИЙ ЯЗЫК

История переводов русской литературы на туркменский язык начинается в советское время: первые печатные опыты наших переводчиков относятся к 30-м годам. Сначала работа их велась стихийно, без строгого плана и системы; у переводчиков не было ни знакомства с русской переводческой культурой, ни собственного опыта, ни удовлетворительного знания русского языка. Первые переводы из пушкинской лирики, появившиеся в 1937 г., выглядят беспомощно. Они способны создать самое невыгодное мнение о великом русском поэте. Трудно сказать, читал ли их кто-нибудь, кроме самих переводчиков и редакторов.

Лишь в дни Великой Отечественной войны оживилась переводческая деятельность писателей нашей республики. Но и здесь радость и горе шли вместе. Поэт Ата Ниязов, давший ряд образцов подлинного художественного перевода из лирики А. С. Пушкина, погиб смертью храбрых.

Послевоенные годы активизировали переводческую деятельность в республике. Здесь уже можно говорить о планомерной работе: появляются не отдельные отрывки или произведения, разбросанные по номерам журналов и страницам учебников, а целые сборники. С 1948 по 1952 г. вышли однотомники избранных произведений А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, сборник, содержащий часть «Записок охотника» И. С. Тургенева. В учебник по литературе для VI класса Н. Аширова и К. Курбансахатова (1952) включены пушкинская «Песнь о вещем Олеге» и «Три пальмы» М. Ю. Лермонтова. Все это говорит о возросших культурных запросах в республике и о старании писательского коллектива ответить на требования читателей достойной продукцией.

За это же время активизировался и интерес к теоретическим вопросам перевода среди самих переводчиков. Появился ряд газетных статей, посвященных вопросам художественного перевода. В 1952 г. секретарь ССП Туркменской ССР Р. Алиев выступил со статьей «О некоторых вопросах художественного перевода». Касаясь моей заметки о ранее вышедшем переводе «Медного всадника», Р. Алиев пишет:

«Поэму „Медный всадник“ А. С. Пушкина перевел поэт Кара Сейитлиев. Этот перевод является одним из лучших среди переведенных произведений великого поэта. Поэт-переводчик сохранил не только содержание, но и полностью стихотворную форму. Несмотря на отдельные недочеты в переводе поэмы (в статье З. Мухаммедовой — указания на отдель-

ные слова), этот перевод является большим достижением переводчика»[1]. Но так как тот же поэт-переводчик Кара Сейитлиев имеет не только право на похвалу со стороны своих коллег и читателей, но и все данные для того, чтобы переводить лучше, то здесь не будет лишним напомнить и о его ошибках. Конечно, если анализ перевода делает филолог, то он будет говорить о языке, т. е. о предложениях и словах. Тем более, если посредством «отдельных слов» была искажена основная идея поэмы. Стихи:

Да умирится же с тобой
И побежденная стихия

переведены так:

Билйәрин, көп чекмез, шейле бир гүн гер,
Еңилип тебигат саңа баш эгер.

Вот обратный перевод:

Знаю, долго не протянет, придет такой день —
Природа, потерпев поражение, покорится тебе.

Как видим, эти стихи, выражающие основной замысел поэмы, в переводе получили значение, противоположное тому, которое вложил в них автор. Если перевод с такой ошибкой рассматривается как достижение, то что же следует считать неудачным переводом? Неужели переводчик может себе позволить искажение и содержания, и формы?

Говоря об общих недостатках, можно говорить о многом. Но главное, что мешает выходу в свет подлинно художественных, полноценных произведений,— это то, что, спешно изготовляя перевод (обычно — к юбилейным датам), наши переводчики часто не вникают в существо переводимого текста, переводят, так сказать, «первый верхний слой» текста, не думая о специфике времени и места рождения переводимого произведения, не вникая в культурно-историческую роль, которую сыграл и играет этот текст.

Порой искажаются, переводятся неточно даже заглавия переводимых произведений. Вот несколько примеров. «Вакхическая песнь» А. С. Пушкина в переводе Беки Сайтакова получила название *Вакха айдымы.* Если допустить, что «Вакх» поставлен поэтом-переводчиком в дательном-направительном падеже, то не у места форма *айдымы* «песня его». Значит, «Вакх» обрел форму *Вакха* в первом падеже — и все заглавие представляет собою второй тип тюркского изафета. Поэт Я. Насырли, переводя «Демона» А. С. Пушкина, дал подзаголовок *Арвах* «дух». Нужно ли это?

Еще своеобразнее поступил покойный Хаджи Исмаилов. «Лес и степь» И. С. Тургенева он озаглавил *Авыҗ хөвеси* «Страсть охоты»! «Живые мощи» И. С. Тургенева им же превращены в «Живой труп» — *Дири маслык.* Как же быть при переводе «Живого трупа» Л. Н. Толстого?

«Песнь о вещем Олеге» также изменила свое название: в учебнике для VI класса (изд. 1952 г.) она именуется *Палы атылан Олег хакында айдым,* т. е. «Песнь об Олеге, которому раскинули (карты?) для гаданья». Гаданье оказалось важнее эпитета «вещий», который, кстати, довольно близко переведен в однотомнике 1949 г. (*пәхимли*).

Стихотворение Н. А. Некрасова без заглавия, начинающееся стихом:

Вчерашний день, часу в шестом...

в туркменском переводе К. Д. Курбансахатова получило заголовок *Урулян ким?* «Кто избиваемый?» О дальнейших превращениях, случившихся с этим замечательным стихотворением Н. А. Некрасова, скажем ниже.

[1] Журн. «Совет эдебияты», Ашхабад, 1952, № 1, стр. 72 (перевод цитаты наш.— *З. М.*).

Едва ли такого рода переделки и отступления имеют что-либо общее с «поэтической вольностью». Здесь, скорее, простая небрежность, явившаяся следствием не то спешки, не то незнания.

Обычно туркменские переводчики русских писателей не пользуются подстрочными переводами; грамматический строй языка оригинала не представляет для них препятствия. Даже с идиомами они справляются более или менее удовлетворительно. Наибольшие трудности встречают они в лексике, но и эти препятствия преодолимы. Больше, чем знания языка, недостает нашим переводчикам знания жизни, описываемой в произведениях русских писателей.

Энгельс, касаясь того, что должен знать переводчик Маркса, писал: «...чтобы понимать его, нужно действительно в совершенстве владеть немецким языком, разговорным и литературным, и кроме того нужно кое-что знать и из немецкой жизни»[2].

Русскую жизнь наши переводчики часто знают совершенно недостаточно. Это незнание жизни прежде всего касается русской природы, ее флоры и фауны. Основной ошибкой при переводе названий растений, животных и птиц следует считать стремление все перевести средствами своего языка. Получается нечто подобное «продвижению» на север южных туркменских растений. Как правило, удача изменяла нашим переводчикам в этом их предприятии. Вот некоторые примеры.

И понемногу начало назад
Его тянуть: в деревню, в темный сад,
Где *липы* так огромны, так тенисты,
И *ландыши* так девственно душисты,
Где круглые *ракиты* над водой
С плотины наклонились чередой,
Где тучный *дуб* растет над *тучной нивой*,
Где пахнет конопелью да *крапивой*...[3]

Эту часть эпиграфа к повести «Лес и степь» поэт Чары Ашир перевел так:

Обаныҥ гүр өсиөн гара баглары
Бейик *сервиҥ* сая салян чаглары
Ол йигиди оба чекйөрди ыза,
Гүлөлегиҥ ысы барк урян яза,
Сув бойында битен тегелек *таллар*
Бөведиҥ үстине узадяр голлар.
Дереклер абаняр *өсгүн экине*,
Зыгыр, кендир ысы гелйөр, бак ине...

Надо отметить, что, например, слово *йигит* «юноша» введено по необходимости: не выражающее родового значения *ол* не соответствует русскому местоимению «он». Что же касается подчеркнутых слов, то из них верно переведены лишь «ракиты» — *таллар*. Остальные названия заменены. Вот обратный перевод туркменского текста:

Густо растущие темные (буквально: черные)
сады деревни
В пору, когда высокий *кипарис* бросает тень,
Тянули того юношу в деревню, назад,
К весне, где благоухает *мак*,
Круглые ракиты, выросшие на берегу вод,
На плотину протягивают руки,
Тополи наклоняются над *густым посевом*,
Льном и коноплей пахнет, вот погляди...

[2] Сб. «К. Маркс — Ф. Энгельс об искусстве», М.—Л., «Искусство», 1938, стр. 674.

[3] Курсив в примерах здесь и дальше наш.— *З. М.*

Ландыш превращен здесь в мак, дуб — в целую группу тополей. Поэт Чары Ашир, видимо, не подозревает разницы между липой и кипарисом. Но переводчик прозаической части «Записок охотника» Хаджи Исмаилов решил за липой сохранить ее имя: «липовый стол» в доме Хоря выглядит так: *липа агажындан ясалан стол.*

Поэт-переводчик Чары Ашир считает возможным заменить и «оливы» «кипарисами». Пушкинский стих:

Где тень *олив* легла на воды

у него приобрел следующий вид:

Серви көлегеси сув йүзин тутуп...

Буквально:

Тень *кипариса* скрыв поверхность воды...

Тот же переводчик словом *арча* «можжевельник» перевел однажды слово «осина», в другой раз — «сосна» (ср. «Саша» и «Орина — мать солдатская» Н. А. Некрасова). Как же он будет переводить само название «можжевельник»? Нам кажется, что такое обеднение лексики переводимого текста недопустимо.

Иногда переводчик не считает необходимым подобрать хоть сколько-нибудь близкое соответствие слову подлинника и идет на прямое искажение. Предложение из «Дома с мезонином» А. П. Чехова: «Сильно, до духоты пахло хвоей»—Т. Таганов перевел так: *Тикенли порсы агажың ысы демикдирип барярды.* Буквально: «Запах колючего вонючего дерева заставлял прямо задыхаться». Не лучше ли ввести «хвою»? Конечно, при этом надо знать, что хвоя все же не «вонючее дерево». Тот же переводчик «Дома с мезонином» «ель» заменил «елкой», а «липу» перенес без изменения.

Вводя то или иное слово из русского текста, переводчик должен внимательно относиться к орфографии этого слова. Вот пример небрежного отношения к переводу (из «Дома с мезонином»): «...и на цветущей *ржи* растянулись вечерние тени...» Перевод: ...*гүллейән* ***рожаларың*** *үстини иңригиң гараңкысы өртди...* Как видим, «рожь» превратилась в «рожу» — и при этом во множественном числе.

Нашим переводчикам трудно дифференцировать «рощу», «лес» и «бор» — все переводится общим словом *токай.* Иногда «рощу» переводят *токайжык.* Здесь, конечно, от переводчиков большего трудно требовать: таких лесов, какие описывает, например, Тургенев хотя бы в «Записках охотника», в Туркмении нет,— нет и соответствующих слов.

Не повезло таким русским словам, как «солома» и «сено». В «Хоре и Калиныче» мы читаем: «...крыши закиданы гнилой соломой». У переводчика «солома» заменена «сеном»: ...*үстлери хем чүйрүк* ***беде*** *билен басырылыпдыр.* Другой переводчик своеобразно заменил «сено» «соломой». Мы имеем в виду знаменитое восьмистишье Н. А. Некрасова:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «гляди!
Сестра твоя родная!»

Перевод его сделан так:

Хут өтен гүн, гечен агшам
Гүнеш яшып, дүшенде шам
Бир сәв билен *саманхана*
Барып, бир дайхан жәнана

Гөрдим аза берйәнлерин,
Гамчы билен урянларын.
Дурре гамчы яңланса-да
Чыкмаярды гыздан седа.
Дийдим: «Оян, ылхам, оян!
Ол гыз саңа сүйтдеш доган!»

Обратный перевод туркменского текста:

Как раз вчера, прошлым вечером,
Когда солнце село и настал вечер,
Я случайно зашел в *сарай для соломы*
И увидел, как молодой крестьянке
Причиняли боль,
Били плеткой.
Хотя плетка и свистела,
От девушки не исходило ни звука.
Я сказал: «Проснись, вдохновение, проснись!
Эта девушка тебе — родная сестра!»

И выросшее в переводе количество строк, и подмену музы бесплотным и абстрактным «вдохновением», и прибавление о закате солнца — все отнесем за счет права переводчика на поэтическую вольность. Но трудно объяснить, как это на месте Сенной площади в Петербурге вдруг вырос сарай для соломы. Наш переводчик К. Д. Курбансахатов безусловно бывал в Ленинграде. Неужели же он, писатель, не обратил внимания на эту площадь? Приведенный пример — яркий образец незнания переводчиком исторических условий, жизни, отраженной в переводимом им подлиннике.

Термины, относящиеся к фауне, представлены названиями птиц. И здесь переводчик «Ермолая и мельничихи» придерживается метода замены одних птиц другими. Приведем примеры:

«Еще раз прозвенел над вами звонкий голос *пеночки*; где-то печально прокричала *иволга*, соловей щелкнул в первый раз».

Перевод: *Сизиң үстиңизден* ***чарлак*** *ене бир гезек йити сеси билен сыгырып гечер*; *гапдалда бир ерде сүлгүн өзиниң тукат сеси билен гыгырар, әмма билбил болса илкинҗи гезек сыгырып гойберди.*

«Пеночка» — маленькая певчая птица — заменена здесь жителем морских берегов *чарлак*; «иволга» превращена в «фазана».

«Вот затихли *зяблики*». Перевод: *Ынха* ***гумрылар*** *сесини кесдилер.* Буквально: «Вот затихли *горлинки*».

«Куропатка» из «Хоря и Калиныча» превратилась при переводе в «фазана».

Термины флоры и фауны, встречающиеся в художественных произведениях, имеют познавательное значение. Если автор оригинала для повышения познавательной ценности своего произведения должен точно описывать отдельные растения, животных, то и переводчик не имеет права снижать достоинство переводимых текстов. Будучи лишен возможности дать точный перевод, он должен сохранять названия растений и животных, встречающиеся в подлиннике. Тем самым он не только охранит оригинал от искажений, но будет содействовать обогащению своего родного языка новыми словами. Конечно, для этого переводчик должен хорошо понимать значения этих слов, т. е. знать условия жизни того народа, на языке которого написан оригинал.

Способ, которым до сих пор пользовались наши переводчики для передачи терминов флоры и фауны, не способствует развитию разносторонних черт в туркменской лексике, не обогащает ее. Введение же определенных разрядов русской лексики в туркменские тексты не имеет ничего общего

с засорением словарного состава языка излишними заимствованиями. Художественный текст обеспечит понятность вновь вводимых слов. В таком произведении, как «Свидание» И. С. Тургенева, ни «осину», ни «березу» не придется специально комментировать. Переводчику надо будет только приложить все усилия для того, чтобы сохранить богатство стиля и как можно вернее и полнее передать всю неповторимую художественную силу этого замечательного произведения.

Судьба слов, связанных с природой, решается сравнительно легко. Значительно сложнее обстоит дело со словами бытовыми. Именно здесь никогда нельзя терять из виду исторической обстановки. Полутыкин о Хоре говорит «мой *мужик*». Это могло быть сказано помещиком о крестьянине только при крепостном праве. И переводчик вполне прав, когда пишет: *Мениңбир дайханым бар*. Буквально: «один мужик мой имеется». Для перевода данного отрывка вполне достаточно сказать, что крестьянин этот принадлежит кому-то.

Конечно, полное соответствие не всегда может быть найдено, и использование слов того языка, на который делается перевод, часто бывает неизбежным. Но при этом нельзя впадать в крайность, как это случилось с переводчиком отрывков «Евгения Онегина» Б. Кербабаевым, у которого «на блюдечках варенье» превратилось в *кулче* «дорожные лепешки, замешенные на молоке», а «брусничная вода» — в «сладковатую воду», влитую в *голча* — изнутри облитой глиняный кувшин. Ошибка переводчика произошла вследствие невнимания ко времени, к исторической обстановке, описываемой в романе. Трудно представить себе, что у Лариных могли оказаться вышеназванные предметы из туркменского быта.

*

Общеизвестно, что дословный перевод обычно приводит к нежелательным результатам. В наших переводах есть случаи буквальной передачи отдельных слов, без учета их роли в данном контексте и часто без учета литературных норм туркменского языка. Вот примеры: «Пруд едва начинает дымиться» (Тургенев). Перевод: *Ховдандан сэхелче түссежик чыкяр*. Буквально: «Из водоема исходит небольшой дымок». При этом «небольшой» передано словом *сэхелче* — оно должно соответствовать тургеневскому «едва». Но для «едва дымящегося пруда» слово *сэхелче* не подходит. И вообще этот «дым» оригинала можно было бы заменить «паром» — это было бы ближе к смыслу подлинника.

Можно привести и другие примеры дословных — и потому неудачных— переводов: «...птицы болтливо лепечут» (Тургенев). Перевод: *...гушлар геплемсеңлик билен пышырдашярлар*. Буквально: « ..птицы словоохотливо перешептываются».

Или:

— И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом.

Перевод Я. Насырли:

Ел хем оң өймесин элине алып
Пасырдадып дурман ылган гидйәрди.

Обратный перевод:

И ветер, схватив в руки ее шелковый платок,
Заставляя его трепетать с шумом, не стоя
(на месте), убегал.

В последних двух примерах к буквальному переводу сделаны добавления, которые не прибавляют ничего к художественным свойствам подлинника. Это «оригинальничание» переводчиков может только запутать читателя, создать у него неверное представление о подлиннике.

Если про пение птиц говорят *сайрамак*, а про дуновение ветра не говорят *ылгап гитди*, то переводчик не может не считаться с этим типичным, выработанным языком употреблением. Внимание к такому употреблению не имеет ничего общего с обеднением образности подлинника: как раз буквальный перевод обедняет эту образность.

Еще пример:

Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал.

Перевод:

Гезеллиге арзув дийип ат берип,
Ылхамы йигренип, гаргап дурарды.

Здесь есть все слова подлинника: «прекрасное» — *гөзеллик*; «мечта» — *арзув*; «вдохновение» — *ылхам*; «презирать» — *йигренип гаргап дурмак*, т. е. «ненавидя, постоянно проклинать». А того, что хотел сказать А. С. Пушкин о своем демоне, нет. Произошло это из-за того, что за каждым словом поэт Я. Насырли закрепил одно узкое значение—и, так сказать, «заморозил» их в этих рамках. А между тем *гөзеллик* скорее «красота», но не прекрасное, *арзув* — мечта в смысле «желание», а не мечта как нечто несбыточное. И стих:

Он звал прекрасное мечтою

может быть гораздо успешнее переведен без «мечты». Здесь уместнее *гуры хыял*.

Пушкинские строки:

Из равнодушных *уст* я слышал смерти весть
И равнодушно ей *внимал я*

Беки Сейтаков переводит так:

Первайсыз *додакдан* өлүм хабарын
Эшитдим, мен оңа первайсыз уйдым.

Переводчик не захотел воспользоваться стилистическим соответствием «уст» — *дахан*; он заменил «уста» «губами» и создал совершенно невероятное для туркменского языка сочетание: ведь с губ в туркменском литературном языке не слышат вестей. Вести получают больше всего с «языка». По словам переводчика, А. С. Пушкин «уверовал» равнодушно этой вести... Может быть, Беки Сейтаков внимательнее отнесся бы к тексту, если бы знал, что эти стихи в полноценном переводе понадобятся еще переводчику «Первой любви» И. С. Тургенева.

Строку из «Узника»

Туда, где *синеют* морские края...

Б. Кербабаев переводит:

Деңизлер кенары *мавумтыл* онда.

Однако по-туркменски никто не скажет про морские края — *мавумтыл*. К синеве моря применимо только слово *гөк*, хотя оно означает и «небо», и «голубой», и «серый», и «сизый», и «зеленый», и «зелень», и «недозрелый». Но *мавумтыл* — это цвет фиолетового оттенка.

Стихи из «Памятника»:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет *хоть один* пиит

тот же Б. Кербабаев переводит так:

Бу гиң ягты җаханда яшаса *тәк бир* шахыр,
Артар маниң шөхратым, овазым мең *диңсе-де*.

Слово *тәк* по значению противоположно *җүбт* «пара» и употребляется не в значении «хоть один», а именно в значении «один — не два». В переводе получилось, будто Пушкин сказал: «Пребуду в благополучии» до тех пор, пока поэты «будут в одиночестве»! Во втором стихе перевода читатель с недоумением встречает глагол *диңмек* — ведь он должен, по замыслу переводчика, значить «замолкнуть». А в литературном туркменском языке этот глагол значит «перестать плакать», «утешиться». Говорят даже *ягыш диңди* «дождь прекратился».

Б. Кербабаев под названием *Бенди* перевел «Узника» Пушкина. В переводе обнаруживается пренебрежение литературными нормами как в орфографии, так и в лексике. «Бросает» переведено *пызярды*; между тем *пызмак* — в лучшем случае «швырять» с пренебрежительным оттенком. Еще хуже звучит *мычалы*, которое должно соответствовать динамическому «туда»[4].

Дословный перевод нередко приводит к прямому искажению смысла подлинника. Протокольно, слово за словом переводит Т. Таганов многие места из рассказа Чехова «Дом с мезонином». Так, сочетание «*в старом барском* доме» переведено: ***көне баярың өйиндәки***. Буквально: «находящийся в доме *обветшалого боярина*». Переводчик забыл, что ***көне*** в значении «старый» очень редко применяется к человеку; и то, обычно, скажут: *көнелишен*, т. е. «постаревший», «пожилой» (а чаще говорят *гарры*); в результате старым оказался не дом, а барин. Тот же переводчик словосочетание «по целым часам» переводит *бүтин бир сагат*. Буквально: «один целый час» или, в лучшем случае, «час битый». У Чехова герой говорит: «Я не делал *решительно* ничего». У переводчика читаем: *Мен* ***бүтинлей*** *хич зат этмейәрдим*. Буквально: «Я *целиком* ничего не делал». Если бы вместо *бүтинлей* стояло слово *дүйбинден*, смысл подлинника не был бы искажен.

Из приведенных примеров видно, что наши переводчики часто игнорируют не только оттенки значения слова, но и его стилистическую окраску.

К сожалению, в наших переводах встречаются ошибки, допущенные в результате явного непонимания переводимого текста. В подлиннике: «...*почитатели* его таланта» («Дом с мезонином»). В переводе: ...*өз талантының окыҗылары*. Буквально: «...читатели его таланта». В подлиннике:

И верно надо мной
Младая *тень* уже летала.

Перевод:

Депәмде менің
Оның яш *гөвреси* ганат герйәрди.

Буквально:

Надо мной
Ее молодое *туловище* парило на крыльях...

У Чехова: «... и все дышало порядочностью». У переводчика: ... *ве* ***хеммелер*** *асыллылык билен дем алярдылар*. Буквально: «... *и все* ды-

[4] Автору настоящих строк уже не в первый раз приходится возражать против употребления этого слова в литературных текстах. Слово это употребляется крайне редко и имеет два значения: 1) выпустить стрелу из лука; 2) врать, молоть чепуху. Наши писатели (при переводе «Медного всадника», «Евгения Онегина», «Узника») к этому мало благозвучному слову прибегают, видимо, опираясь на первое его значение. Едва ли необходимо повторять всем известную истину о недопустимости засорения литературного языка чуждыми его нормам словами и оборотами.

шали с благородством». Примеры таких искажений можно было бы умножить.

Нашим переводчикам часто нехватает художественного мастерства, творческой смелости. Вот один характерный пример. Поэт Я. Насырли переводит «Бурю» Пушкина:

Ты видел деву на скале
В одежде белой, над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами?

Перевод:

Умурли тупанда җошуп мөвч уран,
Деңиз кенарлара *урулан бада*,
Толкундан ёкарда, гаяда дуран
Ак лыбаслы гызы салямың яда?

Обратный перевод:

Как только море ударилось о берега,
Волнуясь и бушуя в бурной мгле,
Вспоминаешь ли ты девушку в белой одежде,
Стоявшую выше волн на скале?

Пушкин дал яркий и свежий образ моря, играющего с берегами. Переводчик, в погоне за «динамикой», сделал текст серым, обычным, скучным. А ведь туркменский язык вполне бы выдержал построение предложения типа: *Деңиз кенар билен ойнанда*, и «игра моря с берегами» получилась бы столь же неожиданной и пленительной, как в оригинале!

Наряду со снижением познавательного значения и художественных достоинств подлинника в переводах часто имеет место снижение воспитательной ценности переводимого произведения. Обычно это происходит из-за добавления к тексту каких-либо деталей, отсутствующих в оригинале. Так, например, переводя «Тройку» Некрасова, Я. Насырли сделал от себя добавление, исказившее идею произведения.

В оригинале:

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Перевод:

Чыдам эт хер хили сүтем азара,
Сен өлерсиң, тамам болар гара гүн,
Җайланар ызгарлы чуңңур мазара
Ерсиз сөнен гүйҗиң, гамлы йүрегиң.

Вот что это значит:

Терпеливо сноси всякие притеснения и невзгоды,
Ты умрешь — и придет конец черным дням.
В глубокой сырой могиле схоронятся
Неуместно угасшая твоя сила и тоскующее сердце твое.

Как видим, здесь прибавлен переводчиком первый стих. Он противоречит не только замыслу «Тройки», но и всему творчеству Н. А. Некрасова.

Вот еще подобный пример из другого стихотворения Некрасова «Еду ли ночью по улице темной»:

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?

Перевод Чары Ашира:

Нирде сен бу махал? Гүйчли җең гуруп,
Дертли гарыплыга гаршы дурдыңмы?

Обратный перевод:

Где ты сейчас? Поднялась ли ты против
болезненной нищеты,
(Пойдя) на нее мощной войною?

Туркменский читатель будет справедливо недоумевать: если героиня способна на «мощную войну» с нищетой, то отчего же так скорбит о ней поэт?

Снижает также воспитательную ценность произведения ничем не оправданное усиление религиозного момента. Например, вовсе нет религиозного мотива в пушкинских строках:

Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать.

В переводе это двустишие приобрело характер почти суфийской поэзии:

Бу дүнйәден соман менің эллерим
Сени сакламага өрән жан этди.

Буквально:

Мои руки, охладевшие *от этого мира*,
Чтобы удержать тебя, очень старались.

Идиоматический оборот «руки, охладевшие от этого мира» имеет значение: «руки, отрекшиеся от всего мирского, от мирской суеты». Нет необходимости доказывать, что такой перевод не имеет ничего общего с пушкинским текстом.

В «Горе старого Наума» Некрасова есть такие стихи:

— А кто вы? — Братец и сестра,
Идем на богомолье.

Ни герои, обманывающие Наума, ни сам старый Наум не придают этим словам никакого значения. Однако поэту Чары Аширу сообщение о богомолье показалось важнее, чем всем остальным:

— Сиз ким? — дийип соранда Наум,
— Доган-бажы боларс биз-де
Зыярата баряс — дийип,
Бизлер хака уйярс — дийип,
Йигит жогап берди оңа.

Обратный перевод:

«Когда Наум спросил: Кто вы? —
Юноша ответил: — мы будем братом и сестрой,
Мы идем в паломничество,
Мы веруем в бога».

Особенно бросается в глаза последний стих, сочиненный переводчиком.

Пушкинский демон в переводе Курбансахатова перестал быть земным и реальным:

Прости,— он рек,— тебя я видел,
И ты недаром мне сиял.
Не все я в мире ненавидел,
Не все я в жизни презирал.

Перевод:

Сени гөрүп, гелдим тоба амана,
Дийди демон,— салдың, мени имана.
Паныда-да ышка саланлар барды
Бакыда-да гөвним аланлар барды.

Это значит:

Увидя тебя, я пришел к покаянию и смирению, —
Сказал демон,— ты ввел меня в веру.
И в мире бренном были такие, кто влюбил меня в себя,
И в мире вечном были такие, кто принял мое сердце.

Такая переделка оригинала не имеет никакого оправдания.

Нет нужды повторять всем известные истины о том, как надо беречь воспитательную ценность литературы. Следует лишь напомнить, что для правильного перевода одного небольшого произведения часто бывает нужно хорошо знать не только все творчество переводимого автора, но и его эпоху.

*

Русские писатели в туркменской школе — тема, заслуживающая специального изучения. Учебники и хрестоматии, вышедшие за последнее время, содержат много переводных текстов русских классических и советских авторов. Не ставя себе задачу рассмотреть все эти переводы в настоящей статье, мы коснемся лишь учебника для VI класса, где даны переводы «Песни о вещем Олеге» и «Трех пальм». Качество этих переводов таково, что для объяснения их приходится делать новый «перевод» текста на общенародный туркменский литературный язык. Это — особая «категория» неудовлетворительных переводов: они непонятны.

В переводе «Песни о вещем Олеге» в первой же строфе трудно понять смысл последних двух стихов:

Цареград бронда гошунын дартыш,
Баряр князь даяв атыны ёртуп.

Обратный перевод:

Цареград — в броне; ведя свое войско,
Князь едет сюда на рослом коне.

Цареград бронда не соответствует словосочетанию «в цареградской броне»; только присоединение аффикса принадлежности 3-го лица (брон*ын*-да) позволит достигнуть соответствия оригиналу. Читая перевод Чары Ашира, можно подумать, что Олег едет штурмовать Царьград, а не

Отмстить неразумным хазарам...

Вторая строфа, посвященная кудеснику, вся полна терминами ислама:

Чыкды шовхун билен бир *вели* киши,
Гараңкы токайдан оның гашына,
Мыдам айдып йерйәр ол болжак иши,
Кайыл болуп *хакың* эден ишине
Өмри гечйәр *сена* билен, пал билен...

Поэт Лахути в своем переводе сумел представить кудесника духовным лицом, и при этом доисламским — *моġ*. У Чары Ашира кудесник превращен в мусульманского святого. Тяжеловесно, вяло, однообразно и путано выглядят строфы 3-я, 4-я, 7-я, 11-я.

Оригинал 11-й строфы:

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана.
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Перевод:

Гошуна той берди князь эп-эсли
Сазлашдырды эллеринде бокалы,
Буйра-буйра ак сачлары бир түйсли
Түммек үстиндәки даң гары ялы...
Олар ятлаярлар әхли геченин,
Сөвешлери, жәңде ганлар **сачанын**.

Вот что это значит:

Князь войску задал довольно большой пир,
В своих руках он позвенел бокалами.
Кудрявые белые волосы их как-то странно
Сходны с утренним снегом на кочке...
Они вспоминают все прошедшее,
Битвы, то, как проливали кровь в боях.

Первый стих перевода неточен. Второй стих искажен — Олег выступает чем-то вроде фокусника, забавляющего окружающих звоном бокалов. Всего удивительнее выглядит следующее затем двустишье: сходство кудрей с утренним снегом «над славной главою кургана» настолько мало убедило переводчика, что он курган обратил даже не в бугор (*дене*), а в маленькую кочку.

Не выше качество перевода «Трех пальм», «Размышлений у парадного подъезда», «Еду ли ночью по улице темной», большой части «Забытой деревни».

Труд переводчика — труд упорный, «медленный», как сказал Пушкин о писательском труде. От переводчика, кроме поэтического дарования, требуется большая общая культура, не простое знание языка, но глубокое и тонкое чутье его, хорошее знание исторической обстановки, в которую создавался подлинник. В нашу эпоху, когда переводы стали одним из средств укрепления дружбы между народами, переводчик должен создавать подлинно художественные произведения на своем родном языке.

Туркменские переводчики знают и творческие удачи. Есть много произведений, очень близко и художественно переведенных теми же переводчиками, по адресу которых здесь были высказаны упреки. Это значит, что у нас есть все возможности для создания полноценных переводов русской классической и советской литературы.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

Л. Л. КОЛОСС

О ПРЕДМЕТЕ СТИЛИСТИКИ

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, явившиеся новым выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, вывели советское языкознание на верную, широкую и прямую дорогу плодотворного развития на подлинно научной, марксистской основе.

Среди многочисленных задач, стоящих сейчас перед советскими языковедами, серьезного внимания заслуживает разработка вопросов стилистики. Это определяется, во-первых, значением стилистики как одной из важных областей языкознания; во-вторых, тем, что стилистика является пока одним из наименее разработанных разделов языкознания. Достаточно напомнить, что до сих пор нет общепринятого определения предмета стилистики; это связано с отсутствием единого, четкого представления об основных изучаемых ею объектах. Понятно, что без решения вопроса о предмете и содержании стилистики невозможна правильная научная разработка всех других ее вопросов.

Отставание стилистики явилось одним из следствий господства в прошлом так называемого «нового учения» о языке. Исходя из немарксистского положения о «классовости» и «надстроечности» языка—и, следовательно, всех его категорий,—это «учение» рассматривало и язык, и стиль языка, и литературно-художественный стиль, и, наконец, так называемый «индивидуальный стиль» как явления однопорядковые, что неизбежно должно было привести к смешению этих понятий и в итоге совершенно запутало стилистику, завело ее в тупик.

Учение товарища Сталина о языке дает основные руководящие указания для разработки вопросов стилистики — как и всех других разделов языкознания — на единственно правильной, строго научной основе.

При определении предмета стилистики исходным должно явиться, по нашему мнению, следующее положение, выдвинутое акад. В. В. Виноградовым в докладе «Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания»: «Перед советским языкознанием стоит важнейшая ответственная задача — раскрыть во всей глубине и определенности понятия языка, стиля языка и словесно-художественного стиля писателя (или литературного направления)...»[1]

Задача заключается в том, чтобы, опираясь на сталинское учение о сущности и специфике языка, четко разграничить указанные понятия — язык, стиль языка, индивидуальный стиль, литературно-художественный стиль — и определить, какие из этих понятий и в какой степени подлежат изучению стилистикой.

---

[1] «Материалы объединенной научной сессии Отд-ния лит-ры и языка АН СССР и АПН РСФСР, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию...», М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, стр. 58.

Стилистика как дисциплина языковедческая, очевидно, должна прежде всего и главным образом заниматься изучением языковых стилей. Однако ограничиться этим утверждением было бы, конечно, совершенно недостаточно. Необходимо раскрыть само понятие языкового стиля, его сущность и специфику (по этому вопросу также не существует единого мнения), его взаимоотношения с языком, с литературно-художественным стилем, наконец, понятие «индивидуального стиля». Разработка именно этих исходных, ключевых положений является наиболее актуальной и важной, она облегчит правильное разрешение всех других проблем стилистики. Именно по этим вопросам мне как читателю журнала «Вопросы языкознания» хочется высказать свои соображения в настоящей статье.

Начнем с рассмотрения важнейшего вопроса — о стиле языка.

Что такое языковой стиль?

Широко распространенное понимание языкового стиля как способа использования выразительных средств общенародного языка в определенной сфере устного или письменного общения нуждается, на наш взгляд, в существенном изменении.

Прежде всего, что следует понимать под «выразительными средствами языка»? В курсах преподавания русской стилистики «выразительные средства языка» обычно отождествляются с так называемыми «фигурами» (риторический вопрос, восклицание, повтор, анафора и др.). Но в тех же курсах сообщается, что в стилистических целях широко применяются и «тропы» (их называют еще «изобразительными средствами языка») — эпитеты, сравнения, метафоры; определенное стилистическое значение имеют такие лексические единицы, как архаизмы, неологизмы, диалектизмы, фразеологические единицы всех видов, антонимы и особенно синонимы; в тех же целях используются инверсия, синонимические конструкции, наконец, фонетические возможности (интонация, ритм речи).

Какие же именно из названных средств—лексических, грамматических, фонетических — имеет в виду приведенное выше определение языкового стиля? Ограничивает ли оно понятие «выразительных средств» одними «фигурами» или включает в их число все указанные средства (что, конечно, более вероятно и более правильно)? Ответ на этот вопрос в рассматриваемом определении стиля языка остается неясным. Но совершенно ясно, что даже и в том случае, если под «выразительными средствами» понимаются все традиционно перечисляемые в курсах стилистики и названные выше способы достижения стилистических целей,— термин этот не охватывает всего богатства словарного состава и грамматических средств языка, выполняющих в речи многообразные стилистические функции.

Если исходить из определения языкового стиля как «способа отбора выразительных средств языка», то придется признать, что в языке есть средства «выразительные», т. е. имеющие, наряду с предметно-назывной, стилистическую функцию, и есть еще средства «невыразительные», выполняющие лишь первую из этих функций.

Верно ли это? И верно ли, что языковой стиль создается отбором только «выразительных» средств языка? Если мы обратимся к реальным условиям языкового общения, то увидим, что каждое или почти каждое слово, как только оно сошло со страниц словаря и употреблено в контексте письменной или особенно устной речи, получает определенную стилистическую окраску, стилистическую функцию.

Характеризуя специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений, товарищ Сталин указывает, что, будучи непосредственно связан с мышлением, «...язык обслуживает общество,

как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности...»[2].

Отсюда правомерно сделать вывод, подтверждаемый самой практикой речевого общения: в языке не бывает высказываний «вообще» — безотносительно к конкретным условиям общения, к определенной цели, вне учета специфики «адресата» высказывания, без выражения отношения говорящего (или пишущего) к реальной действительности; короче говоря, не бывает высказываний вне всякого стиля[3]. Цель, содержание и конкретные условия высказывания неизбежно диктуют всякому предложению ту или иную стилистическую окраску как форму выражения его стилистической функции.

Чем достигается стилистическая окрашенность речи? Прежде всего подбором лексико-фразеологических средств. Ведь большое количество слов и устойчивых выражений, даже взятых изолированно, уже сами по себе обладают известной стилистической окраской, которая связана с их прямым значением. Не говоря уже о канцеляризмах, архаизмах и других «выразительных средствах языка», необходимо подчеркнуть, что богатейшим источником стилистических различий является синонимика, особенно характерная для русского языка с его огромной развитостью системы значений слова вообще. «Чтобы убедиться в исключительном богатстве нашей лексики в этом отношении,— справедливо указывает С. П. Обнорский,— можно было бы открыть любую страницу с достаточной полнотой обработанного словаря русского языка: любое слово в нем (если оно по своей природе не узко очерченного значения, например, не терминологическое) обычно является носителем пучка значений или их оттенков»[4].

Могут возразить, что в словарном составе языка имеется очень много слов, которые сами по себе все же не несут никакой стилистической окраски,— слов «нейтральных». Нельзя, однако, забывать, что мы имеем дело с языковыми стилями, как с разнообразными стилями устной или письменной речи, т. е. рассматриваем стилистические функции слов в контексте. В процессе речевого общения так называемые «нейтральные» слова получают стилистическую окраску в результате определенного сочетания их с другими словами в предложении, а также в результате употребления их в тех или других стилистически окрашенных формах.

Наконец, надо учесть широкое использование в стилистических целях обладающих экспрессивно-стилистическими возможностями фонетических средств языка (интонации, ритмов). У акад. В. В. Виноградова есть замечания о том, что слова любого языка и в любом употреблении обладают экспрессией, или стилистическим ореолом; эмоциональность и экспрессивность слова дают оценку действительности, характеризуют субъект речи и т. д. Слово не только понимается, но и переживается. Это относится и к так называемому «нейтральному стилю»[5].

Чем объясняется эта особенность живого слова? Создавая слова, человек не только называл предметы или явления, не только обобщал в слове свои познания объективной действительности, не только мыслил,— но и связывал этот процесс с определенным чувством. В этом отношении ин-

---

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 36.

[3] В этой связи интересно наблюдение, сделанное еще Аристотелем: «...следует заботиться о стиле не как о чем-то, заключающем в себе истину, а как о чем-то неизбежном». (См. сб. «Античные теории языка и стиля», под общ. ред. О. М. Фрейденберг, М.—Л., Соцэкгиз, 1936, стр. 176.)

[4] С. П. Обнорский, Культура русского языка, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 6.

[5] См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 18 и 19.

тересно высказывание К. Д. Ушинского: «В языке своем народ в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма есть результат мысли и чувства человека»[6].

Если признать, что каждое слово и предложение в речи выполняют определенную стилистическую функцию, то станет ясным, что искусственное деление всех языковых средств на «выразительные» и «невыразительные» является неправомерным, что «невыразительных» средств в языке практически не существует и что, следовательно, все лексико-фразеологические, как и все грамматические средства языка участвуют в создании языкового стиля.

Значит, языковой стиль — это способ и в то же время результат отбора всех средств общенародного языка в данной сфере общения[7]. Чем же создается специфика данного языкового стиля, например, официально-делового, разговорно-бытового общения, научной литературы и т. д.? Она создается целенаправленным отбором языковых средств, определяемым объективными факторами общения, о которых уже говорилось выше. Что это именно так, показывает простой пример сравнения языковых стилей научной и научно-популярной литературы, где сфера общения — одна, но цели и аудитория (предполагаемая) — разные, потому и стили языка будут различны.

Конечно, нельзя отрицать того, что так называемые «изобразительные» и «выразительные» средства языка играют особую роль в создании стиля речи. Может быть, их следует назвать «специально стилистическими средствами». Они употребляются в разных стилях речи; например, эпитеты, сравнения, метафоры могут использоваться не только в художественной, но и в публицистической или в научно-популярной литературе. Преобладание тех или иных специально стилистических средств играет существенную роль в создании данного языкового стиля.

Так обстоит дело с вопросом о сущности стиля языка. Специфическая функция его, как уже ясно из сказанного, заключается в том, что данный языковой стиль помогает наиболее действенно, эффективно осуществить цели человеческого общения средствами языка. Это положение подводит нас к вопросу о взаимоотношениях языкового стиля и языка.

Поскольку практически каждое слово в речи, любое высказывание имеет стилистическую окраску, постольку нет речи без стиля, вне стиля; поэтому язык и стиль языка неотделимы друг от друга. Как нет стиля без языка, так нет и языка без стиля. В этом состоит первый и важнейший вывод.

Языковой стиль возникает и изменяется на основе развития общенародного языка. Творцом и носителем языковых стилей, как и самого

---

[6] Цитируется по кн.: В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., ГИХЛ, 1945, стр. 3—4.

[7] В этой связи следует отметить противоречие в определении предмета стилистики, данном проф. А. Н. Гвоздевым. Правильно отмечая, что «стилистика рассматривает целесообразность использования имеющихся в языке, соответствующих его нормам средств для тех задач, которые стоят перед участниками общения», автор вслед за этим заявляет: «Таким образом, стилистика анализирует выразительные средства языка (разрядка наша.— *Л. К.*), она производит их оценку с точки зрения их большей или меньшей пригодности для выражаемого содержания» (А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, стр. 8 и 9).

языка, является народ. Поэтому, чтобы понять законы развития языкового стиля, его надо изучать в неразрывной связи с историей развития данного языка и с историей общества, народа, которому принадлежит изучаемый язык.

Язык, учит товарищ Сталин, «...создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества... служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать всё общество, все классы общества»[8].

То же, в принципе, надо сказать и о языковом стиле. Правда, в нем находят известное отражение мировоззрение, классовое положение говорящего или пишущего. Нужно помнить, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения»[9]. Оставляя в стороне вопрос о классовых жаргонах, не имеющий отношения к вопросу о стилях общенародного языка, следует сказать, что в стиле языка, через него ярко проявляется отношение классов к языку.

Но отсюда вовсе не следует, что сам языковой стиль является понятием классовым. Ведь языковой стиль, как уже указывалось выше, есть способ и результат отбора в с е х средств общенародного национального языка в данной сфере общения, средства же эти едины; языковой стиль принадлежит языку как средству общения широких народных масс, является неотъемлемой, «внутренней» принадлежностью языка. Как и сам язык, языковой стиль — явление общественно-историческое, н е к л а с с о в о е и н е н а д с т р о е ч н о е.

В связи с непрерывным ростом промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, техники, науки, культуры происходит почти непрерывное изменение словарного состава языка, совершенствуется его грамматический строй; язык постоянно развивается, обогащается, шлифуется. В непосредственной зависимости от этого процесса происходят изменения в стилистической системе языка. Акад. В. В. Виноградов отмечает, в частности, что «изменения в смысловой структуре слова почти всегда отражаются и на его стилистическом употреблении. Новые значения или оттенки значений вводят слово... в новые стилистические контексты. Завязываются новые стилистические связи слова. Его стилистические функции или расширяются или решительно преобразуются»[10].

Система языковых стилей обогащается за счет все большей дифференциации и развития стилей. Богатство и разносторонность языка определяют и развитость системы языковых стилей. Значит, разносторонность и богатство этой системы также являются показателями богатства и развитости данного национального языка.

Все это, однако, не значит, что понятия языка и языкового стиля тождественны. «Язык,— указывает И. В. Сталин,— есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»[11]. Язык — важнейшее средство человеческого общения. А стиль языка — это способ наиболее целесообразного и эффективного применения средств самого языка, способ определенного оформления высказываемой мысли средствами языка. Таким образом, по сравнению с самим языком языковой стиль — явление как бы вторич-

---

[8] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7—8.
[9] Там же, стр. 13.
[10] В. В. В и н о г р а д о в, Великий русский язык, стр. 146—147.
[11] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

ного порядка. Если использовать данное товарищем Сталиным образное сравнение языка со зданием, то языковой стиль можно назвать архитектурой здания, его внешним оформлением. Однако языковой стиль непосредственно связан с содержанием, целями и условиями человеческого общения, определяется ими.

В этом — главное отличие языка от языкового стиля. Но есть и другое существенное отличие, которое обнаруживается при анализе взаимоотношений языка не со всей системой его стилей в целом, а с отдельным языковым стилем. В то время как общенародный национальный язык и его средства едины, сфера действия языка почти безгранична и он является средством общения во всех областях деятельности человека, —система стилей языка распадается на отдельные, конкретные языковые стили, и каждый из них «обслуживает» лишь одну определенную сферу общения (мы не касаемся здесь вопроса о взаимодействии различных стилей языка в речевой практике, которое особенно видно на примере стиля языка художественной литературы). Следовательно, язык и языковой стиль — понятия разные, их нельзя смешивать.

Помимо объективных факторов, определяющих выбор и использование языкового стиля в каждом конкретном случае, существует еще фактор субъективный. Речь идет о так называемом «индивидуальном стиле». Прежде всего надо и здесь уточнить терминологию. Есть индивидуальный литературно-художественный стиль писателя. Есть индивидуальный стиль языка писателя, оратора, журналиста, дипломата и т. д. Это — различные понятия. Индивидуальный литературно-художественный стиль писателя — понятие значительно более широкое и многогранное, предполагающее все особенности творческого метода данного писателя, включающее языковой стиль автора только как один из составных элементов; это понятие относится только к сфере художественной литературы. Индивидуальный стиль языка обнаруживается лишь в индивидуальных особенностях использования автором средств общенародного языка; но он выявляется во всех сферах человеческого общения: строго говоря, у каждого говорящего или пишущего — свой стиль языка (хотя в художественной литературе индивидуальный стиль языка имеет особое значение).

Отсюда ясно, что прямым объектом стилистики является не литературно-художественный стиль писателя, а индивидуальный языковой стиль. Последний возникает в силу того, что отбор языковых средств всегда в какой-то мере субъективен. Важно, однако, подчеркнуть, что этот фактор не является главным, решающим, ибо субъективное здесь подчиняется объективному: если говорящий или пишущий хочет достичь цели своего высказывания, он не может не считаться с определенными, реально существующими закономерностями использования стилей языка; особенности индивидуального применения им языковых средств не могут без ущерба для достижения цели высказывания выйти за пределы этих закономерностей. Таким образом, индивидуальный языковой стиль является по отношению к стилям языка фактором подчиненного значения.

Наконец, очень коротко — о понятии «стиль художественной литературы». Это понятие несравненно более обширное и сложное, чем все разбиравшиеся до сих пор, ибо предполагает обычно литературное направление, течение, школу или метод (от классицизма до социалистического реализма) и потому относится не к языкознанию, а к литературоведению. Понятно, что стиль художественной литературы нельзя смешивать со стилем языка художественной литературы, что первое понятие к области исследований стилистики по существу не относится, второе же непосредственно подлежит изучению стилистикой.

Из всего сказанного можно сделать следующие общие выводы. Стилистика как языковедческая дисциплина должна изучать сущность и специфику языкового стиля, систему существующих стилей данного общенародного языка, ее изменение и развитие, ее применение во всех сферах человеческого общения, наконец, сущность и особенности индивидуального языкового стиля. Цель преподавания стилистики должна заключаться в том, чтобы научить пользоваться всем арсеналом языковых средств для наиболее точного и эффективного выражения мыслей и достижения целей человеческого общения в любой сфере, при любых условиях.

Это явится одной из существенных предпосылок нормализации литературного языка, т. е. изучения, фиксирования и максимального распространения вырабатываемых в практике речевого общения норм лексических, грамматических, произносительных и стилистических. Нормализация же литературных языков народов СССР, особенно русского литературного языка, являющегося средством общения широчайших масс советского народа, — это непременное условие разрешения важной общественно-политической проблемы повышения культуры речи наших советских людей. В этом огромное практическое значение стилистики.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья И. П. Мучника печатается редакцией в порядке обсуждения вопроса о характере курса «Введение в языкознание».

И. П. МУЧНИК

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Составление новых программ по языковедческим курсам представляет собой только начало той коренной перестройки, которой должна быть подвергнута вся система преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Поэтому преподаватели вузов с большим удовлетворением встретили организацию на страницах журнала «Вопросы языкознания» широкого обсуждения всей совокупности вопросов, связанных с постановкой курса «Введение в языкознание»,— курса, являющегося основополагающим во всей языковедческой работе в высшей школе.

Первостепенное значение имеет, разумеется, вопрос о программе, поскольку она определяет содержание и последовательность всей работы по курсу.

В статье А. А. Реформатского[1] многочисленными и, на мой взгляд, вполне убедительными доводами доказано, что построение программы курса «Введение в языкознание» для университетов и педагогических институтов нуждается в коренном изменении. Считая подобное изменение насущной и неотложной задачей, разрешение которой совершенно необходимо для того, чтобы увеличить результативность изучения студентами курса, остановлюсь, в дополнение к аргументации А. А. Реформатского, еще на одном моменте.

Разбираемая программа получила свое раскрытие в вышедшем в свет учебном пособии А. С. Чикобава «Введение в языкознание», и надо прямо сказать, что недостатки построения программы, когда они отражены в книге, выступают особенно наглядно. В самом деле, можно ли считать рациональной такую последовательность развертывания материала в учебнике, при которой на стр. 62 говорится о том, что севернорусское наречие отличается от южнорусского «сохранением взрывного *г*», и только на стр. 154 указывается, что представляет собой взрывной звук и чем он отличается от фрикативного. Или же: на стр. 81 говорится, что под «внутренними законами развития языка понимается все многообразие ф о р-

[1] См. А. А. Реформатский, Курс «Введение в языкознание» на филологических фак-тах ун-тов и на литературных фак-тах пед. ин-тов, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 59—69.

мул изменений словарного состава и грамматического строя, звукового состава и звуковых процессов, значений слов и выражений,— изменений, несводимых к изменениям в базисе», а подробное толкование того, что такое слово, как изменяется слово и словарный состав в целом, что такое грамматическая форма, грамматический строй, что такое звук языка и фонетический процесс,— все это определяется значительно далее, через ряд глав и страниц. Каким содержанием наполняется в таких условиях в сознании студента пространное определение столь важного понятия, как понятие о внутренних законах развития языка? Ведь у студента еще нет знаний, необходимых для восприятия данного определения.

*

Основным условием для улучшения преподавания курса «Введение в языкознание» является расширение языковой базы. Совершенно недопустимым надо считать ограничение этой базы материалом одного языка, что, к сожалению, нередко имеет место на практике. Для того чтобы вникнуть в сущность языковых фактов, чтобы глубоко понять самобытность родного языка, его особенности, надо изучать его в сравнении с другими языками.

Акад. Ф. Ф. Фортунатов указывал: «...для успешности изучения грамматики родного языка... необходимо знакомство учащихся с грамматикой другого языка, так как, во-первых, только при этом условии ученики получают способность правильно относиться к грамматическим формам своего языка, не принимать те или другие грамматические формы и образуемые ими грамматические классы слов в родном языке за естественную принадлежность языка вообще в его отношении к мышлению, и так как, во-вторых, сопоставление грамматических явлений родного языка со сходными в известном отношении, но представляющими вместе с тем также и существенные отличия, фактами иностранного языка... дает преподавателю незаменимое средство разъяснять учащимся грамматические явления родного языка»[2].

Все это относится, конечно, не только к грамматике, но и к лексике, и к фонетике. Так, понимание сложности смысловой структуры многозначного слова русского языка будет существенно углублено, если подробный разбор всех значений данного слова будет дополнен сравнительным разбором семантической структуры соответственного слова какого-либо другого языка. Например: даваемый вслед за обстоятельным изучением словарной статьи *падать* из «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова разбор словарной статьи *fallen* и проведение сравнительного анализа этих двух словарных статей углубляет понимание словарных фактов и повышает интерес студента к ним.

В еще большей мере это относится к сравнительному анализу тех или иных рядов синонимов и антонимов двух разных языков. Студенты также охотно вникают в сравнение звукового состава разных языков, особенностей артикуляционной базы, системы фонем и их разновидностей. Живой интерес вызывает сопоставление сложной гаммы значений падежных форм русских существительных с соответствующими предложными конструкциями, скажем, французского языка или же разнообразных значений и их оттенков видовых форм русского глагола с системой форм времени английского, французского или немецкого глагола.

Совершенно очевидно, что осуществление подобных видов работы в большой мере повышает образовательное значение курса «Введение

[2] Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, «Русский филологический вестник», Варшава, 1905, № 1—2, стр. 59.

в языкознание». Не подлежит вместе с тем сомнению, что такой характер преподавания его предполагает основательную языковедческую подготовку студента, только что покинувшего школьную скамью. Обеспечивает ли средняя школа усвоение учащимися знаний, нужных для серьезного изучения лингвистических дисциплин в вузе? Этого вопроса нельзя не коснуться при обсуждении содержания, структуры и методики преподавания первого в вузе теоретического курса, непосредственно надстраивающегося над фундаментом полученных в школе знаний.

Конечно, в настоящее время нет той зияющей пропасти между средней и высшей школой, которая существовала в дореволюционное время. Акад. Ф. Ф. Фортунатов так оценивал результаты работы средней школы с точки зрения задач, стоящих перед высшими учебными заведениями: «Я на основании того опыта, который имел в качестве университетского преподавателя языковедения, пришел к таким заключениям по занимающему нас вопросу: 1) изучение грамматики русского языка в средней школе дает для образования учащихся значительно менее того, что оно должно было бы давать...; 2) изучение грамматики родного языка в средней школе дает в настоящее время очень нежелательные результаты, в том отношении, что вносит в умы учащихся путаницу понятий о явлениях, фактах языка вообще и нередко вызывает, поэтому, отвращение к теоретическому курсу языка»[3].

Еще более резкую критику преподавания русского языка в средней школе дал проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ: «К сожалению, благодаря своеобразному усердию средних школ, головы их признанных „зрелыми“ воспитанников засорены по части языковедения таким якобы научным хламом, что прежде, чем вводить в эти головы „здравую научную пищу“, приходится первым долгом произвести их основательную очистку и дезинфекцию от всего этого сора, накопившегося в них в течение восьмилетнего школьного обучения»[4].

Конечно, подобная критика не может быть направлена в адрес современной школы. В настоящее время школа стремится реализовать принцип научности в преподавании русского языка. Значительные группы учителей добились также немалых успехов в использовании различных эффективных методов и приемов обучения языку. Но вместе с тем надо со всей решительностью сказать, что и сейчас чрезвычайно актуальна задача существенного улучшения преподавания языка в средней школе. Нередко недостаточные знания русского и иностранного языков, обнаруживаемые у первокурсников, объясняются тем, что во многих школах еще практикуются приемы работы, основанные на механическом заучивании тех или иных правил, без углубленного выяснения их сущности, без проведения необходимых наблюдений над живыми фактами языка. Это приводит к тому, что в ряде случаев учащиеся относятся без всякого интереса к занятиям по языку. В школах, как правило, отсутствуют языковедческие кружки. В изучении родного и иностранного языков нет никакой координации. А ведь путем такой координации можно добиться многого.

Необходимость существенного повышения языковых знаний, языковой культуры учащихся диктуется общими задачами школы по воспитанию широко образованных, всесторонне развитых строителей коммунистического общества. Но, наряду с общими задачами повышения языковой культуры, перед средней школой встают и некоторые специальные задачи, связанные с необходимостью должной подготовки будущих студентов лингвистических вузов. Ликвидация вредных последствий так называемого

[3] Ф. Ф. Фортунатов, указ. соч., стр. 50.

[4] И. А. Бодуэн де Куртенэ, Лекции по введению в языковедение, Пг., 1917, стр. 5.

«нового учения» о языке, оздоровление всей лингвистической работы в вузах и, в частности, восстановление в правах сравнительно-исторического метода изучения языков,— все это требует солидной языковедческой подготовки лиц, поступающих на факультеты языка и литературы.

С этой точки зрения надо считать весьма целесообразным введение в некоторых школах латинского языка, знание которого, безусловно, поможет студенту при ознакомлении со сравнительно-историческим методом. Для этой же цели весьма желательна организация в средней школе факультативного изучения—в кружках по языку—какого-либо славянского языка. Это представляется вполне осуществимым: ведь изучать славянский язык владеющему русским языком сравнительно легко. Между тем, какое это имеет большое значение для будущего студента-русиста! Нет сомнения, что разрешение указанных задач связано со многими трудностями, главным образом из-за отсутствия кадров преподавателей,и требуются значительные усилия для преодоления этих трудностей. Такие усилия, однако, совершенно необходимы для подготовки кадров хороших преподавателей языка и литературы в средней школе, а особенно — для подготовки кадров научных работников-языковедов. Подготовка кандидатов и докторов языковедческих наук должна начинаться в средней школе. Аспирантура и докторантура не могут восполнить того, что было в свое время упущено. Задача подготовки высококвалифицированных кадров языковедов требует серьезного и углубленного обсуждения. В нем должны принять активное участие работники как высшей, так и средней школы.

*

Очень важным фактором, определяющим усвоение студентами курса «Введение в языкознание», является методика изложения отдельных тем. Ознакомление с опытом работы некоторых пединститутов показывает, что нередко раскрытие той или иной темы сводится в основном к пересказу точек зрения разных авторов по данному вопросу. Например, при освещении темы «Части речи» бо́льшее количество времени уходит на характеристику высказываний представителей «логистического», «психологического», «морфологического»направлений и только в конце довольно схематично, иногда, к сожалению, и не совсем вразумительно, говорится о самом существе явления.

Такую постановку дела надо считать непригодной, так как вместо познания самого явления студенты узнают только те или иные точки зрения на него. Конечно, с историей изучения языковых фактов знакомить студентов нужно, но на первом курсе подобные справки должны вводиться в минимальном количестве, и никак нельзя допускать, чтобы они делались за счет выяснения сущности языковых явлений. Думаю, что одной из предпосылок к неправильному распределению и изложению материала, входящего в ту или иную тему, являются соответственные разделы программы. Вот как выглядят пункты программы, относящиеся к частям речи и предложению:

«19. Морфологическая классификация слов и части речи. Члены предложения и части речи. Принципы классификации слов по частям речи в филологической грамматике (Дионисий Фракийский) и научной грамматике: семасиологический, морфологический, смешанный».

«22. Сложное предложение. Сочинение (паратаксис) и подчинение (гипотаксис) как способы сочетания предложений.

Логицистическое, психологическое и морфологическое толкование понятий — предложение, подлежащее, сказуемое».

Особо надо остановиться в данной связи на вопросе о месте, которое должна занимать в курсе «Введение в языкознание» критика так называемого «нового учения» о языке. Следует иметь в виду, что в задачи курса вовсе не входит ознакомление студентов с положениями порочной теории акад. Н. Я. Марра, больше того — и критика этой теории отнюдь не является в данном курсе самостоятельной целью. Эту критику надо давать только постольку, поскольку это необходимо для обстоятельного и отчетливого раскрытия положений сталинского учения о языке. Если преподаватели не соблюдают нужной меры, то излишняя «критика» теории Н. Я. Марра превращается в ее популяризацию.

К сожалению, приходится отметить, что как программа, так и учебное пособие проф. А. С. Чикобава далеко не всегда четко ориентирует преподавателя в этом отношении. Укажу хотя бы на следующее: из 15 строк текста программы, посвященных теме происхождения языка, 6 строк, т. е. 40% текста, касаются «учения» Н. Я. Марра о происхождении языка.

*

Практические занятия представляют собой необходимую и очень важную составную часть учебной работы по курсу «Введение в языкознание». Значительное увеличение количества часов (до 34) для практических занятий по курсу, введенное вместе с новыми программами, безусловно, способствует повышению качества учебного процесса. Значение практических занятий для усвоения ряда разделов курса особенно велико. Так, например, изучение артикуляции отдельных звуков, упражнения по наблюдению над своим и чужим произношением, всевозможные формы работы над словарями, разнообразные упражнения по сравнению грамматических категорий и средств их выражения в различных языках — все это осуществимо главным образом в процессе практических занятий. Между тем у нас нет нужной ясности, нет вовсе какой бы то ни было договоренности по всему комплексу вопросов, относящихся к практическим занятиям, в первую очередь относительно содержания и методов ведения этих занятий.

В программе не очерчен четко круг вопросов, которые должны составлять содержание практических занятий. Кстати говоря, в одном из выпусков программы для университетов был весьма схематичный перечень этих вопросов, в других выпусках той же программы для университетов и для пединститутов и этого перечня нет. На практике наблюдается в данной области недопустимый разнобой. Каждый преподаватель по своему усмотрению отбирает материал для практических занятий. Разумеется, если у преподавателя нет большого опыта работы, этот выбор может быть неудачным. Иногда практические занятия сводятся к простому опросу студентов по изложенному на лекциях материалу, что, конечно, сильно снижает продуктивность занятий. Необходимо упорядочить этот участок работы. Прежде всего требуется, чтобы в программе было четко указано, какой именно материал должен быть предметом изучения на практических занятиях. При программе должна иметься объяснительная записка, в которой определяются задачи и методы ведения практических занятий. Считаю необходимым издание отдельного учебного пособия, типа сборника упражнений, для практических занятий по курсу «Введение в языкознание». Такое пособие принесет большую пользу всем преподавателям, ведущим практические занятия, особенно же молодым, которые, естественно, чаще всего этим делом занимаются и из-за отсутствия сборника упражнений испытывают много затруднений.

*

В заочном преподавании курса «Введение в языкознание» требуется прежде всего резкое изменение учебного плана. В системе очного обучения после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию был существенно изменен учебный план всех лингвистических дисциплин, и, в частности, количество часов, уделяемых курсу «Введение в языкознание», значительно увеличено. В планах же заочных отделений никаких изменений не произошло. Установленные учебным планом 1948 г. для курса «Введение в языкознание» 40 часов (30 лекционных и 10 практических) сохранились не только в 1950—1952 годах, но, что особенно непонятно,— и в конце 1952 г., когда был введен новый учебный план всего заочного педагогического образования. Это, конечно, совершенно недопустимо. Значение курса «Введение в языкознание» столь же велико в заочных вузах, как и в стационарах, и поэтому количество часов и здесь необходимо повысить приблизительно на 15—20 часов (8 лекционных и 8 практических). На заочных отделениях курс «Введение в языкознание» изучается в течение только одного семестра. Это приводит к отрицательным последствиям. Нужно и на заочном отделении, как и на стационаре, изучать курс в продолжение двух семестров.

Отдельно следует остановиться на необходимости издания специального учебного пособия по курсу «Введение в языкознание» для заочников. Учебное пособие для них должно создаваться с учетом всей специфики заочного изучения предмета. Учебное пособие для лиц, самостоятельно изучающих предмет, конечно, очень многим должно отличаться от учебника, предназначаемого для студентов, слушающих систематический курс лекций и находящихся в постоянном живом контакте с преподавателями-специалистами. Газета «Правда» дважды в 1952 г. печатала материалы, в которых говорилось о необходимости издавать специальные пособия для заочников. Однако никаких конкретных мер для реализации этого до сих пор не принято. Министерствам и Учпедгизу надо серьезно заняться удовлетворением этих насущных нужд ныне весьма многочисленных контингентов заочников.

*

Новым, очень сложным, требующим серьезного изучения, является вопрос о взаимоотношениях между курсом «Введение в языкознание» и недавно включенным в учебный план филологических факультетов курсом «Общее языкознание». Введение курса «Общее языкознание» сыграет большую роль в поднятии уровня лингвистического образования в высшей школе. Этот курс дает студентам возможность глубоко продумать и осмыслить важнейшие проблемы науки о языке, опираясь на всю совокупность знаний, приобретенных в процессе изучения других лингвистических дисциплин, а также таких дисциплин, как основы марксизма-ленинизма, диалектический материализм, политэкономия и исторический материализм, имеющих методологическое значение.

Курс «Общее языкознание» нецелесообразно рассматривать как спецкурс, так как последний носит обычно факультативный характер, а изучение курса «Общее языкознание» должно быть обязательным для всех оканчивающих филологические факультеты. Разумеется, курс «Общее языкознание» только тогда будет полностью отвечать своему назначению, когда он станет органической частью всей системы языковедческого образования. В первую очередь обстоятельно должны быть продуманы взаимные связи и соотношения курсов «Введение в языкознание» и «Общее языкознание». Необходим углубленный пересмотр программ данных курсов именно под этим углом зрения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В 1952 ГОДУ

(По страницам китайских языковедческих журналов)

1

Выход в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» показал передовым китайским ученым-языковедам насущную необходимость кардинальной перестройки всего китайского языкознания. И если 1951 год был годом первых шагов такой перестройки, то 1952 год явился в этом отношении переломным. Теоретическое перевооружение языкознания проводилось в этом году в Китае как неотъемлемая составная часть возглавляемого Коммунистической партией Китая всенародного движения по идеологическому перевоспитанию, развернувшегося к 1952 г. во всех областях жизни и деятельности страны.

Передовые лингвисты Китая вплотную взялись за работу по овладению марксистско-ленинской теорией. Гениальные труды И. В. Сталина, философские работы тов. Мао Цзэ-дуна подверглись всестороннему изучению, вследствие чего идейно-теоретический уровень исследований китайских языковедов заметно вырос. Самого пристального внимания заслуживают труды т. т. Ло Чан-пэя и Цао Бо-ханя, Линь Хань-да и Люй Шу-сяна, Шао Жун-фэня и Чжу Чжи-сяна и многих других.

Под благотворным влиянием теории марксизма-ленинизма новое китайское языкознание в настоящее время вступает в период подъема, становится в Китае одной из передовых наук. Его характеризуют принципиальность и целеустремленность, связь с практикой, ориентированность на действительные жизненные нужды народных масс, бережность по отношению к национальным формам, боевой дух. Таким противостоит оно теперь старому языкознанию гоминдановского периода, оторванному от народа, отличавшемуся космополитизмом и преклонением перед Западом, академизмом и беспринципностью. Партийность и научная страстность — черты нового китайского языкознания.

В статье, посвященной двухлетию со дня выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, тов. Ло Чан-пэй подвергает сокрушительной критике установку старого Института истории и языка Китайской Академии на восприятие «материальной цивилизации Европы и Америки», на то, чтобы в гуманитарных науках перенимать «здоровый» дух Запада. По этой установке история и язык отдавались на откуп «десятку ученых», которые «согласились бы потратить свою жизнь на эти бездоходные (!) вещи»,— чего было бы, мол, достаточно, чтобы «показать уважение государства к этим наукам»[1]. Всему этому реакционному бреду теперь противопоставлен курс нового языкознания, курс нового Института языка Академии наук Китайской Народной Республики. Это — курс на реальные вопросы жизни народа, на массовое изучение лексики, грамматики и стилистики родного языка и реформы его письменности, на глубокое изучение языков национальных меньшинств.

Выступая против общего направления старого китайского языкознания, передовые лингвисты Китая перешли к развенчанию западной буржуазной синологии и разоблачению ее империалистической сущности. Так, например, тов. Чжу Чжи-сян[2] в одной из своих статей с позиций сталинского языкознания громит буржуазную «теорию» об особой прогрессивности аналитических языков Запада и об «особой отста-

---

[1] Ло Чан-пэй, Изучение языка должно быть связано с действительностью и должно быть всесторонним, журн. «Чжунго юйвэнь», Пекин, 1952, июль, стр.7—8. Слова, взятые в кавычки, — выдержки из программного документа старого Института истории и языка Академии наук гоминдановского периода.

[2] Чжу Чжи-сян, О некоторых вопросах характеристики китайского языка, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, ноябрь, стр. 13—15.

лости китайского языка», а также и подправленный вариант этой теории (Карлгрен — Есперсен), по которому китайский язык характеризуется будто бы еще большим развитием аналитического строя, чем английский: автор справедливо указывает, что в этой теории «за посахаренной оболочкой скрывается яд теории об односложности китайского языка, яд отрицания в нем всякой грамматики».

Тов. Цао Бо-хань в полемике со сторонниками сохранения в будущем новом письме элементов идеографии прямо указывает, что эти лингвисты «отравлены ядом заграничного, буржуазного языкознания и рассматривают китайский язык как диффузный, чисто аморфный, изолирующий язык»[3].

Если в 1951 г. сталинское учение о языке позволило китайским языковедам в принципе решить вопрос о национальном китайском языке, то в 1952 г. наибольшие успехи нового китайского языкознания достигнуты, несомненно, в области теории о китайском слове. Передовые лингвисты Китая, раскрыв диалектический характер процессов словообразования и взаимоотношение словослияния с выделением словообразующих корневых морфем, пришли к четкому выводу, что китайский язык не является ни аморфным, ни изолирующим[4]. На эту тему китайские ученые дали ряд статей, имеющих несомненное теоретическое значение[5]. Конечно, полного единства мнений в этих сложнейших вопросах еще нет[6], однако никто не подвергает сомнению практических выводов: необходимости слитного написания китайских слов после перехода на фонетическое письмо.

Коренная перестройка языкознания в Китае, конечно, идет и будет идти на базе тесной и прочной связи с передовой советской наукой. Вопросу укрепления этой связи посвящались отдельные статьи китайских лингвистов[7], на необходимость такой связи указывают многие авторы в статьях по самым разнообразным вопросам. В 1952 г. на страницах журнала «Чжунго юйвэнь» нашли место анализ материалов лингвистической дискуссии в «Правде» за 1950 г., а также обзор работ советских языковедов за первую половину 1952 г.[8] Тяга к советской науке выразилась и в том, что в китайских языковедческих журналах 1952 г. регулярно появлялись переводы статей советских лингвистов (В. В. Виноградова, Б. А. Серебренникова, Н. И. Конрада, Т. С. Шарадзенидзе), педагогов (К. А. Славиной) и др. Наконец, на страницах китайских журналов постоянно разбирались с точки зрения композиции, стиля и языка и произведения советских писателей (Н. Островского, И. Эренбурга и др.). Подобный материал можно найти едва ли не в каждом номере журнала «Юйвэнь сюэси». Так отразили в 1952 г. в своих работах лингвисты Китая крепнущую из года в год нерушимую дружбу обоих великих народов.

2

«Первый шаг заключается не в том, чтобы наводить новые узоры на парчу, а в том, чтобы послать угля во время зимы»[9], — сказал тов. Мао Цзэ-дун еще в 1942 г., призывая работников литературы и искусства приблизить свои труды к насущным потребностям народных масс. Эти слова вождя китайского народа являются лозунгом, определяющим всю деятельность молодого китайского языкознания. В первом же номере журнала «Чжунго юйвэнь» директор Института языка Академии наук тов. Ло Чан-пэй, призывая языковедов изучать труды И. В. Сталина по языкознанию, указал практические задачи, стоящие перед институтом: изучение основного словарного фонда и грамматического строя современного китайского языка, обследование и изучение языка и письма национальных меньшинств, изучение вопросов реформы китайского

---

[3] Цао Бо-хань, Полуфонетическое или фонетическое письмо?, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 12.

[4] См. специально посвященный этому вопросу ноябрьский номер журнала «Чжунго юйвэнь» за 1952 г.

[5] Важнейшие из них: Линь Хань-да, Является ли китайский язык односложным?, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, ноябрь стр. 6—10; Цао Бо-хань, Необходимо разрешить противоречие между иероглифом и словом, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, август, стр. 14, и упомянутые выше статьи Чжу Чжи-сяна и Цао Бо-ханя.

[6] См., например, статью Чжан Цзянь-му в ноябрьском номере того же журнала.

[7] Например, следующие статьи: Ло Чан-пэй, Работники языкового фронта должны усиленно изучать передовое советское языкознание [передовая], журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, ноябрь, стр. 3—4; Ван Цзюнь, Переймем передовой опыт СССР в изучении языков национальных меньшинств, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 4, и др.

[8] Ло Чан-пэй, Лингвистическая дискуссия 1950 года в СССР, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 35—37; Юй Е-му, Состояние советского языкознания за последнее время, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, ноябрь, стр. 35.

[9] Мао Цзэ-дун, Избр. произвед., Харбин, 1948, стр. 982 [на китайск. яз.].

письма[10]. Работа над этими вопросами означала помощь широким народным массам в овладении грамотой, помощь национальным меньшинствам в деле развертывания их самобытной культуры.

Победа народно-демократической революции в Китае выдвинула из толщи народных масс агитаторов-пропагандистов, литераторов и корреспондентов, еще вчера бывших неграмотными. Помощь этому молодому активу в деле овладения грамматикой и стилистикой языка была необходима, оказать ее должны были китайские языковеды. Как мы отмечали[11], еще в 1951 г. центральный орган Коммунистической партии Китая газета «Жэньминьжибао» начала широкую кампанию по повышению грамотности и на целых полгода предоставила свои полосы для публикации лекций профессоров Люй Шу-сяна и Чжу Дэ-си по грамматике и стилистике. В 1952 г. эта работа была продолжена в следующих направлениях:

Во-первых, Институт языка Академии наук Китайской Народной Республики регулярно публиковал в каждом номере журнала «Чжунго юйвэнь» систематический курс грамматики китайского языка, разработанный в стенах института. К концу года опубликованы следующие разделы: «Введение», «Части речи», «Основные члены предложения», «Типы простого предложения», «Обстоятельства времени и места», «Послелоги». Разработки эти, может быть, не всегда бесспорны (например, в отношении четкого выделения морфологии и отдельных грамматических категорий), тем не менее их большое положительное значение для дела повышения всеобщей грамотности не вызывает сомнения.

Во-вторых, на страницах журнала «Юйвэнь сюеси» из номера в номер регулярно публиковались методические разработки к прошлогоднему курсу, печатавшемуся в газете «Жэньминьжибао». Разработки эти были тематическими, соответствующими подзаголовкам этого курса. Состояли они из подробного разбора типических грамматических ошибок и стилистических погрешностей, допущенных в предложениях, взятых из языка текущей прессы. Авторами методических разработок явились т.т. Люй Шу-сян и Чжу Дэ-си, т. е. сами авторы публиковавшегося в 1951 г. курса лекций. Эти разработки также принесли большую пользу в деле популяризации знаний по грамматике и стилистике.

В-третьих, журнал «Юйвэнь сюеси» систематически публиковал небольшие статьи по частным грамматическим вопросам, уделяя основное внимание тем из них, которые чаще всего представляют собой камень преткновения для молодого литературного работника. Таковы: структура предложения и порядок его разбора, отдельные грамматические конструкции, знаки препинания.

Вывод из изложенного может быть только один: языковеды Китая вели в 1952 г. большую работу, помогая молодым авторам повысить свою грамотность, усовершенствовать свой литературный язык, улучшить свой стиль.

3

1952 год был годом широкого развертывания в Китае движения по ликвидации неграмотности. Движение это, зародившееся первоначально в рядах Народно-освободительной армии, постепенно охватывает всю страну. Опыт работы по ликбезу в Китае показал, что при правильном методе обучения иероглифическое письмо отнюдь не представляет собой неодолимой трудности для широких масс бойцов, рабочих и крестьян. Такой метод («ускоренное обучение грамоте») был разработан тов. Ци Цзянь-хуа — вчера безвестным учителем, ныне ставшим одним из самых популярных людей в Китае. Сущность этого метода может быть выражена в следующих положениях: 1) политическая мобилизация обучающихся на борьбу с неграмотностью[12]; 2) изучение иероглифов не должно быть оторвано от устной речи; оно должно быть связано с реальной жизнью учащихся; 3) на первых порах необходимо широко использовать китайскую азбуку «чжуинь цзыму»[13] в качестве «посошка» для обучения иероглифам: это облегчает запоминание графики и особенно чтение иероглифа, соответствуя

[10] См. Ло Чан-пэй, Изучение языка должно быть тесно связано с действительностью и должно обладать полнотою охвата, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 7—8.

[11] См. обзор «Китайская Народная Республика», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 117.

[12] Характерна присказка, взятая из учебных материалов ликбеза: «Учиться надо ударно. Пусть классная комната станет полем сражения... Штурмовать незнакомые иероглифы — совсем как бить американских империалистов: чем больше их истребить, тем свободнее станет».

[13] Разработана в 1913 г., введена в обиход в 1918 г. Состоит из 40 знаков. Одни обозначают фонемы, другие — целые сочетания гласных и согласных фонем (на конце слога). Применялась как средство транскрипции иероглифов, а также в целях «унификации произношения».

правильному (по нормам национального языка) произношению; 4) при преподавании иероглифов применяется метод мнемонического анализа, чтение с разбором и беглое чтение с листа.

Эффективность метода ускоренного обучения грамоте оказалась очень высокой. Как указывают материалы прессы, этот метод позволяет неграмотному в короткий срок овладеть 1 $^1/_2$—2 тыс. иероглифов и перейти к чтению облегченной литературы и к несложным сочинениям.

Ученые-языковеды провели в 1952 г. большую работу в помощь движению по ликвидации неграмотности. Отдельные детали метода были подвергнуты широкому обсуждению в научной печати[14]. Институт языка провел методическую конференцию с преподавателями ликбеза во главе с тов. Ци Цзянь-хуа. Наибольшую помощь оказали ученые путем разработки иероглифического минимума для обучения грамотности. Это—одно из важнейших событий лингвистической жизни Китая в прошлом году.

Работа по составлению иероглифического минимума была проведена Комитетом по изучению реформы письма при участии крупнейших языковедов страны. Минимум разработан с исключительной тщательностью в трех списках; основной минимальный, основной увеличенный и дополнительный. Первый включает 1010 иероглифов, второй — 1500; третий дополнительно рекомендует еще 500 иероглифов. Таким образом, весь минимум составляет 2000 знаков. Первые два списка были утверждены Министерством просвещения и опубликованы в газете «Жэньминьжибао» 19 июня 1952 г.; все три списка опубликованы в журнале «Чжунго юйвэнь»[15]. Утверждение и опубликование иероглифического минимума имеет для Китая первостепенное значение: он регламентирует рамки и последовательность обучения по ликбезу. Минимум имеет большое значение и для советских специальных вузов, особенно для разработки лексических и иероглифических минимумов по курсам.

4

В течение 1952 г. наряду с работой по повышению уровня грамотности и по ликвидации неграмотности проводилась упорная работа по изучению вопросов реформы письма. 5 февраля 1952 г. началась деятельность вновь организованного Комитета по изучению реформы письма, возглавляемого проф. Ма Сюй-лунь. В своей работе комитет руководствовался следующими указаниями тов. Мао Цзэ-дуна: 1) при определенных условиях реформа письма должна быть проведена[16]; 2) реформа письма должна заключаться в переходе на фонетическое письмо; форма алфавита должна быть национальной; 3) вопрос о реформе должен быть всесторонне изучен, причем начинать надо с упрощения системы иероглифического письма[17].

Открывая работу комитета, президент Академии наук Го Мо-жо подчеркнул, что «для поднятия культурного уровня рабочих и крестьян необходимо устранить препятствие, которое представляет собой наше письмо»[18]. Свою работу комитет начал с исправления ошибок распущенного Подготовительного комитета по реформе письма, выразившихся в легкомысленном подходе к реформе (стремление начать реформу немедленно) и в пренебрежении национальными формами письма (проект алфавита на латинской основе). Ошибки эти вытекали из неверного подхода к письму как надстроечной категории, имеющей классовый характер[19].

В 1952 г. комитет выпустил специальный сборник[20], содержащий 12 статей крупнейших лингвистов Китая (Цао Бо-хань, Линь Хань-да, Ли Цзинь-си, Вэй Цзяньгун и др.); кроме того, многие лингвисты дали статьи по вопросам реформы[21]. Коми-

---

[14] См., например, статьи Линь Хань-да и Ли Цзинь-си в сентябрьском номере журнала «Чжунго юйвэнь» (за 1952 г.), статью Ван Цзюня в июльском номере и др.

[15] Июльский номер, стр. 24—25. Историю разработки минимума и подробную его характеристику см. в специальной статье Цао Бо-ханя, Чжэн Чжи-дуна и Чжан Жэнь-бяо в том же номере журнала, стр. 21—23.

[16] См. Мао Цзэ-дун, Избр. произвед., т. II, Пекин, 1952, стр. 680 [на китайск. яз.].

[17] См. Ма Сюй-лунь, Речь на открытии Комитета по реформе письма, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 4.

[18] См. Го Мо-жо, Речь на открытии Комитета по реформе письма, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 3.

[19] См. У Юй-чжан, Речь на открытии Комитета по реформе письма, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 5.

[20] Сб. «Вопросы реформы китайского письма», изд. журн. «Синьцзяньшэ», Пекин, 1952. Рец. на сборник см. в журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 42.

[21] Особенно интересны статьи: Ло Чан-пэй, Условия для реформы китайского письма с исторической точки зрения, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, август, стр. 3—4; Цао Бо-хань, Полуфонетическое или фонетическое письмо?, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 12.

тетом вынесены следующие решения: 1) реформа должна заключаться в переходе на чисто фонетическое письмо без элементов идеографии; 2) в основу национального алфавита должна быть положена существующая азбука «чжуинь цзыму»[22], надлежащим образом усовершенствованная. Пока нерешенным остается вопрос, должно ли новое письмо быть чисто звуковым (т. е. исходить из фонемы) или же следует в той или иной степени сохранить отдельные значки, комплексно обозначающие концовку китайского слога (например, *ань*, *оу*, *эн* и т. д.)[23]. Очевидно, разработка проекта нового письма будет продолжена и в 1953 г.

5

1952 г. в Китае ознаменовался новыми успехами марксистско-ленинской национальной политики. Были образованы Народное правительство автономного района национальности чжуан (в западной части пров. Гуанси) и первый автономный уезд народности мяо в провинции Гуйчжоу, а также проводилась большая работа по культурному строительству национального района И в Сичане (пров. Сычуань) и т. д. Китайские языковеды активно участвовали в этой работе, и здесь прежде всего нужно отметить их успехи в деле изучения языков национальных меньшинств, особенно в юго-западной части Китая. Во всех провинциальных центрах Юго-Запада действовали постоянные организации по изучению языков национальных меньшинств.

Так, центр в Чэнду проводил исследования в области тибетского языка и языка И (китайско-тибетская семья языков). В 1952 г. в Сичане уже появилась газета на языке И, открыто 11 национальных школ, открывается еще 20, число учащихся в них превысит 2 тыс. Китайские языковеды установили наличие в языке И четырех диалектов и вплотную взялись за разработку вопросов словарного состава и грамматического строя этого языка. К концу 1953 г. будут готовы словари, грамматика, разговорники[24].

Центр в Куньмине занимался изучением языка тай (китайско-тибетская семья языков) в долине реки Меконг. Одновременно была проведена большая работа по обследованию языков национальных меньшинств на территории провинции Юньнань. Результаты оказались поразительными: учтено 24 языка и диалекта, из которых четыре принадлежат к группе южноазиатских языков, а остальные — к китайско-тибетской семье языков. Здесь обнаружено существование 11 систем письма — начиная от пиктографии (язык наси) и кончая латиницей (язык лису)[25].

Центр в Гуйяне занимался разработкой вопросов языка и письма мяо. Выяснено, что язык мяо не сложился как язык национальности, три его диалекта (западнохунаньский, западногуйчжоуский и восточногуйчжоуский) полностью не объединены. Изучены фонетический состав языка, частично — его грамматический строй, а также система письма (азбука)[26].

Центр в Наньнине занимался изучением языка чжуан (китайско-тибетская семья языков, Цяньтайская группа). Произведено выяснение фонетического состава двух крупных его диалектов (южного и северного), изучался фонетический состав нескольких говоров. Ведется подготовительная работа к выработке систем письма для обоих диалектов[27].

В 1952 г. были обследованы также языки национальных меньшинств Дунбэйского края. Обследование показало, что 4,6% всего населения края составляют народности, говорящие на десяти самых различных языках (от корейского до монгольского и нескольких тюркских языков). Некоторые из этих народностей очень невелики, иногда составляя всего несколько сот человек (например, кыпчаки, главная масса которых истреблена во время владычества японцев в Маньчжурии). Теперь все эти народности быстро переходят к китайскому языку и живут в условиях двуязычия[28].

---

[22] См. прим. 13 на стр. 108 настоящей статьи.

[23] См. «Обзор работы Комитета по изучению реформы письма», журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 39.

[24] См. Чэнь Ши-линь, Развитие языка и письма И за два года, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 30—31.

[25] Подробнее см. Фу Мао-цзи, Языки национальных меньшинств в Юньнани и наши задачи, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 7.

[26] Подробнее см. Ван Фу-ши, О реформе письма мяо, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 12—13; Ма Сюе-лян, Работа в Кайтансяне секции Национальной академии по языку вост. мяо, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 32—33.

[27] Подробнее см. Юань Цзя-хуа, Распространение языка чжуан в Гуанси и пути выработки системы письма, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 5—6.

[28] Подробнее см. Цай Мэй-бяо и Лю Лу, Языки и письмо национальных меньшинств Дунбэйского края, журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, декабрь, стр. 9—11.

Столь тщательная работа над языками национальных меньшинств остро поставила вопрос о кадрах. Этот вопрос — очень серьезный до настоящего времени — разрешался в 1952 г. путем организации в Центральной национальной академии факультета языка. Раньше других (с лета 1951 г.) начало работу тибетское отделение. С февраля 1952 г. были организованы группы изучения следующих языков: уйгурского, мяо, И, наси, чжуан, чжун (буи) и яо. Число слушателей-китайцев, обучающихся на факультете языкам национальных меньшинств, достигло к концу 1952 г. 100 чел. Параллельно на факультете было организовано изучение китайского языка для наиболее успевающих слушателей из национальных меньшинств.

6

Функции руководства лингвистической работой в Китае в 1952 г. несли следующие организации: 1) Комитет по изучению реформы китайского письма; 2) Институт языка Академии наук Китайской Народной Республики; 3) Центральная национальная академия; 4) Комитет по руководству изучением языков и письма национальных меньшинств.

Комитет по изучению реформы китайского письма организован в декабре 1951 г. В состав его входят крупнейшие ученые-языковеды: Ма Сюй-лунь (председатель), У Юй-чжан (заместитель), Ло Чан-пэй, Линь Хань-да, Ли Цзин-си, Вэй Цзянь-гун и др. Комитет имеет в своем составе четыре секции: 1) Секцию разработки фонетического письма; 2) Секцию по изучению вопросов упорядочения иероглифического письма (здесь был разработан иероглифический минимум); 3) Экспериментально-педагогическую секцию (здесь проводилась конференция с работниками ликбеза) и 4) Издательскую секцию (здесь подготовлен к печати сборник по вопросам реформы письма и с июля 1952 г. редактируется ежемесячный орган «Чжунго юйвэнь»).

Институт языка Академии наук Китайской Народной Республики существует с 1950 г. В его составе работают виднейшие языковеды Китая во главе с проф. Ло Чан-пэем (директор). Работа института организована по трем секциям: 1) Секция современного китайского языка; 2) Секция языков национальных меньшинств; 3) Секция по изучению реформы китайского письма.

Секция современного китайского языка уделяет основное внимание вопросам грамматики. Здесь публикуется проект систематического курса грамматики. Секция работает над произведениями пяти авторов, творчество которых представляет литературную норму современного языка (тов. Мао Цзэ-дун, классик Лу Синь и писатели т. т. Чжао Шу-ли, Лао Шэ, Дин Лин). По этим произведениям составлена картотека в 140 тыс. карточек.

Секция языков национальных меньшинств ведает организацией соответствующих экспедиций и обработкой полученных материалов. Секция по изучению реформы китайского письма работает в теснейшем контакте с Комитетом по изучению реформы письма. Секция занята также составлением картотеки словаря пекинского диалекта.

Институтом языка в 1952 г. издан ряд монографий по языкам национальных меньшинств, по истории китайского языка, а также пять практических справочников по языкам национальных меньшинств[29].

Поскольку факультет языка Центральной национальной академии из-за нехватки преподавательских кадров и учебной литературы вынужден организовать обучение языкам национальных меньшинств также и на местах, в октябре 1951 г. для координации этой работы пришлось создать особый междуведомственный Комитет по руководству делом изучения языков и письма национальных меньшинств.

Что касается периодической печати по языкознанию в Китае, то сейчас, насколько нам известно, там выходит три ежемесячных журнала: 1) «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык») — объединенный ежемесячный орган Комитета по изучению реформы китайского письма и Института языка Академии наук. Выходит с июля 1952 г. Это — основной руководящий орган, в котором сотрудничают крупнейшие лингвисты Китая. Журнал хорошо отражает лингвистическую работу в Китае во всех ее областях. Вместе с тем в каждом номере журнала уделяется специальное внимание основному вопросу (иногда двум) языковедческой работы. Так, в 1952 г. журнал посвятил свои страницы следующим основным темам: июль — вопросы реформы письма и разработки иероглифического минимума; август — слово и иероглиф; сентябрь — работа ликбеза и вопросы разработки фонетического письма; октябрь — вопросы иероглифического письма; ноябрь — связь с наукой СССР и вопросы грамматического строя китайского языка; декабрь — языки и письмо национальных меньшинств.

В плане журнала на 1953 г. намечены темы: язык прессы и радиовещания, орфография (фонетическая), унификация научной терминологии, унификация курсов грамматики и грамматической терминологии, словарное дело, учебно-методические вопросы, язык фольклора и др.

---

[29] Информацию о работе Института языка АН Китайской Народной Республики см. в журн. «Чжунго юйвэнь», 1952, июль, стр. 40.

2) «Юйвэнь сюеси» («Языковая учеба») — общественный ежемесячный журнал широкого профиля. Его основная цель заключается в популяризации теоретических вопросов языкознания, в сообщении читателям элементарных сведений по грамматике и стилистике, в оказании практической помощи молодым авторам. Выходит с октября 1951 г. В журнале сотрудничают лингвисты, педагоги, писатели. Журнал имеет, несомненно, живую связь с читательской массой. Характерно, что первый номер этого журнала пришлось в течение двух месяцев выпустить в трех изданиях, — так велик был на него спрос.

3) «Юйвэнь цзяосюе» («Преподавание языка») — ежемесячный журнал по вопросам методики и педагогики. В апреле 1952 г. вышел девятый номер журнала. С этим органом нам пока, к сожалению, не удалось познакомиться[30].

*

Вышеприведенный обзор, конечно, не охватывает всей работы, которая была проделана китайскими языковедами в 1952 г. Тем не менее даже он свидетельствует о большой и плодотворной деятельности наших китайских друзей. Пожелаем же им новых успехов в их работе. Для себя же пожелаем тесного научного контакта с китайскими языковедами.

И. М. Ошанин

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА В КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

1

Почти сорок лет, с 1910 г., Корея находилась под жесточайшим гнетом японских империалистов, которые, следуя своей колонизаторской политике японизации, всеми мерами стремились ассимилировать корейцев, насильно навязывая им японский язык. Одновременно с этим они всячески поощряли своих реакционных ученых издавать работы, якобы доказывающие общность происхождения японцев и корейцев, чтобы таким путем подвести «историческую базу» для политики ассимиляции.

Проводником политики японизации корейцев являлась школа. Недаром японские империалисты, столь скупые на расходы по народному образованию, в Корее открыли довольно большое количество школ, охватив начальным образованием до 40% корейских детей — цифра для колонии, несомненно, внушительная. Все преподавание в этих школах велось на японском языке.

Таким образом, японский язык навязывался корейцам с детских лет и становился общеобязательным языком, корейский же язык был сведен до пределов узкого бытового общения. Как свидетельствует председатель Общества изучения корейского языка и письменности Ли Гын Но[1], дело доходило до того, что японские учителя наказывали корейских детей, учеников начальной школы, за произнесение хотя бы одного корейского слова в школе. Такой системой насильственного обучения японскому языку японские империалисты, конечно, не смогли заставить народ забыть свою родную речь, ибо «нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции»[2]. Всё же этим японские колонизаторы несколько затормозили развитие корейского языка как языка национального.

Для оценки положения с общенародным языком в Корее к началу XX в. необходимо знать следующее. Вплоть до конца XIX в. официальным языком государственного управления в Корее был язык китайский. Он стал проникать в Корею очень давно,— с того времени, как появились там китайцы. Трудно говорить о точном времени начала этого проникновения, но во всяком случае уже в 108 г. до н. э., т. е. в эпоху Ханьской империи, часть северной половины полуострова была частично заселена китайцами и даже вошла на некоторое время в состав китайского государства.

Большую роль в распространении китайского языка в Корее сыграл буддизм, занесенный в Корею в конце IV в. н. э. из Китая. Проповедниками буддизма были китайцы; буддийская литература, богослужебные книги пришли в Корею в китайских переводах. Естественно, что распространение буддизма повлекло за собой и распространение китайского языка; его должны были знать представители нарождающегося корейского буддийского духовенства, его усвоила и часть обращаемых, конечно, из верхушки общества того времени, для которой принятие буддизма означало вместе с тем и приобретение образованности. И это в действительности так и было, поскольку вместе с буддизмом в Корею шла и светская китайская образованность — в виде ки-

---

[30] По имеющимся сведениям, издание этого журнала в 1952 г. прекращено.

[1] См. журн. «Чосон'о ёнгу», Пхеньян, 1949, № 1, стр. 2—3.

[2] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 347.

тайской политической, историографической, юридической и философской литературы; *знание китайского языка открывало корейцам и китайскую художественную литературу.* В связи с этим китайский язык утвердился в верхушечных слоях корейского общества как язык образованности и культуры. Он стал и языком правительственного аппарата.

Огромное влияние Китая, наблюдавшееся во всех областях жизни страны в течение всего последующего времени, неуклонно укрепляло эту позицию китайского языка и расширяло сферу его действия. Китайский язык стал не только языком законов, указов и т. п., но и языком историографии, политических, экономических и философских сочинений. Появилась на китайском языке и поэзия — книжная поэзия образованных на китайский лад корейских литераторов. Короче говоря, роль китайского языка в средневековой Корее, в среде господствующего класса — корейских феодалов, формировавшегося из его представителей чиновничества, а также его ученого слоя — историков, философов, публицистов, литераторов, была аналогична роли латинского языка в средневековой Западной Европе.

Однако это отнюдь не означало, что китайский язык стал обиходным языком указанного слоя населения, что на нем говорили. Конечно, некоторая часть чиновничества умела и говорить по-китайски; это нужно было для сношения с китайцами. Но в целом китайский язык был только языком книжной образованности, языком письменности, утратившим связь с живой китайской речью. И этот отрыв от живой речи усугублялся еще тем, что корейские литераторы обычно пользовались формами столь же оторванного от живой разговорной стихии китайского книжного литературного языка. Больше того, корейские литераторы даже написанное на китайском языке читали не по-китайски, а по-корейски. Но читать китайский текст по-корейски — это значит читать, переводя его на корейский. Так оно и было: всякое чтение китайского текста было фактически переводом, который требовал знания строя как корейского, так и китайского книжного языка.

В связи с этим шел процесс приспособления китайской письменности к нуждам корейского языка. Один из современных корейских языковедов Чон Мон Су в своей статье, напечатанной в 1949 г.[3], установил несколько этапов в истории этого приспособления, предшествующих изобретению собственного фонетического алфавита. Первым этапом было фонетическое использование китайских иероглифов для обозначения в тексте, написанном на китайском языке, корейских собственных имен и географических названий. Вторым этапом было добавление в китайский текст иероглифов, используемых как знаки фонетической азбуки, для обозначения служебных слов и частиц корейского языка, причем нарушался и синтаксический порядок слов китайского предложения согласно нормам корейского синтаксиса. Следующим этапом было появление так называемого *иду* — системы силлабических знаков, служащих для транскрипционных целей. Корейская традиция приписывала изобретение *иду* Соль Чхону, датируя это изобретение 692 г. н. э. Чон Мон Су датирует появление *иду* рубежом V—VI вв., причем объясняет его происхождение иначе. Он считает, что *иду* являлось общим названием письменных знаков, служащих для записи служебных слов, частиц и грамматических аффиксов корейского языка при толковом чтении текстов, написанных по-китайски. Как показывает само название *иду*[4], система этих знаков была письменностью канцелярий, а не только системой транскрипционных знаков для облегчения чтения китайских текстов.

Таким путем образовался запас иероглифических знаков, за которыми уже не видели никакого смыслового значения и которые рассматривали как чисто фонетические знаки, знаки силлабической азбуки. Наличие этих знаков облегчало корейское чтение написанных по-китайски текстов: корейцы произносили китайские слова, но эти слова они, во-первых, расставляли при чтении в том порядке, в каком этого требовала конструкция корейской, а не китайской фразы, во-вторых, склоняли и спрягали эти китайские слова по образцу слов своего языка; служебные же слова либо опускали, если их сочетание со знаменательным словом в китайском языке соответствовало грамматической форме этого слова в корейском языке, либо,— когда этого не было,— заменяли китайские служебные слова своими. Создавался, таким образом, особый переводческий «жаргон», в котором была широко представлена китайская лексика.

Постепенно китайские слова из книжного текста перекочевывали в школьный жаргон обучавшихся *ханмун'у* (китайской письменности). Самые необходимые из этих слов, обозначавшие те понятия, для которых в корейском языке своих слов не было, удерживались в нем и переносились в жаргон чиновничества вообще. В дальнейшем многие из таких слов выходили за рамки этого жаргона и поступали в общенародный язык, тем самым обогащая его словарный состав, становясь словами уже не китайского, а корейского языка, тем более, что они не только склонялись и спря-

---

[3] Чон Мон Су, Исторический анализ корейской письменности, журн. «Ёкса чо мунчже», Пхеньян, 1949: №12, стр. 88—105; № 14, стр. 71—90.

[4] *И* — мелкий чиновник, приказный, подьячий; *ду* — чтение, толкование.

гались по нормам корейской грамматики, но и звучали по-корейски, поскольку корейцы произносили их по нормам своей фонетической системы.

На этой основе образовался впоследствии в феодальной Корее корейский литературный язык. Этот язык был книжным: в нем застывали те грамматические формы, которые в разговорном языке уже заменялись другими; он был книжным и по лексике, так как в нем фигурировала масса книжных слов, не ставших еще достоянием общенародного языка. На этом книжном языке создавалась своя литература — такого же типа, как и указанная китайская, доступная только образованной части господствующего класса, его интеллигенции.

Около середины XV в. было создано корейское письмо, бывшее уже не иероглифическим, а фонетическим. Это было письмо буквенное, т. е. каждый звук языка имел в нем свой графический символ; но оно было вместе с тем и письмом слоговым, поскольку слова писались расчлененно по слогам, т. е. буквы для каждого звука графически соединялись в одно целое, соответствующее слогу. Это корейское письмо получило название *хунмин-чжонъым*. Именно этим письмом и стали пользоваться, соединяя его с иероглифическим. Получалось смешанное письмо, при пользовании которым иероглифами писали все основные знаменательные слова в их исходной форме, буквами же писали грамматические окончания этих слов, а также часто местоимения, наречия, служебные слова.

Однако в 1504 г. корейский алфавит *хунмин-чжонъым* был запрещен королем Ён Сан Гуном. Причина этого запрещения крылась в политической борьбе различных группировок правящего класса. Начиная с XV в. в Корее наступает расцвет конфуцианства как государственной идеологии. Короли обретают в конфуцианстве идеологическое оружие для укрепления своей власти. Чтобы закрепить конфуцианскую идеологию в народных массах, короли первоначально использовали вновь изобретенную корейскую письменность для издания конфуцианских книг двойным текстом: на китайском языке с переводом на корейский язык, написанном знаками корейского письма. Однако на народные массы несравненно большее влияние имел буддизм — религия, быстро ассимилировавшая древние народные верования. Буддийские монахи, бывшие некогда проводниками китайского языка, культуры и письменности, быстро учли преимущества корейской письменности перед китайской в силу доступности ее для широких народных масс. Для усиления своего влияния на народные массы они переводили буддийские канонические книги на корейский язык без иероглифического текста. Группировки феодалов, боровшихся с усилением королевской власти, стремились использовать в качестве оружия буддизм. Появились памфлеты, направленные против королевской власти, написанные на корейском языке фонетическим алфавитом. В связи с этим и был издан указ, запрещавший пользование данным алфавитом под страхом смертной казни. Повидимому, с этого времени алфавит потерял прежнее свое название *хунмин-чжонъым* «правильные звуки для чтения народом» и стал называться *онмун* «вульгарная письменность», как противоположность *ханмуну* «китайской письменности». В процессе этой борьбы правительство сжигало буддийские монастыри и их книгохранилища, но буддийские монахи убегали в горы, уносили с собой книги, написанные по-корейски, на корейском алфавите, и передавали корейскую письменность из поколения в поколение, сыграв тем самым положительную роль в деле сохранения этой письменности.

Запретив *онмун* как систему письменности, правительство оставило его как систему транскрипционных знаков для передачи звуков иностранных языков. Поэтому *онмун* сохранялся в Переводческом приказе, в котором составляли руководства и пособия по иностранным языкам. В таком положении корейская письменность находилась в течение трех с лишним веков. Она стала достоянием женской среды, как единственная форма письменности, доступная женщинам, не получавшим китайского образования. *Онмун* в просторечии стал именоваться «женской грамотой» в отличие от китайской письменности *ханмуна*, именовавшегося «мужским письмом». Проникая в народную толщу, *онмун* стал единственным средством для письменной передачи живого разговорного языка.

Этот общенародный язык имел также и свою литературу. Это была литература повествовательная — сказка, рассказ, повесть на бытовые и исторические сюжеты, часто — с примесью фантастики; это были народная поэзия и народный эпический сказ. Иначе говоря, это было как раз то, что не допускалось в «высокую» прозу и поэзию книжной литературы — как в Корее, так и в Китае. Но именно в этой народной литературе и жил своей полной и сложной жизнью общенародный корейский язык.

С течением времени обе указанные языковые линии сближались. С одной стороны, в книжный литературный язык все в большей и большей степени проникали живые грамматические формы, заменяя собою устаревшие; на место книжных слов, заимствованных из китайского, все в большей и большей мере входили разговорные корейские слова. Китайская книжная лексика в основе закрепилась только в том слое словарного состава корейского языка, который образовал общественно-политическую, экономическую, юридическую и философскую терминологию. С другой стороны, в общенародный язык проникали те восходящие к китайским корням первоначально книжные

слова, которые были нужны усложняющейся жизни, растущей культуре, которые обогащали развивающийся словарный состав корейского языка. Но все же демаркационная линия оставалась: старый литературный язык продолжал сохранять свой книжный облик; этим была обусловлена и сфера его применения: он господствовал в публицистике, в науке. Живой разговорный язык жил в художественной литературе. Соответственно этому сохранялась и специфика письменного выражения: газеты, журналы, научные работы писались смешанным иероглифически-буквенным письмом; роман, рассказ — буквенным. В самом конце XIX в., в 1895 г., рядом с китайским языком как языком официального государственного обихода было разрешено применять в официальной документации и книжный литературный корейский язык.

В такой обстановке корейскому общенародному языку пришлось вступить на путь завоевания себе положения языка нации. Это завоевание было затруднено еще тем, что чрезвычайно медленно шло развитие самой нации. Корейская нация, как нация, развившаяся «...в эпоху подымающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировала её»[5], к XX в. не сложилась и не могла сложиться,поскольку «...не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»[6]. В Корее капиталистические отношения начали оформляться только к концу XIX в., но уже в начале XX в. империалистическая Япония превратила Корею в свою колонию, подчинила ее своей капиталистической системе и навязала корейцам японский язык, объявив его в Корее государственным языком. Тем самым путь развития корейского национального языка стал еще более трудным. И все же это развитие, хотя и замедленным темпом, продолжалось.

Еще в конце XIX и начале XX в. передовые, патриотически настроенные ученые Кореи повели борьбу за утверждение корейского языка во всей литературе. Начало этой борьбе положил Чу Си Гён (1876—1914), настаивавший на необходимости введения корейского языка в качестве языка государственного. Чу Си Гён оставил целый ряд работ по описанию системы корейского языка[7]. Много труда к грамматическому кодифицированию общенародного корейского языка приложил виднейший современный корейский языковед Ким Ду Бон, выступивший еще в 1916 г. за новую разработку корейской грамматики и в своих публичных выступлениях популяризировавший общенародный корейский язык. Его труд «Грамматика корейского языка»[8], изданный в 1916 г., получил широкую известность в кругах корейской интеллигенции. В 1923 г. Ким Ду Бон, находившийся тогда в эмиграции в Шанхае, с большими трудностями издал переработанную им и дополненную грамматику корейского языка[9].

Корейским ученым-языковедам при господстве японских империалистов приходилось вести свою работу в очень трудных условиях. Они составляли грамматики и словари корейского языка и издавали их на собственные средства или на средства, тайно собранные корейской общественностью. Ким Ду Бону, когда он издавал свою грамматику в Шанхае, приходилось даже самому вставать за наборную кассу для того, чтобы иметь возможность напечатать свой труд. Некоторые из таких борцов за свой родной язык погибали в японских тюрьмах.

В декабре 1921 г. в Сеуле было организовано Общество изучения корейского языка (Чосон'о ёнгухё). Через десять лет, в январе 1931 г., оно было переименовано в Научное общество корейского языка (Чосон'о хакхё). Общество поставило своей задачей разработать нормы корейского общелитературного языка на основе сеульского диалекта, закрепить его во всей литературе и, таким образом, прекратить проникновение диалектных особенностей в литературный язык. Общество выработало проект унификации корейской орфографии, занималось составлением словаря. С целью пропаганды нового корейского литературного языка и внедрения его в массы обществом открывались школы-передвижки. В 1943 г. японские власти арестовали 28 членов этого общества и приговорили их к тюремному заключению. Двое из них умерло в тюрьме, не дождавшись освобождения.

Пытаясь воспрепятствовать развитию корейского национального литературного языка, японские власти организовали в 1934 г. свое Общество упорядочения корей-

[5] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 335—336.

[6] Там же, стр. 336.

[7] «Кук'о оа кунъмун'ый пхильё» («Необходимость родного языка и письменности»), Сеул, 1907; «Чосон'о мунчжон ымхак» («Фонетика корейского языка»), Сеул, 1908; «Чосон'о мунпон» («Грамматика корейского языка»), Сеул, 1909; «Марый сори» («Звуки речи»), Сеул, 1914.

[8] «Чосон мальбон» («Грамматика корейского языка»), Сеул, 1916.

[9] «Кипто чосон'о мальбон» («Пополненная грамматика корейского языка), Шанхай, 1923. Этим были заложены основы научной разработки грамматики корейского общенародного языка.

ской письменности (Чосонмун чонни кисахё), через которое старались проводить политику ассимиляции. Таким образом, на языковом фронте шла упорная борьба за корейский национальный язык и в этой борьбе закладывались основы закрепления его в литературе. Однако условия колониального угнетения не дали полной возможности развития общенародного языка до степени национального. Таково было положение корейского языка до освобождения Кореи от японского ига доблестной Советской Армией в августе 1945 г.

2

Перед народно-демократической Кореей встали в области языка трудные и обширные задачи. Нужно было развивать национальную культуру насаждать широкую сеть общеобразовательных школ, политических школ и профессионально-технических курсов для подготовки необходимых кадров. В школах и на курсах нужно было организовать преподавание на родном языке. Требовалось издавать газеты, журналы и прочую литературу, создавать библиотеки, клубы, театры, кино, где звучала бы родная речь, понятная массам. Нужно было прежде всего разработать литературную норму своего языка, кодифицировать его грамматические правила. За эту работу деятели просвещения и принялись, продолжив тем самым труды своих предшественников, положивших начало этой кодификации и принявших за основу сеульский диалект.

С июня 1949 г. пресса на Севере Кореи перешла на фонетическое письмо, отказавшись от иероглифики. Для того чтобы читать корейскую газету, написанную иероглифическими знаками, нужно было знать тысячи три иероглифов; корейский же алфавит состоял всего из 24 знаков: 14 — для согласных звуков и 10 — для гласных. Преподавание в школах родного корейского языка с самого же начала тоже было переведено на основу корейской фонетической письменности. Переход на буквенное письмо, открывший перед широкими массами небывалые возможности в области просвещения и самообразования, потребовал большой работы по нормализации словарного состава, грамматической кодификации национального языка и выработки нормативной орфографии.

*

Одним из важнейших вопросов, вставших перед корейскими языковедами, оказался вопрос о словарном составе языка. Первым шагом на пути решения этого вопроса была работа по составлению толкового словаря родного языка. В процессе этой работы перед корейскими лексикологами и лексикографами возникли три задачи: 1) выявить по возможности все лексическое богатство корейского языка, т. е. собрать максимально возможное количество слов и объяснить их; 2) учесть, зафиксировать и ввести в словарь многочисленные новые слова и выражения, появившиеся в последние годы; 3) очистить современный корейский язык от ненужных, устаревших слов. Это были задачи описания и нормализации словарного состава современного корейского языка. На выполнение этих задач и была направлена развернувшаяся интенсивная работа по составлению толкового словаря.

В период национально-освободительного движения в колониальной Корее наметились пуристские тенденции — исключить из языка всю лексику, заимствованную из китайского языка или созданную из его корней, и заменить ее корейскими словами или искусственными неологизмами, составленными из корейских корней. Например, вместо усвоенного и всем понятного китайского слова, в корейском произношении звучащего *хаккё* «школа», предлагали новое искусственное слово *пэумчип* (*пэум* «учеба» от *пэуда* «учиться»; *чип* «дом»), т. е. «учебный дом»; соответственно этому вместо давно усвоенного китайского слова, звучащего в корейском произношении *тэхак* «университет», хотели ввести искусственное слово *кхынбэгот*, буквально: «большое учебное место». Но такие «китайские» слова уже очень давно потеряли свой китайский облик и были освоены корейским языком в их кореизированном звучании. Лексика, перешедшая в корейский язык из китайского или составленная из китайских корней, является достоянием словарного состава корейского языка.

Толковый словарь корейского языка должен, с одной стороны, показать весь активный словарный состав языка, в том числе и те его слои, которые связаны с китайскими корнями; но, с другой стороны, он должен и освободить корейский язык от излишней китайской лексики, оставшейся в наследство от феодализма. Так, например, одному корейскому слову *абочжи* «отец» соответствует множество китайских слов тоже со значением «отец», отражающее существовавшую в эпоху феодализма иерархичность: *пучу* «отец» (в обращении сына к отцу); *пучхин* «мой отец» (при обращении к другу); *омчхин* «мой отец» (при обращении к равному по социальному положению); *качхин* «мой отец» (при обращении к высшему); *чхунбучжан* «ваш отец» (при обращении к равному); *чхундан* «ваш отец» (при обращении к стоящему несколько ниже по социальному рангу); *чхунчжан* «ваш отец» (официально); *тэин* «твой отец» (при обращении к низшему); *сондэин* «ваш (и его) покойный отец»; *сонго* «мой покойный отец»; *сончхин* «мой покойный отец» (при обращении к высшему). Именно такая лексика и подлежит пересмотру и всемерному сокращению.

Важной задачей толкового словаря является фиксация новых слов, вошедших в корейский язык в последнее время Особенно много таких слов появилось в языке после освобождения Кореи доблестной Советской Армией в связи с массовыми переводами на корейский язык советской литературы. Произошло также и переосмысление многих старых корейских слов. До нас не дошел еще толковый словарь корейского языка, и мы не можем судить, в какой степени решены в нем эти две главные задачи.

Составители словаря поставили перед собой огромную задачу — охватить лексику корейского языка за все время его существования в той мере, конечно, в какой он нашел свое отражение в различных письменных памятниках. Об этой задаче можно судить по разделу журнала «Чосон'о ёнгу», озаглавленному «Материалы», в котором из номера в номер печатаются «Толкования старого языка». Эти «Толкования» являются подготовительной работой к составлению словаря. В них приводятся слова, извлеченные из старинных письменных памятников, и дается их объяснение. В данном разделе собираются и слова чисто корейского корня, не вошедшие в ранее составленные словари корейского языка. Такие слова выбирают из старинных сборников песен и фольклорных собраний, а также и из современной художественной литературы.

В журнале «Чосон'о ёнгу» помещена статья Ким Бён Чже, информирующая об организации работы над словарем[10]. Составить словарь объемом в 100 тыс. слов в короткий срок — задача непосильная для небольшой группы составителей. Поэтому Обществом изучения корейского языка и письменности была организована лишь главная редакция, вся же работа по выполнению отдельных разделов словаря была распределена между высшими учебными заведениями страны во главе с Университетом им. Ким Ир Сена, причем каждый институт работал над лексикой своей специальности. Материал же по народным говорам доставлялся самим народом — жителями различных районов страны. С этой целью в журнале «Чосон'о ёнгу» был введен специальный раздел — «Страница читателя». На этой «Странице» читатели делятся с редакцией журнала своими наблюдениями над народным языком разных районов страны, сообщая списки диалектизмов с их толкованием, местные народные географические названия, народные песни, записанные самими читателями. Это дало возможность в короткий срок собрать очень большой нужный и свежий материал.

*

Огромное значение для современного корейского языка имеет также и разработка вопросов грамматики. В этой области уже раньше были известны труды корейских языковедов — Чу Син Гёна, Ким Ду Бона и других, которые создавали грамматику корейского языка на основе общенародного языка. Без той работы по описанию фонетики, грамматики, стилистики корейского языка, которую проделало это поколение корейских языковедов, было бы чрезвычайно трудно вести работу в области языка в народно-демократической Корее. Для руководства всей этой работой и направления ее в определенное русло необходимо было создать авторитетную организацию из корейских языковедов. В июле 1946 г. при поддержке Департамента просвещения было организовано уже упоминавшееся выше корейское языковедческое Общество изучения корейского языка и письменности (Чосон омун ёнгухё). В феврале 1947 г. это общество по постановлению Временного народного комитета Северной Кореи было реорганизовано, и главное его руководство было сосредоточено при Университете им. Ким Ир Сена. Задачами общества были: составление нормативной грамматики корейского языка, выработка правил орфографии, подготовка перехода с вертикального на горизонтальное письмо, упорядочение применения иероглифического письма. Обществом был разработан проект новой орфографии.

С октября 1948 г., в связи с провозглашением Кореи народно-демократической республикой и образованием единого демократического правительства, указанное общество перешло в ведение Министерства просвещения. В этом обществе сосредоточены все виднейшие корейские лингвисты как Севера, так и Юга, во главе с Ким Ду Боном и Ли Гын Но. Задачи, поставленные правительством перед обществом, расширились. Правительство постановило в октябре 1948 г. издать нормативную грамматику корейского языка, а к концу 1949 г. подготовить к изданию толковый словарь корейского языка в 100 тыс. слов. Кроме того, было намечено издание специального языковедческого журнала и других печатных изданий, в том числе фонетических таблиц корейского языка, составленных Ли Гын Но.

Для выполнения задания правительства по составлению нормативной грамматики в научно-исследовательском комитете Общества изучения корейского языка и письменности была создана специальная грамматическая комиссия под председательством Чон Мон Су (павшего в 1951 г. смертью храбрых в борьбе с американскими империалистами за свободу и независимость Родины). В начале сентября 1949 г. была составле-

---

[10] Ким Бён Чже, Культурное значение составления словаря корейского языка, «Чосон'о ёнгу», Пхеньян, 1949, № 3, стр. 67—74.

на первая редакция грамматики. После всестороннего обсуждения ее на общем собрании научно-исследовательского комитета общества она была одобрена и принята к изданию.

Составители грамматики так определяют стоявшие перед ними задачи и характер проделанной работы: «Поскольку данная грамматика является результатом нашего стремления прочнее унифицировать и развить наш собственный язык и письменность... мы старались использовать все положительное наследие прошлого, оставшееся нам от предшествующих ученых, а также широко использовать результаты передовой лингвистической науки и, кроме того, в изложении объединить теорию и практику языка. Хотя мы разделили, согласно традиционному принципу, содержание грамматики на три раздела: фонетику, морфологию и синтаксис, но мы обратили внимание на взаимосвязь этих трех разделов и отдаем преимущество синтаксису перед морфологией, а морфологии перед фонетикой.

В результате всего изложенного получились немалые изменения по сравнению с прежними грамматиками в отношении разных вопросов, как то: письменности, орфографии, частей речи, грамматических категорий и состава предложения. Расхождения эти являются результатом глубокого анализа фонетической системы и морфологического строя корейского языка. В связи с этим в будущем появляется возможность всякие явления корейского языка толковать на основе общего языкознания»[11].

Объем настоящей статьи не позволяет нам дать полный разбор указанной «Грамматики корейского языка». Остановимся только на некоторых основных моментах. Нормативная грамматика составлена согласно традиционной схеме. Она состоит из трех основных частей: фонетики, морфологии и синтаксиса.

Фонетика начинается с описания органов речи и звукового строя, затем следует классификация звуков и описание передачи их в письме. Далее идет описание слогов, дифтонгов, полугласных, после чего рассматривается вопрос о высоте тона и долготе гласных звуков, затем описываются комбинационные изменения звуков: ассимиляция и диссимиляция. Заканчивается раздел фонетики изложением теории фонемы и правилами орфоэпии.

Вторая часть, морфология, состоит из следующих разделов: структура слова в связи с орфографическими нормами; особый характер аффиксации в корейском языке, основные правила корейской орфографии, правописание начальных, серединных и конечных фонем; основа и окончание, соединение основ, соединительные гласные; чередование фонем при образовании грамматических форм глаголов и прилагательных; правописание конечных согласных; префиксы и суффиксы и их правописание. Затем следуют части речи и их классификация. При описании частей речи строго выдерживается порядок описания для каждой части речи, например: имя существительное, группы существительных, образование существительных, грамматические категории существительных, функции существительных в предложении. В таком же порядке дается описание имени числительного, местоимения, прилагательного, глагола, наречия. Последними в этом разделе описываются служебные слова и междометия.

Третья часть, синтаксис, начинается с общего определения предложения, затем следует описание структуры предложений. Члены предложения — главные и второстепенные — описываются в следующем порядке: подлежащее, сказуемое, определение (приложение), дополнение. Далее идут разделы: порядок слов в предложении; неполные предложения; номинативные предложения; однородные члены предложения; общее понятие о составе предложения с однородными членами; форма соединения однородных членов предложения; слова и словосочетания, не образующие ни предложений, ни их частей: обращение, восклицательные слова, вводные слова и словосочетания; сложное предложение; общее понятие о составе сложного предложения; сочинение и подчинение; типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений; прямая и косвенная речь; перевод прямой речи в косвенную. Последней главой этой части является пунктуация.

Перед составителями грамматики была поставлена ответственнейшая задача — кодифицировать нормы национального литературного языка. С этой задачей составители справились, но, к сожалению, работали они до появления в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, а потому не могли избежать ошибок. Так, в грамматике нет исторического освещения грамматических явлений. Эти явления иллюстрируются примерами только из произведений современных корейских писателей, произведений, изданных лишь за последние 10 лет; грамматика же должна опираться на более обширный материал литературного языка, на литературные произведения различных жанров и за более длительный период времени, чем за последние 10 лет. Сами составители в «Предисловии» указывают, что отдают преимущество синтаксису перед морфологией. Отсюда — некоторая нечеткость установления границ между явлениями морфологии и синтаксиса, вследствие чего учение о слове

[11] «Чосон'о мунпоп» («Грамматика корейского языка»), изд. Чосон омун ёнгухё, Пхеньян, 1949, стр. 1—3.

как системе форм с разнообразными значениями и функциями сводится главным образом к учению о функции слова внутри предложения: в этом нетрудно видеть тот вред, который был нанесен «новым учением» о языке Н. Я. Марра и молодому корейскому языкознанию. Однако, несмотря на эти недостатки, рассматриваемая грамматика является самой обстоятельной и полной из всех корейских грамматик.

*

Как уже отмечалось выше, пресса на Севере Кореи с июня 1949 г. перешла на корейское фонетическое письмо[12], отказавшись от иероглифики. Поэтому сразу же возник вопрос о том, как писать, чтобы было понятно широким массам.

Корейский письменный язык получил в наследство ряд орфографических навыков, в современном языке уже не имеющих основания. Еще 15 января 1948 г. Общество изучения корейского языка и письменности опубликовало «Новую орфографию корейского языка», основанную на теории Ким Ду Бона, которую он разрабатывал в своих научных исследованиях в течение нескольких десятков лет. Новая орфография корейского языка твердо следует морфологическому принципу, в связи с чем предлагается ряд изменений по сравнению со старой орфографией: в орфографии китайских слов (правописание начальных согласных *р*, *н*); в правописании сложных слов (применение апострофа); в правописании форм спряжения глаголов и прилагательных (добавление новых знаков). Однако реформа орфографии практически еще не осуществлена. Только в некоторых школах Пхеньяна, в порядке опыта, было введено преподавание на основах новой орфографии. Печать в Корейской Народно-Демократической Республике следует правилам орфографии «Проекта унификации правил орфографии корейского национального письма», изданного в Сеуле в 1933 г., но и эта орфография требует коррективов и дополнений. Упорядочение орфографии и стабилизация ее правил остается одним из основных вопросов практического языкознания в Корее.

Как уже указывалось выше, корейское письмо — буквенно-слоговое, т. е. слова пишутся раздельно по слогам. Такое письмо читать трудно, да и орфография его затруднительна из-за разнообразия состава слогов. Вследствие этого поставлен вопрос о переходе на буквенное горизонтальное письмо, с тем чтобы писать горизонтальными строчками слева направо, но не по слогам, как в настоящее время, а буквами. Однако осуществление такого перехода затруднено спецификой национального корейского алфавита *кунмун*.

*

Кровопролитнейшая война, навязанная корейскому народу американскими агрессорами, крайне затруднила работу корейских языковедов. От мала до велика поднялся народ Корейской Народно-Демократической Республики на защиту свободы, чести и независимости своей Родины. В ходе этой национально-освободительной войны Трудовая партия Кореи создала мощный культурно-просветительный и политико-воспитательный аппарат, воздействующий через школу и печать на широчайшие народные массы, поднявшиеся на борьбу за свою национальную независимость. Еще в мирных условиях в Корейской Народно-Демократической Республике была развернута широкая сеть школ ликвидации неграмотности, школ политического просвещения среди народных масс. В этих школах насаждались нормы национально-литературного языка. Во время войны такой грандиозной школой стала корейская Народная армия, в которую приходят бойцы из различных районов страны, говорящие на разных местных диалектах. В рядах армии в ежедневном живом контакте нивелируются диалектные особенности их речи. В ряды армии ушли писатели и языковеды, в армии созданы многочисленные бригады самодеятельности и театральные коллективы, являющиеся проводниками литературного языка. Армейская печать прививает нормы литературного языка составляющим армию народным массам.

Еще на третьем съезде Лиги искусства и литературы Северной Кореи, организованной 25 марта 1946 г., к писателям был обращен призыв создавать произведения на основе передового реализма, отображающего жизнь и борьбу трудящихся масс под лозунгом «Из народных недр». Писатели отправились на заводы и рудники, на крестьянские поля. В созданных после этого произведениях корейские писатели обрабатывают народный язык, «отбирая из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова», тем самым содействуя укреплению и развитию корейского национального литературного языка.

Изучение корейскими языковедами гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания осуществлялось ими в исключительно трудных условиях военного времени. Центральный Комитет Трудовой партии Кореи и правительство Корейской Народно-Демократической Республики позаботились о том, чтобы был сделан

[12] Его старое название *онмун* ныне заменено новым — *кунмун*.

перевод трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и опубликован в центральных органах печати. Таким образом, самые широкие читательские массы получили возможность изучать эти труды, а корейские языковеды получили в руки теоретическую базу для творческого обсуждения языковедческих проблем. Трудно перечислить все те важные вопросы и задачи, которые встают перед корейскими лингвистами в связи с трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания, особенно сложные для решения, если учитывать, в каких условиях приходится сейчас жить и работать нашим корейским друзьям. И все же научная жизнь и исследовательская работа как в области теоретического, так и практического языкознания продолжается.

С большим энтузиазмом корейские ученые-языковеды принялись за изучение вопросов корейского языка в свете сталинского учения о языке. Для этого нужно было прежде всего познакомиться с проблемами, поставленными советскими учеными после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина. Ко 2-й годовщине опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Корейским обществом культурной связи с СССР был подготовлен и издан специальный сборник[13] с переводами Ким Су Гёна статей советских ученых.

В конце сборника помещена статья заведующего кафедрой корейского языка Университета им. Ким Ир Сена — профессора Ким Су Гёна «Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и задачи корейского языкознания»[14].

Статья профессора Ким Су Гёна, подробно разбирая основные положения трудов И. В. Сталина по вопросам языка, намечает очередные задачи, стоящие перед корейским языкознанием в свете сталинского учения о языке как в области теоретических исследований, так и в области практического языкознания. По мнению автора, основными задачами в области теоретического языкознания, стоящими перед корейскими лингвистами, является изучение внутренних законов развития корейского языка, исторической грамматики и исторической лексикологии (которые в свою очередь тесно связаны с исторической фонетикой), исторической диалектологии и лингвистической географии, основного словарного фонда, вопросов словообразования и словарного состава языка, грамматики современного корейского языка, орфографии. Необходимо составление на новых основах словаря корейского языка, а в связи с этим разработка теории составления словарей.

В данное время, по полученным нами сведениям, корейские языковеды уже работают над проблемами истории развития корейского языка, исторической грамматики корейского языка, исторической фонетики, корейской лексикологии и над основными проблемами современного языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.

О. П. Петрова

---

[13] «Он'охагэ коанхан И. В. Сталиный рочжак пальпхё ичжунён кинён мунхончжип» («Сборник в честь второй годовщины выхода в свет трудов И. В. Сталина, по языкознанию»), Пхеньян, 1952, 356 стр.

[14] «Он'охакый мунчжедырэ коанхан И. В. Сталиный рочжак коа Чосон он' охакый коаоп», указ. сб., стр. 305—356.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСАМ СВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Из литературы по вопросам связи языка и мышления, вышедшей в свет после опубликования гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, мы рассмотрим лишь несколько работ.

Обратимся прежде всего к статьям, раскрывающим учение классиков марксизма-ленинизма о связи языка и мышления. В журнале «Большевик» этому вопросу посвящена специальная статья Н. П. Антонова[1]. Во вводной части статьи автор показывает различное понимание мышления материалистами и идеалистами. В первой главе в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» вкратце излагается сущность павловского учения о первой и второй сигнальных системах. В следующей главе говорится о возникновении языка и мышления в их взаимосвязи. В третьей главе Н. П. Антонов указывает на недопустимость как отождествления языка и мышления, так и смешения их с мировоззрением. В заключении автор касается недостатков советской психологии на данном этапе ее развития.

Рассматриваемая работа правильно ориентирует читателя в вопросах связи языка и мышления, и мы ограничиваемся замечаниями лишь по поводу частных положений, высказанных Н. П. Антоновым попутно, по ходу изложения.

1. На стр. 23 читаем: «Взаимодействие обеих сигнальных систем предполагает воздействие второй сигнальной системы на первую»,— а также, продолжим мы, и первой на вторую, если говорится о взаимодействии.

2. В разных местах статьи встречаются термины, называющие формы выражения мыслей. Так, отмечается словесно-речевая форма. Это — «слова, предложения, речь устная и письменная» (стр. 26). Значит, автор понимает речь как форму выражения мысли. Иная точка зрения высказана в недавней статье Н. С. Мансурова, который пишет: «...язык — это не форма, а способ существования мысли»[2]. Нам кажется, что язык — не форма, а материальная оболочка мысли, имеющая собственные формы так же, как имеет их мышление, причем и те и другие взаимосвязаны, соотносительны. *Неотложная задача философов, психологов и языковедов — общими усилиями найти решение этой проблемы.*

Далее Н. П. Антонов отмечает материальную форму выражения мыслей. Это — «звуковая сторона слова... различная в разных языках», она «является принятым в данном языке обозначением предметов, их свойств и отношений» (стр. 27—28). То, *что автор именует материальной формой, есть материал, из которого создаются слова*, звуковая оболочка языка. Функцией обозначения (названия) обладает не одна сторона слова, а слово в целом, во всей совокупности его свойств.

Наконец, на стр. 28 указана логическая форма выражения мыслей, понимаемая Н. П. Антоновым как суждение. На самом же деле суждение — ф о р м а мысли. Средством выражения суждения является предложение, что, в сущности, отмечает тут же вскоре и сам автор, когда указывает, что понятия, суждения и умозаключения выражаются словами (стр. 28). М ы с л ь же составляет с о д е р ж а н и е как суждения, так и предложения.

3. Используемое Н. П. Антоновым определение слова («...слово — это исторически сложившееся в опыте людей и общепринятое в данном языке условное обозначение предмета», стр. 28) нуждается в коррективах в свете требований современной лингвистической науки. Определение слова будет приведено ниже, при рассмотрении статьи Е. М. Галкиной-Федорук.

---

[1] Н. А н т о н о в, О неразрывной связи мышления и языка, «Большевик», М., 1952, № 15, стр. 19—30.

[2] Н. М а н с у р о в, Порочный учебник, «Литературная газета» 28 июня 1952 г.

4. Нельзя согласиться с Н. П. Антоновым, отождествляющим смысловое содержание слова и понятие: «Слово отражает предметы и явления объективного мира не своим звуковым комплексом или написанием, а смысловым содержанием — понятием» (стр. 27). Наши соображения по этому вопросу будут высказаны ниже — в замечаниях о работах П. С. Попова и А. Г. Спиркина.

5. Одной из основ языка, наряду с грамматическим строем, является основной словарный фонд, а не словарный фонд, как об этом говорит Н. П. Антонов (стр. 28). Понятие словарного фонда ничем не отличается от понятия словарного состава языка.

6. Заслуживает внимания следующая интересная мысль Н. П. Антонова: «...основу мышления составляют его логический строй (законы и формы мышления) и понятия, которыми оперирует мышление» (стр. 28). Это верно. Но целесообразнее говорить не просто о понятиях, а об основном круге понятий[3]. Таким образом, при всей ценности статьи Н. П. Антонова некоторые места ее нуждаются в поправках.

В журнале «Вопросы философии» той же теме посвящена специальная статья А. В. Вострикова[4]. В первой и второй главах автор раскрывает тезис о том, что язык и мышление возникают и существуют во взаимосвязи, в третьей показывает специфику как языка, так и мышления и, наконец, в четвертой утверждает: «Марксистско-ленинские положения о неразрывной связи языка и мышления, о роли языка в познании, развитые И. В. Сталиным,— острейшее оружие в борьбе с идеализмом в философии и языкознании» (стр. 63). В статье подробно представлены высказывания Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о связи языка и мышления и приведен комментарий к этим высказываниям. Кроме того, в первой главе изложено учение акад. И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах, которое рассматривается как естественно-научная основа учения классиков марксизма-ленинизма о единстве языка и мышления. По ходу изложения во всех случаях, где это необходимо, автор дает критику ошибочных положений акад. Н. Я. Марра.

Расценивая в целом работу А. В. Вострикова как нужную, подробно ориентирующую читателя во взглядах классиков марксизма-ленинизма на данный вопрос, мы не можем, однако, не сделать некоторых замечаний.

1. Читателю статьи не становится ясным, где границы между такими взаимосвязанными категориями, как сознание и мышление. На стр. 51 мы читаем о том, что предметы природы, их свойства и законы природы отражаются в сознании человека, а на стр. 58—59 говорится о мышлении как свойстве человеческого мозга отражать объективный мир. Все это так, но нам кажется, что А. В. Вострикову следовало бы пойти дальше и показать, чем отличается специфика отражения, присущая сознанию, от специфики отражения, присущей мышлению, что сейчас очень важно и для философии, и для лингвистики — в плане уяснения соотношения: а) языка и сознания, б) языка и мышления.

2. На стр. 53 при изложении учения И. П. Павлова автор говорит об образном мышлении. К сожалению, на протяжении всей статьи он не затрагивает вопроса о термине, принятом в искусствоведческой литературе: «образное мышление художника».

3. Что такое умственный образ? А. В. Востриков делит образы на наглядные и умственные. «Понятие качественно отличается,— пишет автор,— от ощущений, восприятий и представлений. Если последние представляют собой наглядные (разрядка наша.— *С. Ф.*) образы предметов и явлений, то понятие есть мысль о предмете или умственный (разрядка наша. — *С. Ф.*) образ» (стр. 61). О каком умственном образе идет речь, если понятие выражается в слове? Может быть, автор имеет здесь в виду образ слова (звучащего или написанного), возникающий в нашем сознании в известных условиях и отличающийся от самого слова (звучащего или написанного)? Не ясно.

4. Советская лингвистика ушла далеко от того определения слова, которым пользуется А. В. Востриков. «Слово,— полагает он,— представляет звуковой комплекс, имеющий определенный смысл и значение» (стр. 60). Почти то же мы находим в литографированном издании курса лекций Ф. Ф. Фортунатова, относящемся к 1899—1900 годам. «Всякий звук речи,— говорил он,— имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово»[5]. В исследовании природы слова — это пройденный этап. К данному вопросу мы возвратимся при рассмотрении статьи Е. М. Галкиной-Федорук.

---

[3] Ср. П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 140—141.

[4] А. В. Востриков, Классики марксизма-ленинизма о связи языка и мышления, «Вопросы философии», М., 1952, № 3, стр. 47—64.

[5] Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, Лекции, читанные в 1899—1900 году, Б. м. и г., стр. 186.

5. А. В. Востриков усматривает в слове смысл и значение. Выражение «смысл и значение» противоречит сталинскому термину «смысловое значение»[6] слова, о чем дальше будет сказано подробнее.

6. А. В. Востриков разные слова-омонимы считает «одним и тем же словом», которым можно «назвать совершенно разные по своей природе вещи. Например, слово „коса" обозначает прическу, узкий мыс, орудие и т. д.» (стр. 60). На самом деле здесь три омонима, т. е. три разных слова, в чем нетрудно убедиться, обратившись хотя бы к толковому словарю под ред. Д. Н. Ушакова или к такому же словарю С. И. Ожегова. Подобная беспечность в отношении основных фактов лексикологии будет тормозить исследование проблемы соотношения языка и мышления, в частности смыслового значения слова и обозначаемого им понятия.

Несмотря на указанные замечания, работы Н. П. Антонова и А. В. Вострикова послужат полезными пособиями, систематизирующими имеющиеся в разных трудах высказывания классиков марксизма-ленинизма о неразрывной связи языка и мышления.

Переходим к статье проф. П. С. Попова[7]. Научное изучение языка, указывает П. С. Попов, возможно лишь в связи с изучением мышления, и, наоборот, изучение мышления «с материалистической точки зрения плодотворно лишь в связи с соответствующими языковыми явлениями» (стр. 48). Отметив, что без слов не могло бы быть понятий, П. С. Попов пишет: «В речи мы не только формулируем мысль, но в то же время мы и формируем» (стр. 50). Приведя далее соответствующие положения И. В. Сталина, автор останавливается на вопросе о внутренней речи, рассматривая ее в свете сталинского учения о единстве языка и мышления как чувственную материальную основу мышления и показывая ее особенности. В то же время П. С. Попов неясно высказывается (стр. 52) об отношении внутренней речи к речи обычной. Здесь, вероятно, целесообразнее было бы говорить о разных процессах (или видах) мышления, получающих свое выражение в разных речевых процессах: или во внутренней речи, или в речи обычной. Не совсем ясно также, что хочет сказать автор, когда пишет: «...у людей в процессе трудовой практики возникает необходимость общения мыслями. И уже после этого преобразованием этого мыслительного общения является мышление для себя и про себя» (стр. 52).

Затем П. С. Попов, исходя из сталинского учения о языке, различает, с одной стороны, формы и законы мышления, а с другой— его конкретное содержание, причем, указывает он, ненадстроечный и неклассовый характер имеют лишь законы (например, закон тождества, противоречия и др.) и формы мышления (например, понятие, суждение, умозаключение и др.), но не содержание его, которое может быть как классовым, если имеются элементы идеологические, так и неклассовым, если они отсутствуют. Далее. Язык, не будучи классовым по своей природе, является важнейшим признаком нации, а законы и формы мышления не имеют ни национальных, ни классовых черт. Таким образом, формы мышления — общечеловеческие, чего никак нельзя сказать о формах языков. В том же плане автор говорит о необходимости разграничивать семантику отдельно взятых слов и семантику мысли, выражаемой этими же самыми словами. Подобно языку, продолжает проф. П. С. Попов, неклассовый характер имеют психо-физиологические способности человека ощущать, воспринимать, представлять и мыслить. Это не значит, конечно, что данные явления — неразвивающиеся, внеисторические.

Из дальнейших рассуждений П. С. Попова следует, что развитие логики как науки должно пойти путем приближения ее системы к системе языкознания, так как логика — это продолжение семасиологии исторически сложившихся конкретных живых языков, которые являются базой логики так же, «как содержание ощущений является базой мыслительной деятельности, но ее не покрывает и не исчерпывает» (стр. 56). В связи с этим в редакционной статье журнала «Вопросы языкознания» было справедливо указано следующее: «Аналогия между языком и ощущениями — крайне рискованная аналогия. Становится тем более непонятным, о семасиологии каких языков идет речь и нет ли тут смешения приема раскрытия логических категорий и операций при помощи материала того или иного языка с внутренним содержанием самой логики как науки. Во всех этих рассуждениях язык берется как общее, внеисторическое и вненациональное понятие, как язык вообще, хотя в качестве иллюстрации того, как языковые показатели оказываются определяющими и обосновывающими важнейшие понятия и категории логики, приводятся факты латинского и современного русского языка. Особенно важными для логики представляются П. С. Попову явления „живых языков"...

Во всяком случае необходимо признать, что попытки разъяснить взаимоотношение и взаимодействие логики и грамматики, логики и семасиологии... пока еще не дали

---

[6] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 10.

[7] П. С. Попов, Учение И. В. Сталина о единстве языка и мышления и задачи логики, «Вестник Моск. ун-та», 1951, № 9, Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 47—61.

ничего конкретно нового и поучительного для самого языкознания»[8]. Заслуживает также внимания и еще одно замечание редакции: «Стремление сблизить логику с языкознанием заводит некоторых логиков очень далеко»[9].

В конце статьи П. С. Попов призывает лингвистов учитывать, выявлять в языке понятийное содержание (стр. 60). Здесь необходимы три поправки. Во-первых, что такое содержание понятия? Как не может быть слов, не оформленных грамматически, так не может быть и понятий, не оформленных логически: частные и конкретные понятия — это своего рода «строительный материал» мышления, поступающий в распоряжение логического строя. Не следует ли поэтому различать в понятии значения смысловое и собственно логическое, соотносительные со смысловым и грамматическим значениями слова? Во-вторых, в языке выражается не только понятийное, но и всякое иное логическое содержание. В-третьих, наконец, в языке выражается не только логическое, но также психологическое и смысловое (семасиологическое) содержание.

Языковеды-исследователи не могут, разумеется, допускать смешение разных аспектов в содержании языка или сводить их к чему-то одному, как это получилось у П. С. Попова. К данному вопросу мы вернемся несколько ниже и проанализируем его при обзоре следующей работы. В заключение надо сказать, что статья П. С. Попова интересна поставленными в ней вопросами, хотя не все они оказались разрешенными[10].

Рассмотрим теперь опубликованную стенограмму лекции А. Г. Спиркина[11]. Лекция распадается на ряд глав: «Язык как средство общения»; «Язык как орудие познания действительности»; «Специфические особенности языка и мышления»; «Логика и грамматика»; «Общечеловеческий характер законов мышления и национальный характер языка». По перечисленным вопросам читатель найдет в книге интересный материал, изложенный в сжатом виде и представляющий собой нечто вроде итогов современного научного знания. В лекции подвергнуты критике порочные положения акад. Н. Я. Марра, извращавшего марксизм в языкознании, в частности в области соотношения языка и мышления.

Исходя из сталинского учения о языке, А. Г. Спиркин высказывает новые соображения, например: «Отличительная черта логики состоит в том, что она исследует законы и формы мышления, имея в виду не конкретные понятия, а вообще понятия без какой-либо конкретности; она берет законы связи понятий в суждении, имея в виду не конкретные суждения, а вообще всякие суждения или умозаключения, безотносительно к конкретному содержанию того или иного суждения или умозаключения» (стр. 25).

Выделим некоторые из освещаемых лектором вопросов, преимущественно те, которые, являясь менее изученными, оказались поэтому изложенными менее точно и ясно. Мышление рассматривается в брошюре с двух сторон: как функция мозга и как форма отражения действительности в голове человека. В целях большей полноты следовало бы показать также мышление как процесс: о процессе мышления говорит К. Маркс[12].

Автор, как и П. С. Попов, касается также проблемы содержания мышления в отличие от его формы. Что же такое содержание мышления? Содержание мышления — это отраженная в мозгу человека объективная реальность. На стр. 31 читаем: «Мировоззрение, идеология, относящиеся не к формам мышления, а к его содержанию, носят надстроечный, классовый характер». Значит, в содержании мышления А. Г. Спиркин различает элементы классовые и неклассовые. В то же время он говорит о неклас-

---

[8] Два года движения советского языкознания по новому пути [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 9.

[9] Там же.

[10] С этой статьей проф. П. С. Попова связана другая, ему же принадлежащая,— «Суждение и предложение» (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., Учпедгиз, 1950, стр. 5—35). О последней см. В. И. Борковский, Вопросы синтаксиса современного русского языка, «Советская книга», М., 1951, № 7, стр. 96. См. также А. Чикобава, Новые работы по языкознанию, «Правда» 9 апреля 1951 г.

[11] А. Г. Спиркин, Вопросы языка и мышления в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, Стеногр. публ. лекции, прочит. в О-ве по распростр. полит. и науч. знаний в Москве, М., «Правда», 1951, 31 стр.

[12] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 525. В брошюре А. Г. Спиркина соответствующее высказывание Маркса приведено на стр. 26, но по другому поводу. На стр. 14 находим следующее замечание А. Г. Спиркина: «Человек отражает мир в своей голове в процессе мышления». Ср. также на стр. 20: «...важная роль грамматики определяется самой сущностью языка как средства общения, как орудия процесса мышления...» (в обоих случаях разрядка наша.— *С. Ф.*). Кроме того, о мышлении как процессе А. Г. Спиркин упоминает дважды на стр. 9. Все эти замечания А. Г. Спиркина, как видим, затрагивают вопрос, но не раскрывают его.

совом характере законов и форм мышления, не являющихся к тому же и национальными.

К сожалению, неясно затронут в брошюре вопрос, близкий к рассматриваемому, о характере метода мышления. На стр. 30 читаем: «...метод мышления, способ изучения явлений действительности являются составной частью мировоззрения, а мировоззрение в классовом обществе выражает интересы определенных классов». Значит, если мировоззрение классово по своей природе, то и метод мышления как его составная часть имеет также классовый характер? Или нет? Вопрос этот у читателя возникает, но ответа автор не дает.

Особенно большое место А. Г. Спиркин отводит проблеме соотношения языка и мышления. Лектор утверждает, что язык — это средство «обобщенного и опосредствованного отражения действительности» (стр. 9). Да, в свете сталинского учения о языке это именно так. И. В. Сталин учит: «...язык о т р а ж а е т (разрядка наша.— *С. Ф.*) изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе»[13]. Далее И. В. Сталин говорит: «Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно о т р а ж а я (разрядка наша.— *С. Ф.*) эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй»[14].

Но в дальнейшем, неожиданно для читателя, лектор утверждает обратное, стало быть, и неверное: язык, по мнению автора, не отражает действительность. «Действительность,— пишет А. Г. Спиркин,— отражается не в слове, обозначающем предмет и фиксирующем понятие, а в понятии, которое выражается словом» (стр. 19). В доказательство этого ошибочного положения лектор ссылается на следующие слова Маркса: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой». Совершенно очевидно, что приведенное изречение сюда не относится: указание на отсутствие общего у н а з в а н и я вещи с ее природой не есть отрицание отражения действительности в языке. Ни русское слово *окно*, ни узб. *дераза*, ни нем. *Fenster*, ни франц. *fenêtre*, ни англ. *window* — ни одно из них не связано с природой окна как вещи, предмета, но в каждом из них через понятие окна отражается известная часть действительности.

И слова, не обозначающие понятий, также отражают действительность, но через иные логические формы: какие именно, скажут логики. Предположить возможность существования слов без логического содержания означало бы допустить отрыв языка от мышления. Кроме того, действительность отражается в слове и через заключенное в нем смысловое значение. Следовательно, отражение действительности в словах (в словарном составе языка) опосредствованное.

Два слова о внутренней речи.

Основной тезис автора правилен: «Мышление, осуществляющееся на основе внутренней речи, получает свое полное выражение во внешней речи» (стр. 11). Но, говоря об известном афоризме Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», А. Г. Спиркин по существу, просто отмахивается от него. Он пишет: «Ложная мысль, и не будучи „изреченной", остается ложной» (стр. 11). Но, во-первых, и не «изреченная» мысль, если она мысль, на самом деле и з р е ч е н а — на основе внутренней речи; во-вторых, читатель ожидает здесь хотя бы самых кратких замечаний о разнице между мышлением на основе внутренней речи и мышлением на основе внешней речи.

Для дальнейшего развития науки о языке чрезвычайно важно разрешение проблемы соотношения смыслового значения слова и понятия. Прежде чем обратиться к положениям, выдвигаемым А. Г. Спиркиным, рассмотрим вопрос о смысловом значении слова. Слово в лингвистическом аспекте заключает в себе разные значения: смысловые, экспрессивно-стилистические[15], грамматические; они являются взаимосвязанными, взаимопроникающими. Термин «смысловое значение» слова отныне должен войти в инвентарь понятий, категорий языковедческой науки: этот термин использует И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания». Говоря об изменениях, происшедших в русском языке со времени смерти Пушкина, И. В. Сталин пишет: «Что изменилось за это время в русском языке? Серьёзно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось с м ы с л о в о е з н а ч е н и е (разрядка наша.— *С. Ф.*) значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка»[16]. В том же труде И. В. Сталин указывает: «Смысловая сторона слов и выражений имеет серьёзное значение в деле изучения языка»[17].

Смысловое значение слова — это категория как лексики, так и семантики. До сих пор в лингвистике вместо термина «смысловое значение слова» употреблялся тер-

---

[13] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.
[14] Там же.
[15] О стилистических значениях А. Г. Спиркин говорит на стр. 19—20.
[16] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9—10.
[17] Там же, стр. 37—38.

мин «лексическое значение», менее точный по сравнению с первым. Очевидно, правильно было бы понимать лексическое, или словесное, значение как систему заключенных в слове значений смысловых, экспрессивно-стилистических и грамматических.

Итак, в слове мы выделяем прежде всего смысловое значение. Однако А. Г. Спиркин не пользуется только что названным научным понятием, не отграничивает его от категорий логики и психологии и поэтому ему не удается найти единый принцип, которым бы он мог руководствоваться и который он мог бы последовательно проводить в своем изложении. Автор, скажем прямо, сбивается с одного принципа на другой.

Прежде всего А. Г. Спиркин определяет значение слова как «связь данного звукового комплекса с понятием» (стр. 18). Как видим, лектор по существу говорит здесь о смысловом значении и опирается при этом на логический принцип. В следующем абзаце снова говорится о смысловом значении, но уже без обращения к логической основе: «Значение слова — это отнесенность данного звукового комплекса к тем явлениям реальной действительности и фактам психической жизни человека, которые данный звуковой комплекс обозначает» (стр. 18).

В дальнейшем, и очень скоро, рассуждения лектора направляются снова в сторону логики. В начале следующей страницы он утверждает, что слово «обозначает предмет» и «фиксирует понятие» (стр. 19). Дальше эта линия углубляется. На той же странице А. Г. Спиркин пишет: «...связь слова с каким-либо... понятием... образует... значение слова»,— т. е. опять повторяет сказанное на предшествующей странице. Слово, рассуждает лектор, может быть связано как с одним понятием, так и более чем с одним. В первом случае связь однозначна (моносемия? — *С. Ф.*), в остальных — неоднозначна (полисемия? — *С. Ф.*). Слово, по А. Г. Спиркину, может быть связано с основным понятием, и тогда оно обладает основным значением; в то же время слово может быть связано с неосновным понятием (или с неосновными понятиями), и тогда оно обладает неосновным значением (или неосновными значениями). Неосновные значения—это значения переносные, производные (стр. 19). Таков ход мыслей А. Г. Спиркина. Основа их как видим, логическая. Это во-первых. А во-вторых, в приведенных суждениях лектора много неясного. Обратимся к примерам. Возьмем глагол *идти* и рассмотрим его в двух предложениях: 1) студент *идет* в институт; 2) лед *идет*. Прежде всего неясно: слово *идти* обозначает здесь одно и то же логическое понятие или разные? И далее, если оно обозначает разные понятия, то которое из них является основным, а которое неосновным? Где критерий для разграничения основных и неосновных понятий?

Обращаемся к стр. 20, где лексическое значение слова понимается автором в качестве суммы таких слагаемых, как понятия, образы и эмоции: «...установление лексического значения слова означает раскрытие связей данного слова с теми понятиями, образами и эмоциональными моментами, которые оно выражает или вызывает в нашем сознании». В этих строках вопрос о смысловом значении слова освещается не только в логическом аспекте, но и в психологическом. Значит, А. Г. Спиркин понимает смысловое значение в одних случаях как категорию лингвистическую, в других — как логическую, а в третьих— как логическую и психологическую вместе.

И. В. Сталин указывает: «Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления...»[18] И смысловое значение слов, и понятия, ими обозначаемые, и многое другое — все это «результаты работы мышления». Слово, обладая смысловым значением, обозначает те или иные предметы, явления, процессы объективной реальности. Для лингвиста этот материал, заключенный в слове,— смысловое значение, для логика и психолога — в одном случае понятие, в другом — представление или что-либо иное. Обратимся к примеру. Смысловое значение слова *стол* — предмет лексики и семантики (такие значения слов указываются, как всем известно, в толковых словарях). Кроме того, в содержании того же самого слова можно выделить значения: а) представления о столе и б) понятия стола. Таким образом, исследование смыслового значения слова — это один аспект, а выявление в слове, собственно говоря, психологического и логического «значений» — другой. Слово есть нечто, вмещающее в себе сосуществующие смысловое значение, понятия, представления, образы, эмоции и пр. В слове происходят взаимные трансформации смыслового значения в понятия или представления и наоборот; имеют место и другие взаимопереходы.

Наблюдаемая у А. Г. Спиркина неразграниченность смыслового значения и соотносительных с ним категорий логики и психологии неприемлема потому, что может дать повод к истолкованию языка как явления не общественного, а психологического, между тем выражение в языке явлений психики ни в коей мере не самостоятельно: оно подчинено целям общения, целям «...обмена мыслями в обществе...»[19], поэтому следует признать ошибочным неразличение смыслового значения и понятия, заключенных в слове. При всей их близости и взаимосвязи они не тождественны.

---

[18] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.
[19] См. там же, стр. 36.

Во-первых, не во всех словах одинаково соотношение смыслового значения и понятия, которые в словах-терминах равны друг другу, а в словах, обладающих полисемией, могут быть и равны, и не равны. Во-вторых, сам же А. Г. Спиркин правильно констатирует общечеловеческий характер законов и форм мышления и национальный характер языка. А что отсюда следует? Только то, что понятия имеют общечеловеческий характер, а смысловое значение слова — национальный, и это действительно подтверждается тем фактом, что какое-либо слово одного языка при переводе на другой сплошь и рядом отличается от оригинала не как одно понятие от другого, а теми оттенками, система которых и составляет смысловое значение слова, являющееся общенародным для каждого из носителей этих языков.

Где причина указанного заблуждения А. Г. Спиркина? Язык связан с психической деятельностью человека; через мышление она выражается в языке. Маркс и Энгельс определяют язык как «...практическое... действительное сознание...»[20] И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания» приводит следующие слова Маркса: «Язык есть непосредственная действительность мысли». Следовательно, классики марксизма-ленинизма подчеркивают теснейшую связь сознания, мышления и языка. В свете этого положения, а также в свете ленинской теории отражения мы можем сказать, что источник образования смыслового значения, выражаемого в слове, понятий, представлений, образов и т. д., также выражаемых в слове,— один, это отраженная в мозгу человека объективная действительность. Таким образом, очевидна связь (по общему источнику) тех категорий, которые получают жизнь в слове. Из этой близости их, очевидно, и проистекает то, что они оказываются у А. Г. Спиркина неразграниченными. Совершенно ясно, что между ними есть нечто общее, но есть и нечто различное. Задача исследователей — выявить главным образом это различное.

И. В. Сталин направляет внимание исследователей не на общее, а именно на различное: «...у общественных явлений, кроме... общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»[21]. Следовательно, каждый из объектов каждой из наук имеет свои специфические особенности. Недопустимо смешение ни объектов, ни аспектов разных наук.

Это не означает, конечно, того, что лингвист может исследовать связь языка и мышления только в плоскости анализа смысловых значений слов и выражений. Нет, изучение проблемы может идти и в плоскости соотношения слова и понятия, предложения и суждения, в плоскости соотношения заключенных в слове смыслового значения и понятия или представления и т. д. Но ясно, что во всех случаях специфика науки о языке не утрачивается, а сохраняется. Это положение остается в силе, если исследование той же проблемы ведется не лингвистом, а логиком или психологом: неразличение аспектов разных наук не может быть оправдано. И для исследователя-философа это требование не снимается.

Перед языковедами, философами, логиками и психологами в свете сталинских указаний возникает теперь задача исследования соотношения в слове категорий лексики и семантики, с одной стороны, и категорий логики, а также и психологии — с другой, конечно, при обязательном условии выявления специфики как первых, так и вторых.

Смысловая сторона языка — область семантики, «одной из важных частей языкознания». Из этого указания И. В. Сталина совершенно ясно, что семантика (семасиология), соприкасающаяся с логикой и психологией, не подменяется ими и не сливается с ними, а остается в системе языкознания. Поэтому не следует расширять границы семантики слова настолько, что в нее будут включаться и в ней будут выискиваться разнообразные категории логики и психологии. Мышление изучается языкознанием, логикой, психологией и физиологией, поэтому слово может стать объектом исследования и логиков, и психологов, и физиологов, которые наблюдают явления, их интересующие, но смысловое значение слова как один из объектов языкознания всегда остается самим собою. Нельзя насыщать его ни логическим, ни психологическим содержанием: языкознание, логика и психология — науки, соприкасающиеся одна с другой, но не вторгающиеся одна в другую. У каждой из этих наук, несмотря на их взаимосвязь,— свои задачи, свои объекты, соотносительные между собою.

Мы должны исходить из следующего указания И. В. Сталина: «...язык является объектом изучения самостоятельной науки,— языкознания»[22], которая (наука) ограничивается в данном случае пределами значений слова (смысловых, экспрессивно-стилистических, грамматических), так как все остальное лежит за ее очертаниями или во всяком случае находится где-то на границе между языкознанием, с одной стороны, и логикой и психологией — с другой. Лингвистика изучает разные элементы, стороны языка: основной словарный фонд и грамматический строй, составляющие основу языка, сущность его специфики, словарный состав, звуки и прочее и в том числе «смысловую сторону слов и выражений» (Сталин), исследуемую в категориях семанти-

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.
[21] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 35.
[22] Там же, стр. 36.

ки (семасиологии), причем мы руководствуемся следующим сталинским указанием: «...разрабатывая вопросы семантики и используя её данные, никоим образом нельзя переоценивать её значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею»[23]. Конечно, среди лингвистических наук грамматике принадлежит особое место: «...именно благодаря грамматике,— учит И. В. Сталин,— язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку»[24].

Итак, наука о языке изучает лишь языковое выражение мышления. Здесь граница. Задача состоит в том, чтобы не допустить смешения семантики (семасиологии) с сопредельными науками. А такая тенденция в рассматриваемой брошюре есть. Тем не менее лекция А. Г. Спиркина при всех очевидных ее недостатках является своевременной и нужной сейчас попыткой искания путей, ведущих к разрешению такой трудной проблемы, как соотношение языка и мышления.

Все рассмотренные выше работы принадлежат представителям философских наук, и только последняя, к которой мы теперь обращаемся, написана лингвистом — проф. Е. М. Галкиной-Федорук[25]. В статье выделены следующие части: «Введение», «К вопросу о слове», «К вопросу о понятии», «Соотношение понятия и значения в слове». Эти главы определяются задачами, которые ставит перед собою автор: «1) понять природу слова, 2) выявить его значение и 3) установить соотношение слова и понятия, понятия и значения» (стр. 107). Постановка этих задач обоснована совершенно правильно: «После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию стало невозможным изучение языка в отрыве от мышления» (стр. 105).

Обращаемся к первой главе «К вопросу о слове». Освещение этого вопроса начинается еще во «Введении». Проф. Е. М. Галкина-Федорук выделяет в слове следующие стороны: фонетическую, лексическую, грамматическую и категориально-логическую. Фонетическая сторона слова — его звуковой состав, иначе его «природная материя»; лексическая — лексическое (в традиционном понимании) значение слова; грамматическая — грамматическое значение слова; наконец, категориально-логическая сторона — это соответствие слова единице мышления: «слово является оболочкой известной формы мысли» (стр. 109). Мы находим и определение слова, которое есть «единица человеческой речи, состоящая из комплексов звуков, обозначающих содержание явлений действительности, и выражающая отношение к действительности, грамматически оформленная и понимаемая коллективом людей, объединенных исторической общностью» (стр. 109). Отношение слова к действительности, понимание его коллективом говорящих — это то новое в определении, что характеризует достижения советского языкознания. Однако за словом «понимаемая» следовало бы вставить «в процессе общения»: определение стало бы более точным и лучше выразило бы то понимание слова, которого придерживается Е. М. Галкина-Федорук, подчеркивающая (на предшествующей странице), что слово как единица языка служит средством общения.

Далее автор отграничивает слово от словосочетания и предложения, а затем доказывает, что между словом и называемой им вещью органической связи нет. Звуковой комплекс слова — это знак вещи, предмета, явления. Только в этом случае термин «знак» не имеет ничего общего со знаковой теорией, которую в языкознании можно понимать и материалистически, и идеалистически. Если же рассматривать как знак не звуковой комплекс, а отражение вещи, понятие, заключенное в слове, то это уже — проявление идеализма. Е. М. Галкина-Федорук подвергает критике идеи Потебни и младограмматиков, стоявших в этом вопросе как раз на такой точке зрения. «Видеть в слове знак знака мысли,— говорит она,— это значит — скатиться к знаковой, иероглифической теории, против которой так резко выступил В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», обвиняя Гельмгольца и Плеханова в агностицизме, в символическом понимании явлений мира... Поэтому знаком в слове можно считать только его звуковой комплекс, но не понятие» (стр. 113). Таким образом, Е. М. Галкина-Федорук вносит некоторую ясность в неоднократно поднимавшийся на страницах советских лингвистических изданий вопрос о том, как надо понимать сущность знаковой теории в языкознании.

Правильно определяя лексическое (опять-таки в традиционном понимании) значение слова, как «его (т. е. слова.— *С. Ф.*) отнесенность к факту действительности» (стр. 113), Е. М. Галкина-Федорук делает особое замечание о предлогах. «Предлоги,— читаем мы,— хотя сами по себе не имеют единичного лексического значения, в соединении с другими словами конкретизируются в своих значениях, например... в выражениях «упал *с* трамвая», «ушел *с* отцом», «яблоко *с* голову» — значение предлога *с* будет различное» (стр. 113). В приведенной цитате нетрудно обнаружить проти-

---

[23] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 38.

[24] Там же, стр. 24.

[25] Е. М. Галкина-Федорук, Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма, «Вестник Моск. ун-та», 1951, № 9, Серия обществ. наук, вып. 4, стр 105—125.

воречие: в тезисе говорится, что предлоги «не имеют единичного лексического значения», а примеры показывают не что иное, как единичные лексические значения Впрочем, может быть, мы имеем дело с неисправленной опечаткой. Возможно, автор говорит здесь о том, что предлоги не имеют единого лексического значения. При решении вопроса о значениях предлогов мы считаем исходным моментом следующую мысль акад. В. В. Виноградова: «Связочные слова характеризуются явным преобладанием грамматических значений над лексическими»[26]. В рассматриваемой статье показывается далее, что на лексическое значение слова налагается эмоциональная окраска, субъективная оценка, причем «...значение и оценка неразрывны» (стр. 114).

Для уяснения проблемы соотношения языка и мышления очень важным является следующее утверждение Е. М. Галкиной-Федорук: «Мы не можем сомневаться,— пишет она,— что язык выражает не только элементы мышления, но и чувство, и волю. Эмоции и воля выражаются не непосредственно, а опосредствованно, осознанно, через мышление» (стр. 114).

Нельзя не пожалеть, что авторы, пишущие о языке и мышлении, часто обходят этот чрезвычайно существенный момент. Отрадным исключением являются статья Ф. И. Георгиева «Ощущение и мышление — субъективный образ объективного мира»[27], цитируемая статья Е. М. Галкиной-Федорук, а также статья Н. П. Антонова «И. М. Сеченов о происхождении и развитии мышления»[28], в которой говорится, что И. М. Сеченов отчетливо видел взаимосвязь психических процессов, в частности памяти и мышления. Излагая эти идеи И. М. Сеченова, Н. П. Антонов пишет: «Через голову человека в течение всей его жизни не проходит ни единой мысли, которая не создалась бы из элементов, зарегистрированных в памяти»[29].

Следовательно, память и другие проявления человеческой психики связаны через мышление с языком. И такой вывод не вызывает ни малейших возражений, так как «...язык,— пишут Маркс и Энгельс,— как раз и *есть* практическое... действительное сознание...»[30] Энгельс подчеркивает взаимосвязь ощущений, чувств и мышления. «К нашему глазу,— пишет он,— присоединяются не только еще другие чувства, но и деятельность нашего мышления»[31]. Поэтому постановка Е. М. Галкиной-Федорук вопроса о выражении в языке не только мышления, но и чувств, и воли через мышление является правильной.

В главе «К вопросу о понятии» Е. М. Галкина-Федорук, вскрывая логическую сторону слова, констатирует: «Всякое понятие реализуется, выявляется в слове или в словосочетании. Без слова понятий не существует» (стр. 117).

В последней части статьи, именуемой «Соотношение понятия и значения в слове», говорится, что «не все слова выражают понятия, но все имеют значение» (стр. 120). «В разных словах понятие и значение слова находятся в различных отношениях» (стр. 121), и «никак нельзя отождествлять логическое понятие и словесное значение в слове» (стр. 124): понятия включают только существенные признаки, а в основу развития значения слова может лечь и несущественный признак. Автор говорит: «В большинстве слов значение и понятие совпадают, образуя единое логико-предметное значение, но такое явление наблюдается далеко не во всех словах. Например, все междометия понятий не образуют. Нет понятий, как логических категорий, и в некоторых местоимениях, и в словах-союзах, частицах» (стр. 124—125), и в собственных именах существительных (стр. 120).

Что есть слова, не выражающие понятий,— это действительно так. Но здесь, в свете сталинского учения о единстве языка и мышления, возникает проблема: если какое-то слово не заключает в себе понятия, то оно (слово) должно иметь какое-то иное логическое содержание. Какое именно? Ведь каждое слово есть материальная оболочка если не мысли в целом, то ее элементов. Соглашаясь с Е. М. Галкиной-Федорук в том, что «слова-междометия, выражающие чувство, волю..., логических понятий не заключают, так как не имеют предметно-логического значения...» (стр. 125), мы должны помнить, что логические значения в словах — не только предметно-логические. Это во-первых. Во-вторых, разные психические процессы получают свое выражение в речи через мышление, следовательно, и междометия выражают в словах чувство, волю не непосредственно, а опосредствованно—только через мышление, а раз так, то и в междометиях, и в подобных им словах присутствует некое логическое содержание, в одних случаях в большей, в других — в меньшей мере. Выявить и определить его — задача специального исследования.

---

[26] В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 34.
[27] См. «Вестник Моск. ун-та», 1948, № 6.
[28] См. «Ученые записки» Ивановского гос. пед. ин-та, т. III. Исторические и педагогические науки, Иваново, 1952, стр. 217—241.
[29] Там же, стр. 236.
[30] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.
[31] Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1952, стр. 190.

Статья проф. Е. М. Галкиной-Федорук, читающаяся с большим интересом, помогает разрешению рассматриваемой проблемы[32].

*

Все рассмотренные работы вызваны к жизни классическим трудом И. В. Сталина по языкознанию. В них, как мы видели, собраны, систематизированы и прокомментированы высказывания классиков марксизма-ленинизма, а также затронуты разнообразные вопросы, входящие в проблему взаимосвязи языка и мышления: семантика (семасиология) и логика, соотношение смыслового значения слова и понятия и др. Сделаны первые, порою, может быть, робкие шаги, но бесспорно — начало положено.

Впереди — огромные задачи. В свете сталинского учения о языке ощущается настоятельная потребность в создании специальных монографий по следующим вопросам: язык и сознание; язык и мышление; сознание и мышление[33]; мышление на основе внутренней речи; мышление на основе устной речи; мышление на основе письменной речи; грамматика и логика; лексика и логика; семантика (семасиология) и лексика; семантика и грамматика; семантика и логика; смысловое значение слова и понятие; семантика и психология; смысловое значение слова и выражение через мышление в слове (в языке) различных проявлений психической деятельности человека; а также: память, мышление и язык; воображение, мышление и язык; эмоции, мышление и язык; воля, мышление и язык и многие другие. Все эти темы очень тесно между собой связаны.

Создание таких монографий на основе марксизма-ленинизма приведет советскую науку к всестороннему разрешению сложнейшей проблемы взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимопроникновения языка и мышления.

С. А. Фессалоницкий

От редакции. Ниже приводится перечень некоторых работ, затрагивающих вопрос о связи языка и мышления и не нашедших своего отражения в обзоре С. А. Фессалоницкого.

Агаян Э. Качественные переходы в языке.— «Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 9, стр. 25—46.— На арм. яз. Александров Г. Ф. Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинской теории познания в трудах по вопросам языкознания.— «Вестник АН СССР», М., 1952, № 6, стр. 5—21. Александров Г. Ф. Труды И. В. Сталина о языкознании и вопросы исторического материализма.— [М.], Госполитиздат, 1952. 512 стр. (Ин-т философии АН СССР.) Алексеев М. Н. Суждение и предложение. Автореферат канд. дисс.— М., 1950. 14 стр. [Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.] Анцыферова Л. И. Учение академика И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и проблема мышления. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. [Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.] Бунак В. В. Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии.— «Советская этнография», М.—Л., 1951, № 3, стр. 41—53. Виноградов В. В. Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС.— «Вопросы языкознания», М., 1953, № 1, стр. 3—33. Виноградов В. В. Критика антимарксистских концепций стадиальности в развитии языка и мышления (1923—1940).— Сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». Ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 60—150. Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». [Сб. статей.]— М., Изд-во АН СССР (Ин-т философии.) [Вып. 1] — 2-е, доп. изд., 1951. 456 стр. Вып. 2—1952. 320 стр. Гаприндашвили Ш. Г. К вопросу о природе развития языка.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 181—206.— На груз. яз. Резюме на русск. яз. Кирюшин П. М. Единство языка и мышления в свете учения И. В. Сталина о языке.— «Известия АН БССР», Минск, 1952, № 4, стр. 3—15. Корчагин А. А. Суждение и предложение в свете сталинского учения о единстве мышления и языка. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.) Костюк Г. С. Взаимоотношение языка и мышления в свете труда И. В. Сталина по языкознанию.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 3, стр. 11—22.— На укр. яз. Леонов М. А. Вопросы марксистской

[32] К перечисленным в обзоре работам по вопросам языка и мышления примыкает также статья Н. А. Кондрашова и А. Г. Спиркина «Происхождение языка и мышления», помещенная в сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952. О ней см. в рецензии Р. А. Будагова и В. Н. Ярцевой, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 113.

[33] Вопрос о границах между категориями сознания и мышления игнорируется во всех работах. Достаточно сказать, что ожидаемой статьи о сознании не появилось и в новом, третьем, издании «Краткого философского словаря», под ред. М. Розенталя и П. Юдина (Госполитиздат, 1952).

теории познания в свете труда И. В. Сталина по языкознанию.— «Вопросы философии», [М.], 1952, № 5, стр. 115—131. Ломтадзе Э. А. К вопросу о природе развития языка.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, 1952, стр. 137—180.— На груз. яз. Резюме на русск. яз. Маковельский А. Учение о взаимоотношении языка и мышления в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания.— Сб. «Труды И. В. Сталина по языкознанию и вопросы азербайджанского языкознания», Баку, 1952, стр. 19—28. Мешкаускас Е. Вопросы взаимоотношения языка и мышления в свете труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».— «Вестник АН Литов. ССР», Вильнюс, 1952, № 9, стр. 66—75.— На литов. яз. Мовсесян А. Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина о языке.— Сб. «Исследования по языкознанию и арменоведению». Т. I. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1951, стр. 19—38. Надирашвили Ш. Психология речи и мышления в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.— Сб. «Шестая науч. конференция аспирантов. 10—12 июня 1952 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, Изд-во ун-та, 1952, стр. 19—21.— На груз. яз. Николенко Д. Ф. Развитие мышления и языка у детей дошкольного возраста.— «Дошкільне виховання», Киев, 1951, № 2, стр. 5—12.— На укр. яз. Рамишвили Д. И. К вопросу о взаимоотношении процессов мышления и речи в идеалистической и советской психологии.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 427—482. Рамишвили Д. И. Проблема взаимоотношения речи и мышления в свете учения товарища Сталина о языке.— Сб. «Дискуссия на тему: „Некоторые вопросы советской психологии". 8—10 апреля. Тезисы докладов». Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 22—30. Соколов В. С. Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинского учения о единстве языка и мышления. Автореферат канд. дисс.— М., 1952, 15 стр. (Моск. обл. пед. ин-т Мин-ва просв. РСФСР.) Спиркин А. Г. Учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах — естественно-научная основа сталинского учения о языке.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», М., 1951, № 3, стр. 221—236. Стычинский И. Л. Мышление и речь.— «Халық мұғалімі», Алма-Ата, 1951, № 4, стр. 30—42. Таванец П. В. Суждение и предложение.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», М., 1951, № 2, стр. 155—164. Чернокозова В. Н. Суждение и предложение в свете учения И. В. Сталина о единстве языка и мышления. Канд. дисс.— Иркутск, 1951. 518 л. (Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова.)— Напеч. на пиш. маш.— Библиогр. л. 509—516. Шемякин Ф. Н. Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— Сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 291—331. Шорохова Е. В. Учение И. П. Павлова о сигнальных системах.— Сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 332—369. Штофф В. А. Развитие товарищем Сталиным марксистско-ленинского учения о языке и мышлении.— Сб. «Науч. сессия [Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова]. 1950 г. Тезисы докладов по секции философ. наук», Л., 1950, стр. 9—13.

Словарь русского языка. 52 000 слов. Сост. *С. И. Ожегов.* Под общ. ред. С. П. Обнорского. 2-е изд., испр. и доп. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 848 стр.

В наши дни каждый новый языковедческий труд привлекает к себе пристальное внимание советских людей и расценивается как событие в культурной жизни страны. Естественно, что особенно живой отклик получают работы, адресуемые массовому читателю и рассчитанные на повышение культуры устной и письменной речи. К такому типу языковедческих работ принадлежит однотомный «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым. Словарь представляет собою руководство с весьма широким охватом явлений языка, подлежащих нормализации. Он указывает нормы употребления слов и образования их форм, дает правила произношения и правописания. Словарный состав языка показан здесь в реальных и разнообразных возможностях его практического использования в устной и письменной речи. Воздействие сталинского учения о языке на развитие научной мысли в области лексикографии проявляется при простом сопоставлении первого издания (1949 г.) словаря с новым его изданием (1952 г.), исправленным и дополненным, хотя все еще не свободным от недостатков.

В своем анализе мы остановимся на следующих вопросах: 1) произносительные нормы и ударение, 2) порядок расположения слов, 3) состав словника, 4) толкование значений, 5) различение омонимов, 6) метод выделения фразеологии и 7) грамматические характеристики и пометы, определяющие экспрессивные признаки слов. Иногда мы привлекаем и некоторые факты из области историографии вопроса, чтобы представить материал рецензируемого словаря в определенной исторической перспективе.

1. В историографии вопроса о русской орфоэпии рецензируемый труд занимает определенное место. Напомним, что среди ученых наблюдались значительные разногласия в характеристике современного русского литературного произношения. Так,

Л. В. Щерба, например, утверждал, что старое московское произношение в наше время «безоговорочно исчезло». По мнению Р. И. Аванесова, «дореволюционное так называемое „московское произношение" еще бытует в речевой практике, но некоторые его особенности стали уже неупотребительными, вследствие чего оно теперь не может выступать в роли „безоговорочного образца"»[1]. Признание литературного языка и, в частности, его произносительной стороны историческим явлением позволило исследователям различать новые черты, выработанные в процессе постепенного развития языка, наряду с чертами традиционными, сохранившими до наших дней свой образцовый характер. Эта точка зрения была изложена и А. С. Никулиным, который обобщил в 1941 г. материал анкетного обследования, проведенного Академией наук. Идея устойчивости московского произношения пропагандировалась Д. Н. Ушаковым, Г. О. Винокуром и А. И. Ефимовым, утверждавшими, что старые московские нормы в полной мере еще остаются общерусским произносительным образцом.

В своей характеристике состояния современного русского литературного произношения С. И. Ожегов не стоял на крайних позициях. В период публикации первого издания «Словаря русского языка» он писал о том, что в советскую эпоху «...новая интеллигенция несла в литературный язык те общие для многих диалектов черты языка народа, которые укрепляли в литературном языке многие прогрессивные тенденции его развития, не получившие значения признанной нормы». По мнению автора, в этом следует видеть «...глубокий процесс становления новых норм, на основе сочетания всех прогресивных тенденций литературного языка с животворными потоками народной речи»[2]. Во вступительной статье к первому изданию словаря С. И. Ожегов говорил не о полном исчезновении старого московского произношения, а о «процессе преобразования» его норм (стр. X).

В новом издании словаря изменен ряд формулировок орфоэпических правил и уточнены реальные отношения современной нормы к прежней произносительной традиции. Повторяя свою мысль об исторической преемственности, проявляющейся, например, в том, что современное произношение безударных гласных в основном подчиняется закономерностям, свойственным старому московскому произношению, С. И. Ожегов теперь не говорит об ослаблении московского аканья особенно в первом предударном слоге. Это был тот тезис, который раньше приводил автора к выводу об укреплении в образцовом произношении севернорусской умеренно-акающей нормы, в свое время неоднократно выдвигавшейся акад. С. П. Обнорским и названной В. А. Богородицким «восточнорусской вариацией» литературного языка.

С. И. Ожегов утверждает, что прежняя норма сохраняется в произношении *а* после *ч*, *щ* в первом предударном слоге как *е*, склонного к *и*: *чечсы*, *щечвель*. «Грамматика русского языка» Академии наук (т. 1. Фонетика и морфология.— М., Изд-во АН СССР, 1952) узаконивает такое произношение, но можно думать, что несомненная тенденция упрощать орфоэпические нормы впоследствии приведет к такой унификации, когда будет узаконено предударное *а* независимо от качества предшествующей согласной.

Наряду с указаниями на активность ряда старых орфоэпических норм, в словаре изложены отступления от тех явлений традиционного московского произношения, которые в настоящее время явно устарели. Но в образовании «новых норм» не наблюдается нарушения непрерывности развития: новая норма устанавливается в результате вытеснения одного из тех вариантов, которые раньше конкурировали в живой произносительной практике. Если, например, на месте *а* после *ж*, *ш* в первом предударном слоге, согласно старым московским нормам, звучало *ы*, то теперь нормальным в этой позиции признано *а* (*жара*, а не *жыра*; *шары*, а не *шыры*). Акад. А. А. Шахматов, наблюдавший в речи носителей литературного языка произношение *жара*, *шары*, называл его «новым», возникшим под влиянием формы им.— вин. падежа ед. числа *жар*, *шар*. Вероятно, кроме действия аналогии, в данных случаях проявлялось влияние орфографии, как одного из весьма действенных факторов развития живого произношения.

Новая норма может быть узаконена не только принятием одного варианта, ставшего господствующим, но и признанием равноправия двух вариантных форм. Еще в старых описаниях произносительной системы русского литературного языка указывалась распространенность в живой литературной речи произношения *щ* как *щьч* или как долгого мягкого *ш*. Последний вариант обычно считался образцовым, и еще в период, к которому относится характеристика А. А. Шахматовым русского литературного произношения, этот вариант выступал одним из признаков «московского наречия». О силе конкурирования того и другого варианта свидетельствует попытка И. А. Бо-

---

[1] Р. И. Аванесов, Вопросы русского литературного произношения, «Русский язык в школе», М., 1937, № 3.

[2] С. И. Ожегов, Работы по культуре речи, «Советская книга», М., 1949, № 3, стр. 113.

дуэна де Куртенэ различать по произношению *щ* две группы говорящих на русском литературном языке.

В первом издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова произношение *щ* как *щьч* было признано образцовым и господствующим, а произношение его по старой московской норме — «отмирающим». В новом издании уже указывается различие степени активности, т. е. употребительности того и другого варианта. Хотя, по мнению автора, произношение *щ* как долгого мягкого *ш* и встречается реже, но оно теперь считается «возможным». Академическая же грамматика безоговорочно признает равноправие той и другой произносительной формы.

Изменение мы находим и в формулировке правила произношения сочетаний *вж*, *жж* в составе корня, которые, как известно, в старом кодексе орфоэпических правил рекомендовалось произносить обязательно как *ж* долгое мягкое: *жужгжъать*, *приежьжъать*. Твердое долгое *ж* раньше решительно отвергалось как диалектное. В первом издании словаря С. И. Ожегов писал, что данные сочетания «произносятся как долгое твердое *ж* (при отмирающем теперь... долгом мягком *ж*)» (§ 21, п. 7). В переработанном своде орфоэпических правил (второе издание словаря) автор признал литературным тот и другой вариант. Академическая грамматика уточняет степень распространенности *ж* долгого твердого, которое, как здесь говорится, пока не так широко употребительно наряду с мягким вариантом, как *шч* при *ш* долгом мягком на месте *щ* (§ 76 и 146).

Если в рецензируемом труде указано, что согласные перед мягкими согласными на стыке приставки и корня обычно не смягчаются, например *растереть* (§ 22, п. 4), то академическая грамматика признает смягчение согласных перед $т^ь$, $д^ь$, $н^ь$, $л^ь$ «более возможным, чем в остальных случаях», и, например, произношение на стыке приставки и корня мягких *с*, *з* (*расьтереть*, *разьделать*) считает более употребительным, чем твердое их произношение (§ 136).

Расхождения рекомендаций ударений слов в разных изданиях словаря незначительны. Вообще же в словаре С. И. Ожегова есть ряд случаев недопущения акцентных колебаний, ранее признаваемых нормальными. Например, в слове *ломота* указано только ударение на суффиксе, как в словаре Даля и в том же словаре под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, а не двоякое ударение *ломо́та́* как в словаре Ушакова[3]. Принимается только ударение на корне в слове *складчина*, по прежним же нормам допускалось и ударение на суффиксе, возможно, возникшее в результате аналогии с *годи́ны*, *роди́ны*, *имени́ны*[4]. Словарем предложено ударение на корне в слове *кладбище*[5]. Из истории вопроса известно, что это ударение объяснялось наблюдавшимся в языке стремлением дифференцировать значения в словах с суффиксом *-ищ(е)* путем установления акцентных отличий слов, в которых суффикс *-ищ(е)* не имеет значения увеличительности[6].

В префиксальных существительных суффикс *-ение* чаще всего бывает ударным: *приобрете́ние*, *изобрете́ние* (но ср. *упро́чение*). Ударение же *изобре́тение*, *приобре́тение*, нередкое в разговорном языке и существующее в нем по возможной аналогии с *изобре́сть*, *приобре́сть*, не считается в рассматриваемом словаре орфоэпическим вариантом.

В первом издании словаря С. И. Ожегова было указано ударение на окончании слова *броня*, вместо возможности колебаний, признаваемой в прежних лексиконах. По наблюдениям С. П. Обнорского, это слово допускает ударение и на основе, но в литературном языке (собственно, в языке писателей), как утверждает исследователь, ударение на окончании преобладает[7]. С. И. Ожегов в переработанном издании своего труда указывает две акцентные формы и семасиологизирует разные ударения, различая по акцентным признакам омонимы (*бро́ня* — документ и акт закрепления кого-чего-н. за кем-чем-н. и *броня́* — защитная военная одежда и облицовка). «Словарь современного русского литературного языка» Академии наук (т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950) допускает двоякую возможность ударения этого слова и не различает омонимы, а академическая грамматика узаконивает в слове *броня* устойчивое ударение на окончании падежных форм ед. числа и на основе в формах мн. числа (§ 269).

Сопоставления материалов различных словарей показывают, что в глаголах

---

[3] Ср. также Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, 4-е, переработ. изд., Киев, «Радянська школа», 1949, стр. 124.

[4] См. Р. Ф. Брандт, Начертание славянской акцентологии, СПб., 1880, стр. 15.

[5] См. это слово у В. И. Чернышева в его кн. «Русское ударение», СПб., 1912, стр. 45, и в словарях Ушакова и Даля.

[6] См. Р. Ф. Брандт, указ. соч., стр. 14, и Я. Грот, Филологические разыскания, 3-е, доп. изд., т. I, СПб., 1885, стр. 426—427.

[7] См. рецензию С. П. Обнорского на «Грамматику русского языка» Р. Кошутича, II, Белград, 1914, в «Известиях Отд-ния русского языка и словесности АН», Пг., 1916, т. XXI, кн. 1, стр. 328.

с суффиксом *-ировать* наблюдается тенденция к перенесению ударения с конечного гласного суффикса на первый (гласный *и*). Автор рецензируемого словаря рекомендует ударения на суффиксе *-ир* и в глаголах *баллотировать*, *планировать*. Но другой акцентный вариант в этих словах еще не вытеснен. Он вполне допустим, хотя и более редок, как говорится в академической грамматике (§ 847).

Колебания ударений в словах иноязычного происхождения, вошедших в словарный состав русского языка, бывают иногда связаны с тем, что эти слова употребляются в разных языках, из которых шло заимствование, с разными акцентными формами. В словаре С. И. Ожегова предлагается только одно ударение тогда, когда в других источниках указывается возможность колебаний. Например, в словаре Академии наук считаются нормальными варианты ударений в словах *апо́стро́ф*, *астро́но́м*, а академическая грамматика допускает колебания ударений в слове *су́ффи́кс* (§ 251). Предлагая в качестве образцового ударения *апостро́ф*, *астроно́м*, *су́ффикс*, С. И. Ожегов основывался прежде всего на большей употребляемости данных вариантов, поскольку нельзя отрицать признаваемой академическими литературными источниками допустимости здесь акцентных колебаний.

Мы полагаем, что в случаях, когда колебания ударений являются живым фактом произношения, не выходящим за пределы литературной нормы, следует их указывать в нормативном пособии, чтобы была возможность отличать такие случаи от вариантов, безусловно отвергаемых литературной нормой (например, таких, как *де́фис* вместо *дефи́с*, *а́рест* вместо *аре́ст* и т. п.). Впрочем, словарь признает колебания ударений в слове *обух*, хотя академическая грамматика приводит в этом слове ударение только на первом слоге (§ 251). Допускаются колебания ударений в наречиях *до́бела́*, *до́красна́* вопреки академической грамматике, в которой утверждается, что нормальным здесь является ударение на приставке и что другой вариант «следует считать нелитературным» (§ 963).

Перечнем указанных выше фактов не исчерпываются противоречия трактовки материалов в трех, почти одновременно вышедших нормативных пособиях по современному русскому литературному языку — в словаре С. И. Ожегова, в словаре Академии наук и в академической грамматике. Наличие такой противоречивости — слабая сторона пособия, ставящего перед собой нормативные цели. Всякий нормативный труд в области языкознания предлагает законы, а не выдвигает вопросы для дискуссионного обсуждения, которое должно предшествовать кодификации. Разнобой в определениях языковой нормы недопустим. Он свидетельствует о том, что Институт языкознания АН СССР еще не обратил должного внимания на координацию материалов в публикуемых трудах, ставящих перед собой нормативные цели.

2. Словари являются справочным пособием, и лучшей системой расположения в них материала является та, которая обеспечивает возможность легко найти нужное слово. Вот почему акад. Я. Грот так настаивал на алфавитном порядке размещения слов, считая отступление от такого порядка «погрешностью против филологии»[8]. Однако не всякое отступление от алфавитной системы затрудняет работу над словарным справочным пособием. Сравнительно небольшой объем рецензируемого словаря, краткость толкований ограничивают размеры словарных статей и позволяют читателю быстро найти интересующее его слово внутри «гнезда». При строго алфавитном порядке расположения заглавных слов включение в словарную статью некоторых производных слов не может вызывать возражений. Частичное сохранение гнездовой системы вполне оправдывается задачей — наиболее широко представить употребительную в современном литературном языке лексику, значительно не увеличивая объема словаря.

Некоторые затруднения вызывают поиски фразеологизмов. Объясняется это случайностью выбора заглавного слова. Таким словом иногда является, например, одно из существительных, входящих в состав фразеологической единицы (***село***: *ни к селу, ни к городу*), в других случаях — это прилагательное (***гладкий***: *взятки гладки*); иногда заглавным словом выступает глагол (***гореть***: *земля горит под ногами*). В таких случаях желательно было бы увеличение количества ссылочных слов.

3. Пересмотр состава лексики в работе над новым изданием словаря привел к исключению того материала, который не входит в активную часть словарного состава современного русского литературного языка. Это — термины, представляющие собой названия предметов и явлений старого и древнего быта (*гридница*, *вено*, *магистрант*, *мажордом*, *гелертер*, *амикошонство*, *менестрель* и др.), иноязычные по происхождению слова, имеющие русские или заимствованные по происхождению соответствия и вытесненные последними из речевой практики (*матрикул* — *зачетная книжка*; *вакация* — *каникулы* и др.). Иногда это профессиональные термины (например, искусствоведческие — *антаблемент*, *марина*; относящиеся к морскому делу и судовождению — *галс*, *ванта*; также весьма редкие — *абсорбировать*, *гипостазировать* и пр.). В новом издании словаря мы уже не находим и некоторых областных (диалектных) слов, которые не имеют широкого распространения в составе литературного языка в качестве

[8] Я. Грот, указ. соч., стр. 203.

выразительного средства (*дежа*, *лядина*, *грабить* в значении «убирать граблями, сгребать» и др.), хотя некоторые из них (например, *лядина*) словарь Академии наук (т. I, 1950, стр. V) считает выходящими «за пределы... узко местного значения».

Только в единичных случаях рецензируемый труд допускает отступления от принятых принципов подбора словарного материала. Так, например, едва ли может быть убедительно обосновано включение в данный словарь таких слов, как *махаон*, *ферула*, *хорда* (не в математическом значении), *шанец*, *эвентуальный*. Нельзя требовать включения в данный словарь редких специальных терминов, обычно не выходящих за пределы узкопрофессиональной сферы. Но у читателей не без основания возникает вопрос о том, почему в словаре нет таких медицинских терминов, как *инфаркт*, *гастрит*, *гайморит*, *пневмония*, если из того же круга лексики в словаре представлены, например, *гемофилия*, *климактерий*, *тромбофлебит* и др.

В критических оценках словарных работ нередко встречаются упреки авторам в неполноте привлекаемого ими материала. Четкая формулировка задач и определение круга источников, во многих отношениях важные для словарной работы, могли бы исключить возможность подобных нареканий. Как пишет С. И. Ожегов во введении, словарь не ставит своей задачей «отразить все многообразие словарного состава современного русского литературного языка и охватывает только наиболее существенные его части» (§ 1). Однако на основании высказываний автора в п. 4, § 2 можно полагать, что в словаре представлена лексика, нужная, в частности, «для понимания текстов классической литературы». Это позволяет критике предъявлять к содержанию словаря требования, которые он удовлетворить не может, да и не должен. Анализ словаря показывает, что он относительно полно отражает современное состояние словарного состава русского литературного языка, собственно активную часть его словарного состава, прежде всего то, что входит в практику устной и письменной литературной речи в наши дни и что имеет нормативный характер. Этот материал составляет основное содержание словаря; он придает словарю особый облик и является одним из наиболее отличительных признаков данного «лексикографического жанра». Следует пожелать, чтобы типологическая характеристика словарей, изложенная в статье С. И. Ожегова «О трех типах толковых словарей современного русского языка»[9], была в известной своей части включена во введение к его словарю. Тогда бы у читателей не могло возникнуть вопросов о том, почему в словаре нельзя найти таких слов, как *брегет*, *шлафор*, *васисдас* (Пушкин, Евгений Онегин), *возражатель* (Ленин, Соч., т. 24, стр. 25), *софистицировать* (Ленин, Соч., т. 17, стр. 85), *уширение* (Ленин, Соч., т. XX, стр. 8) и некоторые другие[10].

В связи с проблемой установления объема материала, привлекаемого для словаря того типа, к которому принадлежит рецензируемый труд, мы позволим себе сделать предложение, как нам кажется, не лишенное некоторого практического смысла. Было бы желательно, не расширяя словника, сделать пополнение уже имеющихся словарных статей такими значениями, которые помогут правильному пониманию слов в произведениях, чрезвычайно популярных у советских читателей. Так, например, в словаре мы находим словарную статью, посвященную прилагательному *щепетильный*. Но предлагаемое здесь толкование: «строго, до мелочей последовательный и принципиальный в отношениях с кем-н. или по отношению к чему-н.».— не раскрывает значения, присущего этому слову во времена Пушкина. Представитель тех широких кругов, на которые рассчитан словарь, зная, что этот лексикон не является исчерпывающим пособием при чтении русской классической литературы, не будет удивлен, не найдя таких слов, которые выпали из активной части словарного состава. Но, найдя в словаре современное толкование прилагательного *щепетильный*, читатель, естественно, будет ошибочно осмыслять его в известном пушкинском тексте: «Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный...».

Еще один пример. Читатель найдет статью о слове *склока*, поясняемом в том доминирующем значении, которое оно имеет в наши дни: «Ссора, враждебные отношения на почве мелких интриг, борьбы личных интересов». Но такая трактовка не может помочь уяснению значения данного слова, например, в работе В. И. Ленина «К деревенской бедноте»: «На все свое хозяйство (кроме корма скота) однолошадный крестьянин может расходовать—например, в Воронежской губернии—не больше *двадцати рублей в год!*.. Двадцать рублей в год — и на аренду земли, и на покупку скота, и на починку сохи и других орудий, и на пастуха, и на все прочее! Разве это хозяйство? Это — одна склока, одна каторга, вечная маета»[11]. Здесь *склока* имеет то значение, которое указано в словаре Даля: «Тревога, хлопоты, беспокойство, передряга».

4. Толкования значений общественно-политических терминов сделаны с большей тщательностью, чем в первом издании словаря (см. термины *демократия*, *надстройка*, *агрессия*, *космополитизм*, *лейборист*, *революция* и др.), хотя все же некоторые погрешно-

[9] «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 85—103.

[10] Факты из лексики произведений В. И. Ленина предоставлены в наше распоряжение П. Н. Берковым.

[11] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 350.

сти в этой области сохраняются и в новом издании. Что же касается общего характера толкования слов, то в отдельных случаях возникает необходимость некоторых редакционных изменений и уточнений. Так, например, нуждается в уточнении толкование слова *закат*: «Огненно-красное освещение неба над горизонтом при заходе солнца». Указанная здесь окраска неба не определяет постоянный, необходимый, отличительный признак явления. *Междоусобие* определяется так: «Несогласие, раздор между к-н. общественными группами в государстве». Более удачным является толкование этого слова в словаре Ушакова: «Внутренний раздор, смута, война в государстве». В характеристике значения слова *зеркало* определяющим признаком должны быть представлены не только «гладкая блестящая поверхность (стеклянная, металлическая), дающая точное отражение находящихся перед ней предметов» (поскольку не всякая такая поверхность является зеркалом), но и назначение данного предмета.

5. Словарь последовательно отличает омонимы от разных значений одного и того же слова. При слабой теоретической разработке вопроса о семантической структуре слова (это, конечно, весьма осложняет деятельность лексикографов) проведенный в словаре опыт различения омонимов заслуживает внимания. Известно, что «значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью...»[12] В обеспечении внутреннего единства слова большая роль принадлежит семантическому единству системы его значений[13]. Но в процессе обрастания слова новыми значениями и смыслами семантическое единство может ослабляться, пока, в крайних пределах, не совершится распад одного слова на омонимы. Однако эти «крайние пределы», очерчивающие семантические границы слова, отличаются зыбкостью, вследствие чего установление «пограничных линий» является нередко довольно сложной задачей. Если связи между двумя или несколькими значениями слова настолько слабы, что не всегда и не всеми отчетливо осознаются, то в таких случаях иногда различают так называемые «сомнительные омонимы».

Наши замечания будут относиться к некоторым спорным случаям разрешения в рецензируемом труде семантических задач. Мы полагаем, например, что в современном языке стерлись живые семантические связи между словом *дума* «мысль, размышление» и *дума* «название некоторых учреждений». Различение омонимов было бы здесь вполне оправдано (ср. еще омоним *дума* «род украинской народной песни»).

Возможные ассоциативные связи по смежности в процессе развития значений: *блюдо* «тарелка» — «кушанье»; *стол* «предмет мебели» — «питание, пища» и *стол* «отделение в учреждении» — обычно уже не осознаются как связи мотивированные. Это повлекло за собою нарушение того «семантического единства значений», которое, наряду с другими факторами, обеспечивает внутреннее единство слова.

Знаменательно, что в академической «Грамматике русского языка» замечается тенденция признавать разными словами так называемые «сомнительные омонимы», т. е. такие слова, связь между которыми еще не полностью утрачена. Об этом свидетельствует, например, различение омонимов *тон* «переливы света» и *тон* «звук», *тормоз* «прибор» и *тормоз* «препятствие» (§ 256). Правда, здесь лексико-семантическая дифференциация поддерживается различиями грамматических форм (окончанием форм им. падежа мн. числа). Но это обстоятельство вряд ли отражается на самом принципе различения отдельных слов в тех случаях, о которых раньше принято было говорить как о разновидностях одного и того же слова. Координация материала в словаре С. И. Ожегова и академической грамматике привела бы к выделению в особые словарные статьи и таких слов, как *месяц* «единица исчисления времени» и *месяц* «луна», *выревка* во 2-м и 3-м значениях, *наряд*[2] в 1-м и 2-м значениях, *натура* в 1, 2, 3, 4-м значениях и некоторые другие. Во всех подобных случаях происходит, может быть еще не вполне завершившийся, но несомненный процесс отпочкования омонимов.

6. Принятый в словаре метод выделения фразеологии представляется нам весьма спорным и нуждающимся в серьезном пересмотре. Излагая приемы конструирования словарной статьи, автор определяет роль примеров, иллюстрирующих употребление слов и содействующих более полному пониманию их значений. Во введении мы читаем: «В качестве примеров даются короткие фразы, наиболее употребительные сочетания слов, а также поговорочные, обиходные и образные выражения, показывающие употребление данного слова» (§ 20). Жирным шрифтом выделяются «фразеологические сочетания, устойчивые выражения». Они помещены в конце словарной статьи и сопровождаются особыми толкованиями, поскольку их общее значение «не определяется непосредственно значением данного слова», т. е. значением заглавного слова статьи (§ 21).

Многочисленные факты показывают, что под иллюстративными «короткими фразами», «наиболее употребительными сочетаниями слов» и «обиходными выражениями» очень часто понимаются фразеологические единицы, различные типы несвободных сочетаний. Использование их в качестве иллюстраций не только не содействует раскры-

---

[12] В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 13.
[13] См. там же, стр. 14.

тию семантики того или иного слова, но приводит к ряду недоразумений в семантических характеристиках слов. «Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение (типичное, например, для „Толкового словаря русского языка" под редакцией проф. Д. Н. Ушакова) неминуемо приводит к искажению всей смысловой структуры слова»,— писал В. В. Виноградов[14]. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова не избежал этого недостатка. Более того, неразличение фразеологизмов, поставленных в иллюстративном материале рядом со свободными сочетаниями, приводит к отступлениям от положений, разработанных акад. В. В. Виноградовым в его исследованиях о фразеологии и прочно вошедших в научный оборот. Приведем некоторые примеры обработки фразеологического материала в рецензируемом словаре.

Среди иллюстраций, показывающих употребление и значение слова *курица*, мы находим фразеологическое сращение *денег куры не клюют*. Автор прекрасно знает, что между общим значением этого словосочетания и значением слова *курица* нет непосредственной связи, т. е., что значение фразеологизма не может быть раскрыто толкованием значений входящих в него компонентов, а поэтому он сопровождает данное речение пояснением его реального значения: «(очень много денег; разг.)». Если автор видит в этом речении несвободное сочетание, фразеологизм, то это должно было отразиться на обработке им словарной статьи: по принятому в словаре порядку, фразеологизм занимает в словарной статье определенное место и получает соответствующее графическое оформление. В таком же положении оказалось и фразеологическое сращение *навострить лыжи*, хотя аналогичное *лить* или *отливать пули* нашло в словаре место среди фразеологии.

В числе иллюстраций первого значения слова *душа*: «Внутренний, психический мир человека, его сознание, мышление» — находим такие примеры: *сколько душе угодно* (сколько угодно, вдоволь), хотя этот фразеологизм известен и в приложении к области, не связанной с психическим миром человека (например, о насыщении обильной пищей). Здесь же даны примеры *стоять над душой*, *отвести душу* и др. Неразличение фразеологизмов, выставление их в роли примеров, раскрывающих значение заглавия словарной статьи, искажает смысловую структуру слова. Кроме того, метод использования фразеологических сращений как средства, способствующего более полному пониманию значения слова и способов его применения, порочен, потому что «фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы», оно отличается смысловой слитностью и недифференцированностью[15]. Поэтому искусственное выделение из состава фразеологического сращения отдельного слова для иллюстрирования значения заглавия словарной статьи противоречит самой природе данного типа фразеологизма, а толкование реального значения составных его элементов ничуть не содействует раскрытию значения целого слитного словосочетания. Отнесение приведенных выше фразеологизмов к первому значению слова *душа*, повидимому, продиктовано задачей показать филиацию значений, что свидетельствует о стремлении связать семантику компонентов фразеологизма с определенной разновидностью семантики «отдельного слова».

Отсутствует четкость и в выделении фразеологических единств. Иногда в словарной статье они занимают надлежащее место, но чаще всего находятся среди свободных словосочетаний, иллюстрирующих значение заглавного слова. Например, при слове *глаз*: «Орган зрения, а также само зрение» — приведено: *отвести глаза кому-н.* (перен.: отвлечь внимание); при слове *дудка*: «Род музыкального инструмента — трубка из тонкого высверленного ствола дерева или тростника» — дано: *плясать под чью-н. дудку* (перен.: во всем подчиняться кому-н.); при слове *зуб*: «Костное образование, орган во рту для откусывания и разжевывания пищи» — находим: *зубы на полку положить* (перен.: ограничить себя в самом необходимом из-за отсутствия средств; разг.) и др.

Подобные иллюстрации обычно сопровождаются пометой, указывающей на их переносный смысл, а иногда приводятся и без этой пометы, как в случае *из огня да в полымя*, где фразеологизм стоит рядом с такими метафорическими выражениями, как *глаза горят огнем*; *юноша — огонь*! Следовательно, есть основание полагать, что фразеологизмы рассматриваются как обычные метафоры, которые реализуются так, что переносный смысл не заслоняет прямого значения, а сохраняет свою образную ощутимость, свою наглядность. Это искажает семантическую структуру фразеологических единств, хотя и обладающих семантической раздельностью компонентов и мотивированностью целостного значения, но не являющихся свободными словосочетаниями, реальное значение которых складывается из значений компонентов. Лексикографическое неразличение в словаре фразеологизмов приводит к таким недоразу-

[14] В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, в кн.: «А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов. Труды комиссии по истории АН СССР», вып. 3, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 362.

[15] См. там же, стр. 348.

мениям, которые не могут «нейтрализоваться» толкованием их реального смысла (например, при слове *зубы*: *зубы точить на кого-н.*—перен. «злобиться, стремиться принести вред»).

Также нет ясности и в выделении несвободных составных терминологических названий. Одни из них отнесены к фразеологизмам (*белая горячка*, *железная дорога желудочно-кишечный тракт*), другие — к свободным сочетаниям (*антонов огонь*, *дыхательные пути*, *вид на жительство*).

7. В нормативном словаре русского языка, рассчитанном на широкий круг читателей, подбор иллюстративных грамматических форм до известной степени ориентируется на наиболее распространенные в речевой практике случаи нарушения литературной нормы, подобно тому, как, например, орфографический словарь основывается в подборе материала на учете наиболее распространенных ошибок в правописании.

Пользующийся «Словарем русского языка» С. И. Ожегова найдет много полезных указаний о грамматических формах, образование которых может встретить и действительно встречает затруднения у тех, кто овладевает нормами образцовой русской литературной речи. Еще в словаре Ушакова глагол *довлеть* с твор. падежом в значении «тяготеть над кем-н.» считался недопустимым. Рецензируемый словарь признает *довлеть*[1] с дат. падежом (*довлеет себе*) — фактом архаичным и узаконивает *довлеть*[2] над кем-чем в значении «тяготеть, господствовать, воздействуя на кого-что-н.» В последнее время в печати часто можно встретить формы им. падежа на *-ы*, *-и*: *профессоры*, *лагери*. Словарь считает образцовой только форму на *-а* (*я*): *профессора*, *лагеря*.

Нередко возникают сомнения в том, как образовывать формы им. падежа мн. числа слов: *библиотекарь*, *блюдо*, *бухгалтер*, *договор*, *инженер*, *инструктор*, *катер*, *корректор*, *общество*, *приговор*, *сектор*, *торт*, *фельдшер*, *фронт* и некоторых других. Указания форм мн. числа этих слов были бы в словаре весьма полезными. Было бы ясно, в каких случаях возможны колебания форм (например, допускаемые окончания на *-а* и на *-ы* в словах *бухгалтер*, *корректор*, *сектор*, *инструктор*), когда допустимы только формы на *-а* (как в словах *фельдшер*, *катер*), в каких случаях формы на *-а* не следует поддерживать в письме и произношении (как в словах *инженер*, *торт*, *аптекарь*, *фронт*, *библиотекарь* и др.). Необходима координация между словарем, предлагающим в качестве равноправных форм мн. числа *тополя* и *тополи*, *писаря* и *писари*, а также форму род. падежа мн. числа *граммов*, *килограммов*, и академической грамматикой, рекомендующей в этих словах только форму мн. числа *тополя* и *пекаря* и только форму с нулевым окончанием *грамм*, *килограмм*.

Принятую в словаре ремарку «собирательное» было бы желательно видеть во всех случаях наличия этой категории, например, при существительных с суффиксом *-ник*, *-няк*, обозначающих совокупность деревьев, кустов, растений (*ельник*, *орешник*, *ивняк*, *березняк*). Полезны были бы и указания, что слова *вымя*, *пламя*, *темя* не употребляются во множественном числе.

8. В новом издании словаря пересмотрена система помет, дающих стилистическую характеристику слов и устанавливающих хронологическую перспективу. Внесена новая помета «высокое», означающая, что «слово придает речи оттенок торжественности, приподнятости; свойственно публицистической ораторской речи, являясь разновидностью книжных слов» (стр. 6). Но не все слова, сопровождаемые такой пометой, обладают одинаковой тональностью. В этом легко убедиться, сопоставив такие слова, как *неувядаемый*, *благодеяние*, *година*, *незабвенный*, с одной стороны, и *неоспоримый*, *корениться* — с другой. Слово *денница* (высок. стар.) связано не столько с публицистической ораторской речью, сколько с поэтической лексикой классической литературы. Если можно усматривать высокий оттенок переносного значения глагола *убить* «уничтожить, прекратить» в сочетании *убить надежды*, то сочетание *убить спекуляцию* хотя и встречается в публицистической речи, но не обладает оттенком торжественности, приподнятости. Объект, на который направлено действие, выраженное переносным значением этого глагола, снижает семантику метафоры.

Форма им. падежа мн. числа *мужи* действительно придает речи торжественный характер, но сочетание *мужи науки* нам не приходилось встречать без иронии (ср. сочетание *жрецы науки*, сопровождаемое в словаре пометой «ирон.»). Высокая, торжественная окраска связана и с формой им. падежа *сыны*, которая, как указано в словаре, служит не для обозначения родственных отношений, подобно форме *сыновья*, а для называния людей как граждан, активных членов общества. Однако в „Славе" В. Гусева есть монолог, начинающийся с обращения: „Сыны мои...", в котором в этой форме мн. числа совмещаются 1-е и 2-е значения слова.

«Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста»[16]. Экспрессия характеризует оценку действительности, причем эта характеристика не может быть узкой, субъективной. Она должна опираться на оценку действительности социальной средой и не всту-

[16] В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 19.

пать в противоречия с этой оценкой. В словарном составе языка есть слова «органически экспрессивные». Оценка действительности дана в самом их значении. Пометы «пренебр.», «презр.», «неодобр.», данные в словаре к словам: *головотяп* (разг. пренебр.), *подлец* (разг. презр.), *головорез* (разг. неодобр.) и др., в сущности ничего не прибавляют к тому, что дано самим значением этих слов. Характеристика же экспрессии этих слов при помощи таких помет не может не быть несколько субъективной (например, при *бездарный* «лишенный таланта, дара», *бестактный* «лишенный такта, чуткости, чувства приличия» с одинаковым основанием можно было бы дать помету: «неодобр.», «презр.», «пренебр.»; слово *бесчинство* «грубое нарушение общественного порядка» получило помету «неодобр.», тогда как выражаемое этим словом явление могло бы заслужить более сильную экспрессивную оценку. При *непутевый* «легкомысленный, беспутный, разгульный» дана помета об употреблении этого слова в просторечии, но нет его оценочной квалификации при помощи принятых в словаре ремарок; слово *маниловщина* сопровождается пометой «неодобр.», а при глаголе *донкихотствовать* пометы нет, хотя это слово не является в экспрессивном отношении нейтральным.

Замечания, возникающие при ознакомлении со «Словарем русского языка» С. И. Ожегова, не затрагивают основного содержания этого большого труда, в основном заслуживающего положительной оценки у научной критики и у того широкого круга читателей, на который словарь рассчитан. Однако новое издание словаря потребует от автора тщательной доработки и значительного усовершенствования некоторых из выдвинутых им принципов составления краткого нормативного толкового словаря.

Р. Р. Гельгардт

С. Д. Никифоров. **Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века.** — М., Изд-во АН СССР, 1952. 344 стр. (Ин-т языкознания.)

Большой труд С. Д. Никифорова посвящен интересной и важной проблеме. Грамматический строй русского языка XVI в. изучен недостаточно, в частности это относится к категориям и формам глагола данного периода. Таким образом, рецензируемая книга покойного автора, историка русского языка, заслуживает особенного внимания.

С. Д. Никифоров изучил важнейшие памятники всех жанров второй половины XVI в. Это позволило ему сделать ценные наблюдения над употреблением тех или иных глагольных форм в произведениях различных жанров, установить, для каких жанров отдельные формы не являлись характерными, какие из форм уже не принадлежали разговорному языку.

Автор указывает, что «в ряде случаев в данном исследовании глагольные формы памятников второй половины XVI в. сопоставляются по составу, семантике и функциям с соответственными диалектными формами» (стр. 9). Нельзя не выразить сожаления, что такое сопоставление проводится лишь «в ряде случаев», что, анализируя факты древнерусского языка, исследователь не разграничивает, какие из них являются принадлежностью общенародного русского языка и какие встречаются лишь в отдельных диалектах.

Автор не смог в полном объеме решить весьма ответственную задачу — проследить глагольные формы в их историческом развитии, хотя совершенно отчетливо представлял себе, что «только историческое изучение может раскрыть внутренние законы, по которым развивался русский язык» (стр. 3). Главное внимание в исследовании уделено характеристике глагола во второй половине XVI в., в меньшей степени — глаголу более раннего периода, причем автор во всех частях своей книги стремится установить, что́ является нормой для русского языка второй половины XVI в., что́ должно рассматриваться как пережиток, каков дальнейший путь развития того или иного языкового явления.

С. Д. Никифоров не ограничивается в исследовании рамками морфологии, а затрагивает и решает ряд весьма актуальных вопросов синтаксиса, рассматривая функционирование глаголов в предложении, в определенных случаях учитывая нахождение глагольного слова «в цельной по значению (и поэтому объединенной интонационно) части предложения — синтагме, в составе которой глагольное слово получает первичную конкретизацию» (стр. 11). Совершенно правильно подчеркивает автор: «Единицей языка как средства общения является предложение. Предложения могут сообщать о познанном явлении объективной действительности и могут выражать эмоции и побуждения. В составе предложения реализуются слова с их структурно-семантическими возможностями» (стр. 10).

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных глав исследования С. Д. Никифорова, остановимся на принятой им, но исторически мало обоснованной системе стилистических помет. Эти пометы (у автора они часто весьма дифференцированы: высокий, или литературно-книжный стиль, стиль церковных официальных документов, стиль

деловой письменности — канцелярский, характерный разговорно-бытовыми формами и лексикой, и т. д.), вполне уместные при изучении языка XVIII в., только затрудняют, как мы полагаем, выяснение вопроса о нормах литературного языка XVI в.

В первой главе своего труда (стр. 13—34) С. Д. Никифоров рассматривает з а л о г и, причем решает вопросы о том, что представляла собой во второй половине XVI в. категория залога, в каком состоянии находилась в эту эпоху агглютинация *ся* к глаголам, какие залоги глагола наличествовали в разговорной и в книжной речи, а какие — только в книжной, когда страдательность (пассивность) подлежащего выражалась страдательными причастиями, а когда — формами возвратно-страдательного залога.

Наибольший интерес представляют выводы об агглютинации *ся*, подкрепленные очень большим количеством примеров как из памятников второй половины XVI в., так и из более ранних памятников XV в. (из грамот). С. Д. Никифоров установил, что процесс агглютинации *ся* во второй половине XVI в. еще не был полностью завершен, хотя нормой языка и была агглютинация *ся* к глаголу. Несомненно ценными являются наблюдения автора над употреблением синонимичных конструкций — конструкций со сказуемым в личной форме возвратно-страдательного глагола и со сказуемым — страдательным причастием (преобладающий способ выражения страдательности).

В этой главе содержится много тонких наблюдений, которые остановят внимание читателя. К таким наблюдениям мы относим замечания автора о том, что действующее лицо обязательно бывает выражено родительным падежом с предлогом *от*, когда в предложении налицо относящееся к предикату — страдательному причастию орудие (или причина) действия, имеющее форму творительного падежа без предлога (*Оба* ***ножем*** *зарезаны* ***от*** *большаго сына своего* ***Мамотяка*** и др.). Особенный же интерес представляют выводы автора и приведенные им примеры, свидетельствующие о том, что при отсутствии в предложении реального производителя действия страдательное значение глагола поддерживается контекстом. Автор, к сожалению, не останавливается на оттенках значения в синонимичных конструкциях — с реальным производителем действия и без реального производителя действия. К тонким и интересным наблюдениям автора мы относим и его выводы об употреблении *сам* в случаях, когда *ся* не агглютинировалось, и в случаях, когда агглютинация произошла.

Следует, однако, отметить как недостаток главы, что С. Д. Никифоров, приняв полностью определение залога, данное А. А. Потебней, рассматривает залоги русского глагола XVI в. почти исключительно в плане синтаксическом, уделяя глагольному словообразованию, в связи с вопросом о залогах, весьма скромное место.

Вторая глава (стр. 35—134), одна из центральных в книге, посвящена в и д а м глагола. Автор убедительно доказывает, что ко второй половине XVI в. категория вида в русском глаголе в основном сложилась. Как мы полагаем, С. Д. Никифоров выходит за рамки темы, когда, рассматривая виды, останавливается на том, в каком числе стоят глаголы. Так, о примерах «*И разбиша многы полаты и* ***пожгоша*** *церкви*; *Заутра призва Игорь слы. и приде на холм кде стояше Перун и* ***покладоша*** *оружье свое*» С. Д. Никифоров пишет: «глаголы *пожгоша*, *покладоша*, образованные от корней с значением материального действия нерасчлененной длительности, выражают длительное, но цельное м н о ж е с т в е н н о е действие, совершенное многими лицами и охватившее много объектов; пространственное значение (распределение действия на много объектов) здесь довольно слабо» (стр. 43). Замечание о том, что действие совершено многими лицами, нам представляется излишним.

Большой интерес представляют наблюдения автора над префиксацией как способом образования соотносительных форм совершенного вида от глаголов несовершенного вида. С. Д. Никифоров приводит многочисленные примеры с префиксами *по*, *с*, *у*, *из*, *вы*, *на*, *о*, *про*, *раз* из памятников различных жанров, свидетельствующие, что определенные глаголы (автором даны соотносительные пары глаголов — несовершенного и совершенного вида) с префиксом начали выражать исчерпанность действия или процесса. Отмечаются им и случаи, когда префикс сочетает значение совершенного вида с пространственным значением.

Поскольку все примеры — из памятников второй половины XVI в., нет полной картины того, как префиксы стали выражать чисто грамматическое значение. О более раннем периоде автор только замечает: «к эпохе появления у восточных славян письменности подавляющее большинство префиксов, переводя глагол в совершенный вид, сохраняло свое лексическое значение» (стр. 43). Это замечание является слишком общим и не помогает выяснению того, как отдельные глагольные префиксы в сочетании с определенными глаголами теряли свое лексическое значение и как префиксация стала продуктивным способом образования соотносительных форм совершенного вида.

Автор рассматривает все сочетания глагольных основ с тем или иным префиксом в одной хронологической плоскости — в пределах второй половины XVI в., определяя их значение исключительно по памятникам данного периода. Истории изменения значений нет, и это в большой степени снижает ценность выводов С. Д. Никифорова.

Исключительное внимание уделил исследователь беспрефиксным глаголам несовершенного вида. Перечислены, с указанием памятника, все встретившиеся в про-

изведениях второй половины XVI в. беспрефиксные глаголы несовершенного вида, даны соотносительные пары беспрефиксных глаголов совершенного и несовершенного вида с различными суффиксами, а также и соотносительные пары префиксных глаголов.

С. Д. Никифоров, подходя исторически к вопросу о видовой соотносительности, правильно указывает: «В памятниках второй половины XVI в. видовая соотносительность выражена в подавляющем большинстве случаев в префиксных глаголах, так как еще в эпоху создания восточнославянской письменности префиксных глаголов было значительно больше, чем беспрефиксных, а тем более их было больше в XVI в.» (стр. 79—80). Отметим следующее наблюдение автора, подкрепленное убедительными примерами: «В подавляющем большинстве случаев парный (соотносительный) глагол несовершенного вида образуется меной суффикса *и* на суффикс *'а* от таких префиксных глаголов совершенного вида, в которых префикс, переводя однокоренной беспрефиксный глагол в совершенный вид, в то же время сохраняет свое лексическое значение» (стр. 79; разрядка наша.— *В. Б.*).

Весьма ценным является замечание С. Д. Никифорова о префиксных глаголах *одети — одевати*, *одолети — одолевати*: «Эти этимологически префиксные глаголы в живой речи XVI в. осознавались как беспрефиксные, так как соответственные беспрефиксные глаголы или совершенно отсутствовали в языке (не было глагола *долети*) или имели иную семантику (глагол *дети* = положить, поместить)» (стр. 106).

В дальнейшем автор вновь возвращается к этому вопросу и говорит о глаголах *спросить — спрашивать*, *спроситься — спрашиваться*, что они «только по происхождению префиксные; они семантически оторвались от глаголов *просить*, *проситься*, и в XVI в. в них префикс *с* не выделялся (не осознавался)» (стр. 121). То же сказано и о глаголах *сказать — сказывать* (церковнослав. *сказовати*) (стр. 122).

Мимо отмеченных выводов С. Д. Никифорова не должен пройти и преподаватель средней школы. Среди части педагогов средней школы господствует ошибочное мнение, что при определении в средней школе состава слова современного русского языка необходимо производить этимологический анализ, искать древнейшие корни слов.

С. Д. Никифоров останавливается и на выражении видовой соотносительности при помощи образований от разных основ (*положить — класть* и др.), и на использовании описательных выражений (*совет сотворити — совещаться* и др.). В разделе об описательных выражениях имеется досадная ошибка. Сначала приводятся два описательных выражения, где, следовательно, нет сопоставления глагола и описательного выражения с глаголом, потерявшим реальное значение: *грех сотворяти — грех сотворити* (стр. 112). Дальше даны два глагола без описательного выражения: *согрешать— согрешить* (стр. 113). Очевидно, на соответствующих местах должно было бы стоять: *грех сотворити — согрешити* и *грех сотворяти — согрешать*.

Говоря об описательных выражениях, автор совершенно правильно указывает: «Необходимо пояснить, что здесь речь идет не о грамматическом явлении (видовой корреляции), а только о том, что в ряде случаев, в зависимости от стилистического намерения автора (или от жанра памятника), одно и то же значение в несовершенном виде выражено глаголом, а в совершенном виде — описательным выражением, или наоборот: в совершенном виде — глаголом, а в несовершенном виде — описательным выражением» (стр. 109). В главе имеются замечания автора об отличии категории вида во второй половине XVI в. от современного ее состояния, представляющие бесспорный интерес. К этим замечаниям исследователь возвращается и в своих «Выводах».

И в третьей главе, посвященной наклонениям (стр. 135—142), автор уделяет большое внимание вопросу о жанре произведений, в которых встречается та или иная форма. Так, в частности, он отмечает, что безударный конечный гласный во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения сохраняется в памятниках или разделах памятника книжного характера. Несомненный интерес представляют наблюдения над синтаксическими явлениями — над употреблением личного местоимения при формах ед. числа повелительного наклонения, над оттенками значения условного наклонения в различных предложениях (независимом, главном, придаточном).

В четвертой главе — о временах (стр. 143—185) — автор проследил судьбу всех форм, встречавшихся в древнерусских памятниках, использовав материалы письменности XVI в. и более раннего времени (по опубликованным трудам). Он установил, что имперфект и аорист продолжают употребляться во второй половине XVI в. только в книжном языке, что в живой речи употребляется единая форма прошедшего времени. Мы считаем безусловно доказательными те примеры, на основе которых автор сделал эти свои выводы.

Большой интерес представляют наблюдения автора над употреблением будущего времени сложного (от основ несовершенного вида), а именно выводы, что во второй половине XVI в. господствовала форма с *учну* (*начну*), что форма с *имамь* употреблялась только в книжном языке, что лишь в сочинениях Пересветова, написанных в середине XVI в., но сохранившихся в рукописях XVII в., употребляется глагол *буду*. С. Д. Никифоров правильно указывает на то, что с *буду* встречаются лишь единичные случаи в текстах XVI в.

Заслуживают внимания замечания автора по вопросу о том, могло ли трансформироваться будущее сложное 2-е, в состав которого входит причастие на *-л*, в будущее сложное 1-е, состоящее из вспомогательного глагола *буду* и инфинитива. Этого вопроса приходилось касаться и мне в работе, на которую ссылается С. Д. Никифоров, и Т. П. Ломтеву, чье мнение приведено в рецензируемой книге.

С. Д. Никифоров, исследовав памятники второй половины XVI в., имел основания придти к выводу, что трансформация не могла произойти, так как «форма будущего сложного 2-го во второй половине XVI в. уже не существовала, а форма будущего сложного 1-го (от глаголов несовершенного вида) в составе „буду + инфинитив несовершенного вида" встречена лишь в сочинениях Пересветова, сохранившихся в рукописи XVII в.; следовательно, отсутствовавшая в живой речи (в говорах, на основе которых сложился литературный язык) форма не могла создать новую. К тому же значение причастия на *-л*, в живой речи этого времени ставшего единственной формой прошедшего времени, настолько было отлично от значения инфинитива, что его вытеснение инфинитивом, устойчиво сохранявшим свое специфическое значение, не могло иметь под собой никакой семантической базы» (стр. 182).

Весьма скромное место уделено в работе вопросу о категории лица в настоящебудущем времени (глава пятая, стр. 186—190). Автор остановился на причинах, вызывавших употребление личного местоимения при формах настоящего (и будущего простого) времени, отметил употребление *мы* величия в царских посланиях и грамотах. Рассмотрены также случаи, когда местоимение отсутствует — в примерах, где высказывание по содержанию приближается к обобщенно-личному значению, когда предложение является обобщенно-личным.

Большое внимание уделено С. Д. Никифоровым формам и синтаксическим функциям инфинитива (глава шестая, стр. 191—223), его значениям в качестве главного члена односоставного предложения, значениям инфинитива в сочетании с различными глаголами (модального значения, намерения и др.), с краткими прилагательными (в значении категории состояния) и безлично-предикативными словами. Автор не разграничивает синтаксических функций инфинитива и модального его употребления в функции основных наклонений глагола. В результате в параграфе «Употребление инфинитива в предложении» наблюдения над синтаксической ролью инфинитива часто подменяются наблюдениями над его модальными значениями.

Значительное место отведено в труде С. Д. Никифорова причастиям, деепричастиям и их функциям (стр. 224—334). Таким образом, автор не ограничился только личными формами глагола, а поставил перед собой более широкие задачи. И этот отдел исследования содержит большой и интересный материал.

Остановимся подробнее на одном выводе автора относительно употребления в русских местных диалектах деепричастия прошедшего времени, как правило — от глаголов совершенного вида, в роли сказуемого. С. Д. Никифоров пишет: «Не могу согласиться с следующим утверждением В. И. Борковского: „Тот оттенок значения, который получило в дальнейшем деепричастие при употреблении его в роли сказуемого, повел к превращению второстепенного сказуемого в составное сказуемое, сделал возможным постановку *был*"[1], так как считаю, что неизменяемые предикативные причастия крестьянских диалектов представляют собой наследие кратких причастий — предикатов прошедшего времени совершенного вида древнерусского языка, утративших согласование с подлежащим и ставших неизменяемыми» (стр. 226).

Не вполне ясно, против чего возражает автор. В упомянутой им работе, несколько выше цитируемых слов, говорится: «А. А. Шахматов предполагал, что *он выпивши* могло возникнуть на месте *он есть выпивши* в результате утраты сказуемого.

Полное отсутствие или крайне ограниченное количество форм на *-въ* с *есмь* в древнерусских памятниках (мы привели выше, в главе о составном сказуемом, только один пример), что отмечалось А. А. Потебней, не позволяет нам многочисленные случаи употребления деепричастия (без вспомогательного глагола) в говорах возводить к случаям с составным сказуемым, в котором опущен вспомогательный глагол.

Мы полагаем, что употребление в крестьянских говорах деепричастия в роли сказуемого следует рассматривать, сопоставляя с употреблением в древнерусском языке причастия — второстепенного сказуемого»[2]. Дальше идет высказывание, которое приведено в рецензируемой книге.

Цитата из исследования С. Д. Никифорова свидетельствует, что он придерживается того же взгляда, какой высказан и автором настоящих строк в его упомянутой книге: в употреблении деепричастия в роли сказуемого в местных диалектах необходимо видеть наследие именных форм причастий действительного залога от глаголов совершенного вида, выполнявших в древнерусском языке функцию второстепенного

---

[1] В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), изд. Львовского ун-та, 1949, стр. 214.

[2] В. И. Борковский, указ. соч., стр. 213—214.

сказуемого. Предметом спора, таким образом, является не вопрос, к чему вести современное деепричастие-сказуемое — к второстепенному сказуемому (таков взгляд и наш, и С. Д. Никифорова) или к составному сказуемому (такого мнения придерживался А. А. Шахматов), а положение о том, чем является деепричастие в роли сказуемого в ряде современных местных диалектов — простым сказуемым или именной частью составного сказуемого (в результате имевших место изменений в значении деепричастия при употреблении его в роли сказуемого).

Мы полагаем, что возможность присоединения в современных местных говорах к деепричастию на *-вши* (*-мши*), *-дши* (*-тчи*) связки *был* (в некоторых говорах и *буду*) свидетельствует, что в этих говорах деепричастие в роли сказуемого является не второстепенным сказуемым, а составным сказуемым. Повидимому, именно это наше положение, требующее, без сомнения, дополнительных наблюдений над значением деепричастия-сказуемого в местных говорах (каким материалом русская диалектология почти не располагает), и встретило возражения со стороны С. Д. Никифорова. К сожалению, автор не показал, в чем ошибочность нашего взгляда, и не обосновал своей точки зрения.

В отделе о причастиях и деепричастиях много ценных выводов, тонких наблюдений. Бесспорный интерес представляют выводы автора, что местоименные формы причастий настоящего и прошедшего времени действительного залога во второй половине XVI в. употреблялись только в книжной речи, что принадлежностью книжного стиля[3] того периода был причастный оборот с местоименной формой причастия действительного залога (в бытовой и канцелярской речи ему соответствуют относительные предложения с союзными словами), что местоименные формы причастия настоящего времени страдательного залога не были свойственны живой народной разговорной речи второй половины XVI в.

С. Д. Никифоров установил, что подавляющее большинство именных форм причастий действительного залога превратилось в деепричастия, но этот процесс еще не был полностью завершен во второй половине XVI в. Большое внимание уделено автором вопросу о синтаксических функциях различных форм причастий и о происшедших изменениях в синтаксической роли отдельных форм. Однако при выяснении вопроса о превращении именных форм причастия в деепричастие следовало учесть и имевшие место морфологические процессы, а не решать вопрос исключительно в плане синтаксическом. Останавливаясь на судьбе причастных форм, С. Д. Никифоров говорит и о безличных оборотах с именной формой причастия прошедшего времени страдательного залога, привлекая данные местных говоров и сопоставляя их со случаями, встретившимися в исследованных автором памятниках.

Несомненный интерес представляют отмеченные автором в «Домострое» конструкции: *А толко* ***у мужа*** *в год все* ***припасено***, *и ржи и пшеницы и овса и гречи*; *А* ***у доброго человека*** *и* ***у порядливои жены*** *толко* ***пасено*** *в пору* (стр. 323—324). С. Д. Никифоров с полным основанием сопоставляет эти примеры с употребляющейся в местных говорах (встречается в ряде севернорусских говоров и в отдельных среднерусских говорах) конструкцией типа: ***У меня*** *уже два платья* ***сношено***.

Весьма ценными являются выводы исследователя о том, что в грамотах причастия, употребляющиеся в терминологическом значении, трансформировались в прилагательные (*верующая* грамота, *царьствующий* град и др.), что причастия страдательного залога, употребляющиеся без пояснительных слов (чадо *любимое* и др.) или же вошедшие в состав сложного слова—штампа церковного языка (*богоспасаемый* град, *богохранимый* град и др.), превращаются в прилагательные. Останавливается С. Д. Никифоров и на таком интересном вопросе, как субстантивное употребление причастий.

В итоге своих исследований автор пришел к важному и вполне обоснованному выводу, что «грамматические категории глагола русского языка к середине XVI в. в основном сложились» (стр. 336).

Книга С. Д. Никифорова, как мы отмечали, не свободна от недостатков. Основным пробелом является то, что автор не смог проследить глагольные формы в их историческом развитии. Тем не менее, несмотря на имеющиеся недостатки, исследование С. Д. Никифорова, посвященное русскому глаголу второй половины XVI в., представляет несомненную ценность для русского языкознания.

В. И. Борковский

Т. П. Ломтев. **Белорусский язык**, Изд-во Моск. ун-та, 1951. 132 стр.

1

Книга проф. Т. П. Ломтева восполняет один из пробелов в области учебной литературы по белорусскому языкознанию. Основываясь на учении И. В. Сталина о том, что «языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести

[3] Сохраняем стилистические пометы автора.

языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»[1], автор ставит своей задачей рассмотреть факты белорусского языка сравнительно с соответствующими фактами русского языка (стр. 5—6).

Книга предназначается для студентов государственных университетов, изучающих в качестве основной специальности русский язык и русскую литературу. Содержание книги — белорусский язык. Под белорусским языком мы разумеем совокупность всех его говоров и литературного языка, представляющих вместе единое целое.

Как предмет изучения белорусский язык распадается на современный белорусский литературный язык, в основе которого лежит современная его грамматика, белорусскую диалектологию и историю белорусского языка. Может быть также предметом изучения современный белорусский литературный язык в историческом освещении — с привлечением фактов из истории языка и диалектологии.

Характер такого курса как раз и носит книга Т. П. Ломтева. Она содержит ряд разделов, в которых рассматриваются процессы формирования белорусского национального и литературного языков и описываются лексика, фонетика, морфология и синтаксис современного белорусского языка. Факты современного белорусского литературного языка сопоставляются с соответствующими фактами русского языка, а также с данными современных белорусских диалектов. Кроме того, в ряде случаев автор приводит справки из истории белорусского языка.

Лучше всего сопоставление с фактами русского языка осуществлено в главе девятой «Особенности белорусского синтаксиса» (стр. 118—123): в ней, путем сравнения синтаксических фактов белорусского языка с русским, выделяются главнейшие особенности белорусского синтаксиса.

Говоря о синтаксисе белорусского языка, автор пользуется также данными диалектов и фольклора. Но в таком случае надо было проводить сравнение не только с русским литературным языком, но и с русскими диалектами и с русским фольклором. Тогда многие особенности белорусского синтаксиса, определяемые на основании сравнения с русским литературным языком, нельзя было бы считать таковыми, потому что некоторые синтаксические факты, отмечаемые автором в белорусском языке, имеют соответствия и в русских говорах. Ср., например, оборот *па* плюс вин. падеж имени при глаголе *пайшоў*: *пайшоў па ваду* (§ 284); сочетание предлога *па* с местным падежом имени для обозначения пространства и времени: *працаваў па вечарах* (§ 290) и некоторые другие.

В ряде разделов («Образование основ имен существительных», «Образование основ имен прилагательных» и «Основы глагола») сравнение с русским языком совершенно отсутствует. Здесь надо было выделить те суффиксы, которые отличают белорусский язык от русского, и сделать обобщающие выводы — какие из рассмотренных суффиксов характеризуют белорусскую речь; единично сравнение белорусских форм с русскими также при рассмотрении склонения имен существительных, прилагательных, местоимений и числительных; вывода о белорусских формах, отличающихся от русских, нет. Словом, принцип сравнения белорусского языка с русским, положенный автором в основу книги, не проведен до конца (моменты подобного сравнения имеем только в § 43, 44, 70, 86, 141, 187, 188, 192, 199 и 210; последовательная реализация такого сравнения в книге в целом отсутствует).

На первом плане в книге, как это и должно быть, стоит современный белорусский язык, грамматическому строю которого в ней уделяется особое внимание. Весьма ценно здесь и то, что рассматриваемые явления сопровождаются примерами из художественных произведений классиков белорусской литературы и других современных белорусских писателей: Богдановича, Бровки, Бядули, Глебки, Коласа, Крапивы, Купалы, Лынькова, Самуйлёнка, К. Черного и др. Богата такими примерами глава девятая, встречаются они и в главе третьей (§ 142, 144, 152, 154 и др.).

Что же касается диалектологии и истории языка, то они занимают в книге весьма небольшое место. Особенно слабо представлена история языка — при описании ряда явлений исторические справки вообще отсутствуют. Имеющиеся справки исторического характера отрывочны и очень неравномерны: одни явления снабжены более или менее развернутым историческим комментарием (например, местоимения), к другим дан исторический комментарий чисто внешнего характера (например, к разделу «Склонение имен существительных»). Нам думается, что в такого рода пособии, каким является рецензируемая книга, исторический комментарий следовало бы давать лишь в том случае, если без него непонятен данный конкретный языковой факт современного языка (например, особенности форм прошедшего времени глагола). В остальных случаях сведения по истории языка носят настолько отрывочный характер, так мало объясняют систему современного языка в целом, что их можно было бы и совсем не приводить.

Ссылки на памятники встречаем главным образом в области фонетики, например в § 44, 46, 49, 65, 78, 96, 97, и далее—единичные ссылки в разделе о формах глагола,

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 33—34.

например в § 246, 247, 256. Названия памятников письменности и их даты — почти единичны в книге. Заменить их не могут встречающиеся в книге выражения: «в древнем языке» (§ 167, 170, 173, 176, 182), «в древности» (§ 245) и т. д.— они не определяют времени возникновения явлений.

Наряду с фактами литературного языка автор дает и диалектные явления, главным образом фонетические (например, в § 44, 49, 57, 59) и частично морфологические (например, в § 199, 245, 246). К сожалению, неясно, чем руководствуется автор, приводя одни диалектные явления и совершенно игнорируя другие. Не попали, например, в книгу формы им. падежа мн. числа мужского и женского рода *ваўке*, *дзяўке*, *жанке*, *вянке*, отмечаемые в Минской и Бобруйской областях; формы твор. падежа мн. числа на *-ам*: *слезам*, *рукам*, *нагам*, отмечаемые на севере Белорусской ССР — в областях Витебской и Полоцкой; формы 1-го лица мн. числа глаголов: *могом*, *идом*, *жывом*, *пяком*, встречающиеся в Гомельской, Мозырской, Бобруйской, Минской областях; такое морфологическое явление, как *саканье*, отмечаемое в Мозырской и Бобруйской областях, и т. д. Не сказано в книге о шепелявом произношении *з* и *с*, встречающемся во многих белорусских говорах. Вообще выбор диалектных фактов случаен, отрывочные, мимоходом сделанные замечания очень мало дают для знакомства с белорусской диалектологией и только перебивают связное изложение фактов литературного языка.

Нельзя не отметить, что в книге отсутствуют указания на местность, где распространена та или иная диалектная черта, поэтому читатель не может локализовать даже те немногие диалектные факты, о которых говорит автор. Для изложения данных из истории и диалектологии языка можно было бы ввести мелкий шрифт и дать относительно более полное представление о белорусских говорах и показаниях памятников письменности.

2]

Книга Т. П. Ломтева открывается «Введением» (стр. 5—18), где говорится о значении трудов И. В. Сталина по языкознанию для изучения языкового родства восточнославянских языков, а также излагаются процессы формирования белорусского национального и литературного языков, определяется положение белорусского языка среди других славянских языков, сообщаются краткие сведения о территории, занимаемой белорусами, кратко говорится о диалектах белорусского языка, дается, тоже очень краткая, характеристика белорусского языка и, наконец, приводятся некоторые сведения о современном белорусском правописании.

Процесс формирования белорусского национального и литературного языков очерчен очень сжато и в самом общем плане, без конкретного историзма, причем автор очень нечетко разграничивает процесс формирования белорусского национального языка и развитие одной из форм его — литературного языка. Упомянув буквально в нескольких словах о договорной грамоте с Ригой и Готским берегом (XIII в.), автор сразу же переходит к XVI в., причем переводы текстов священного писания на белорусский язык трактует почему-то как памятники белорусского литературного языка. Дальнейший процесс формирования белорусского национального языка автор излагает уже совсем в отрыве от конкретной истории.

Раздел (во «Введении») «Положение белорусского языка среди других языков» (следовало бы: среди других славянских языков) нуждается в дополнении: приведены черты (полногласие, судьба сочетаний *dj* и *tj* и др.— стр. 11), объединяющие в одну группу восточнославянские языки, но не показано — и читателю приходится принимать это на веру,— что указанные черты отличают эти языки от южных и западных славянских языков. В этом разделе автор обязан был более детально и более четко определить объект своего исследования — белорусский язык. Так, указывая характерные черты восточнославянских языков, к которым принадлежит и белорусский язык, автор ограничивается перечислением четырех фонетических черт, совершенно не касаясь особенностей морфологии и лексики. Однако и об этих фонетических чертах в книге говорится без достаточной полноты. Например, указав, что шипящие *ж* и *ч* получились из старых *dj*, *tj*, автор не указывает сочетаний *kt*, *gt*, которые перед гласными переднего ряда тоже давали *ч*.

Определение собственно белорусских черт тоже дано недостаточно полно и точно. Например, на стр. 11 говорится, что мягкие согласные *т'*, *д'* произносятся с незначительным свистящим призвуком, а на стр. 39 отмечается, что звук *ц'* (из *т'*) образует парное соотношение со звуком *ц*, т. е. отличается от последнего только мягкостью; между тем в звуке *ц* свистящий призвук не является незначительным.

В числе характерных особенностей белорусского языка необходимо было также отметить γ фрикативное. Правда, этот звук широко представлен и в южновеликорусских говорах, но ведь автор сравнивает белорусский литературный язык с литературным русским языком, которому свойственно *г* взрывное.

В числе характерных черт белорусского языка в целом автор называет аканье, которое он, отказываясь от общепринятого определения, очень неудачно определяет, как «различие в произношении ударных и неударных *а*, *о*, *е*, *'а* (*я*)» (стр. 12). Это невер-

но и по существу, например по отношению к звуку *а* после твердых согласных, который в акающих говорах (и окающих) не имеет различия в произношении в ударном и безударном положениях. Ср. *трава́* — *тра́вы*, *дава́й* — *да́ў* и т. п. То же можно сказать и относительно *а* после мягких согласных; ср. *цягну́* — *цягнем* и т. п. Кроме того, автор не указывает, что аканье — это явление первого предударного слога. Если же аканьем назвать не только известного рода вокализм первого предударного слога, то, по определению автора, к «акающим» можно отнести, например, говоры Владимирско-Поволжской группы, где во втором предударном слоге *о* произносится не так, как под ударением, т. е., по терминологии Т. П. Ломтева, имеет «различие» в произношении; ср. *гълова́* — *го́лъвы*.

Характеристика белорусского языка вообще отличается неполнотой. Например, в числе общих с украинским языком черт не отмечены такие, как сохранение свистящих (в соответствии с задненёбными) в падежных формах (*руцэ*, *назе*, *сасе* и т. п.). Те же черты белорусского языка, о которых говорится в книге, охарактеризованы неточно, что ведет к неверным выводам. Так, автор пишет о наличии в белорусском языке неслогового *у* (*ў*) после гласных перед согласными и в конце слов в соответствии с русским *л*, например: белорусск. *воўк*, *тоўсты*, *таўсцяк*; русск. *волк*, *толстый*, *толстяк*. Отсюда следует, что звук *л* после гласного перед следующим согласным и в конце слов переходит в белорусском языке в *ў*. Сообразно с этим мы ожидали бы в белорусском языке: *ігоўка*, *поўка*, *гаўка*, *паўка*, *коў*, *поў*, *стоў* (при русском *иголка*, *полка*, *галка*, *палка*, *кол*, *пол*, *стол*), где *л* стоит после гласного перед следующим согласным и на конце слова. Однако этого в белорусском языке нет. В белорусском языке имеем: *воўк*, *тоўсты*, *поўны*, *даў*, *узяў*, *сказаў*, но: *іголка*, *полка*, *галка*, *палка*, *кол*, *пол*, *стол*.

Следовательно, формулировка условий, в которых в белорусском языке появилось *ў* на месте старого *л*, неверна. Она годится для некоторых северновеликорусских говоров, знающих *ў* в этих условиях, но отнюдь не для белорусского литературного языка, где были другие условия изменения *л* в *ў*. Современные белорусские наречия — юго-западное и северо-восточное, на которые распадается белорусский язык, охарактеризованы весьма кратко — всего четырьмя чертами каждое. Эту более чем неполную характеристику белорусских наречий, очевидно, следует, по мысли автора, сравнить с приводимой тут же — ниже — характеристикой литературного языка. Однако сделать это невозможно, так как, например по морфологии, в этой характеристике приводятся черты, о реализации которых в диалектах ничего не говорилось. Кстати заметим, что единственную морфологическую черту, которую автор называет для диалектов: оформление 3-го лица глаголов I спряжения,— он при характеристике литературного языка рассматривает как черту фонетическую (стр. 14). Поэтому у читателя не остается никакого представления о белорусских диалектах как местных разновидностях языка, специфика которых может быть осознана и понята лишь в сравнении с литературной формой того же языка.

Глава вторая «Фонетика» дает известное представление о звуковой системе белорусского языка, однако в ней тоже встречается ряд неточностей. О некоторых из них уже говорилось выше в связи с изложением особенностей белорусского языка в сравнении с другими славянскими языками.

Как общий недостаток можно отметить, что при описании звуков белорусского литературного языка автор не всегда отделяет привлекаемые им тут же данные диалектов, что мешает составлению вполне отчетливого представления о системе звуков литературного языка как таковой. Трудно также уяснить себе критерий, которым пользуется автор, привлекая к рассмотрению одни диалектные явления и совершенно игнорируя другие, не менее важные (см. ниже).

Некоторые вопросы фонетики так и остаются невыясненными в книге. Таково изложение вопроса об *ў*. Этот звук автор рассматривает при обзоре гласных (!!) звуков (см. стр. 25) и не включает его в число губных согласных (стр. 33, § 67) там, где он рассматривает согласные в зависимости от места образования. Это не мешает ему, однако, упомянуть о данном звуке в том месте, где согласные рассматриваются в зависимости от способа образования. Таким образом, этот не то гласный, не то согласный звук оказывается несуществующим по месту образования и существующим по способу образования.

Рассматривая вопрос об этом же *ў* исключительно как о звуке, появляющемся в определенных позициях в результате фонетических изменений звуков *в*, *л* и гласного звука *у*, автор напрасно оставляет в стороне вопрос о широком употреблении этого же *ў* (или *в* билабиального; автор, видимо, не делает различия между двумя этими звуками, см. стр. 11) в положении перед гласными звуками в белорусских говорах.

В говорах, где говорят *woўк*, *woўче*, *wўтра*, этот звук уже нельзя рассматривать как результат позиционных изменений. Следовало бы здесь же указать и на отсутствие звука *ф* в подобных говорах, где он постоянно подвергается заменам.

Напрасно при обзоре консонантизма (стр. 32—45) в разделе о твердых и мягких согласных не показано соотношение звуков *дз* и *дз'* (из *д'*); хотя звук *дз* встречается в немногих словах польского происхождения, но тем не менее он есть в фонетической

системе современного белорусского языка, и его надо было рассмотреть во всех его соотношениях с другими звуками. Кстати, в разделе о соотношении звонких и глухих согласных звук *дз* сопоставляется с соответствующим глухим звуком *ц*.

В главе «Фонетика» в качестве звуковых различий рассматриваются факты весьма ограниченного распространения, связанные лишь с определенными явлениями морфологического характера. Например, на стр. 29 говорится, что «в соответствии с белорусским литературным *ы* в диалектах встречается звук *э*: *кудэ* вместо *куды*; *хустачка сястрэ* вместо *хустачка сястры*; *бочка вадэ* вместо *бочка вады*; *вов травэ* вместо *вов травы*».

Прежде всего, *кудэ*, *сястрэ*, *вадэ*, *травэ* в приведенных примерах — разные явления, вызванные разными причинами: *кудэ* вызвано или влиянием слов другой грамматической категории, или это измененная старая форма (*кѫдѣ*), а *сястрэ*, *вадэ*, *травэ* вместо *сястры*, *вады*, *травы* — также явление морфологического характера, но вызванное влиянием мягких основ женского рода на твердые, т. е. влиянием форм род. падежа ед. числа женского рода: *земле*, *воле* (из *землѣ*, *волѣ*) на формы *сестры*, *воды*, *травы*. Такие формы свойственны и севернорусским говорам.

Морфологическим по происхождению может быть также и *ы* вместо *у* в приводимых автором словах: *слых* (под влиянием *слышу*, *слышать*), *быццам* (под влиянием *быць*) и т. д.

«Звук *е* из *и* в безударном положении,— говорит автор,— может перейти в *а* в акающих говорах, например, *бялет*, *вяшнёвы*; в глаголах 3-го лица единств. числа II спряжения: *нося*, *прося*, *ходзя* и т. д.» (стр. 29). Но имеем ли мы здесь переход звука или замену его звуком *а* под влиянием акающих говоров? На правомерность последнего предположения указывают формы *нося*, *прося*, *ходзя* и т. д., возникшие под влиянием I спряжения.

Отделы «Образование основ имен существительных» в третьей главе «Морфология» (стр. 46—65) и «Образование основ имен прилагательных» в четвертой главе «Имена прилагательные» (стр. 66—76) разработаны неплохо. Жаль только, что в них не проведено сравнение с суффиксами русского языка имен существительных и прилагательных; в связи с этим не остается ясного представления о системе суффиксов в белорусском языке, отличающей его от русского языка.

Кроме того, автор не всюду различает состав слова с точки зрения современного языка и с точки зрения этимологической, не учитывает процессов опрощения. Именно поэтому в книге продуктивные суффиксы не отделены от непродуктивных и обнаружены суффиксы в словах *знак* (стр. 46), *кажух* (стр. 48), *цясло*, *дышло* (стр. 47) и некоторых других.

Указывая в § 124 на расхождение в роде имен существительных *боль* и *тень* в белорусском литературном и русском языках (в белорусск. *боль* и *тень* мужского рода), следовало бы сказать о таком расхождении и в ряде других слов, например, в весьма распространенных словах *гусь* и *собака* (в белорусск. языке *гусь* женского рода, а *собака* мужского).

Говоря в § 177 о сложном (или, как называет его автор, местоименном) склонении прилагательных мужского рода, надо было привести первоначальные, старые, наиболее типичные формы этого склонения, подвергшиеся затем влиянию форм местоимения *тот* (*того*, *тому*), и на них показать постепенность изменений (*добраѥго*>*добраего*>*добрааго*>*добраго*; *добруѥму*>*добруему*>*добрууму*>*добруму*). Это тем более необходимо, что эти формы являются ярким примером, иллюстрирующим учение И. В. Сталина о том, что качественные изменения в языке совершаются «...не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»[2].

В главе шестой «Местоимения» (стр. 84—91) в разделе «Склонение местоимений» следовало бы пояснить, почему местоимения женского рода выделяются в особое склонение и почему этого не произошло в сложном склонении имен прилагательных.

В § 217, в том же разделе, отмечая отсутствие в белорусском языке энклитик *ми*, *ти*, *си* и *мя*, *тя*, *ся* в формах дат. и вин. падежей, автор говорит о сохранении их в современных русских диалектах и приводит пример: *Я те дам*,— где *те*, по его мнению, является такой энклитикой, заменившей более старое *ти* под влиянием формы *тебе*. Энклитикой называет частицу *те* в предложениях: *Я те дам*!, *Вот те на*! — и А. С. Никулин[3].

Основываясь на примерах употребления частицы *те* в произведениях русской художественной литературы второй половины XVIII в. и на данных русской диалектологии, можно с уверенностью сказать, что частица *те* появилась в русском языке без всякой связи с энклитикой *ти*.

---

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

[3] См. А. С. Никулин, Историческая грамматика русского языка, Л., Учпедгиз, 1941, стр. 54.

В перечне предлогов (а их три: один — в разделе «Формы падежей», § 132, и два — в разделе «Предлоги», § 275) имеются пропуски. Например, в перечне предлогов с род. падежом пропущены предлоги *супроць*, *сярод*, *акрамя*, *між*, *паміж*, *з*; с вин. падежом — *скрозь*, *з*, *па*; с твор. падежом — *між*, *з*; с местн. падежом — *на*. Аналогичные явления имеются и в других перечнях.

Существенным недостатком книги является отсутствие в ней главы, посвященной ударению в современном белорусском языке — одному из интереснейших и важнейших вопросов белорусского языкознания. Нельзя не указать как на недостаток и на отсутствие в книге библиографии соответствующего содержания. Книга предназначается для государственных университетов, она рассчитана на учащуюся молодежь — пытливую, вдумчивую, способную заинтересоваться любым специальным предметом. И вот для этой-то молодежи и необходима библиография с небольшими аннотациями к названным работам.

Наконец, есть в книге недосмотры (их целый ряд; некоторые из них мы уже отмечали выше: пропуск предлогов и пр.), указывающие на невнимательное отношение автора к своей работе. Так, на стр. 100 названы наклонения: повелительное, изъявительное и сослагательное (порядок наклонений — автора книги); в дальнейшем же о «сослагательном наклонении» ничего не говорится, а на стр. 107 рассматривается «условное наклонение», т. е. единства в названии одного и того же явления нет.

На стр. 37 в § 83, говоря о том, что «звук *ф* соответствует иноязычному *f*, греч. φ (фи), например, *форма*, *фунт*, *фантазія*, *тыф*, *фабрыка*, *фельчар*», автор ошибочно отнес сюда такие слова, как *форма*, *фунт*, *фельчар* и др., у которых *ф* не находится в соответствии с греческим φ (фи),— они не греческого происхождения. Выражение «греч. φ (фи)», взятое в запятые, поясняет, что под иноязычным *ф* автор разумеет греческое φ (фи).

На стр. 12 в § 14 мы имеем дело, повидимому, с простым недосмотром автора: вместо «звуки *ы* и *и* в соответствии с русскими *о* и *и* перед *и* или j», следует читать: «Звуки *ы* и *и* в соответствии с русскими *о* и *е* перед *и* или j». На стр. 60 в § 144, п. в указано окончание *-ёй*, повидимому вместо *-ей*; см. примеры: *сані* — *саней*, *сені* — *сяней*, *дзверы* — *дзвярэй*, *грудзі* — *грудзей*, *куры* — *курэй*.

Транскрипция автора в ряде случаев очень неточна: например, на стр. 15 в § 25 вместе с гласными *о*, *э* указываются также *'е*, *ё*. Встречается и немало опечаток.

О книге Т. П. Ломтева можно говорить лишь как о пособии по современному белорусскому языку, в котором к тому же было бы очень важно устранить в дальнейшем целый ряд несогласованных моментов и дезориентирующих читателя неточностей. Книга нуждается в хорошей обработке ее ответственным редактором (проф. П. С. Кузнецов — ответственный редактор книги — при подготовке первого издания этой работы явно не провел). Вопрос о привлечении диалектных данных и о месте исторического комментария к фактам белорусского языка разрешен в книге недостаточно продуманно и в целом неудовлетворительно.

Диалектные данные привлекаются в большой степени случайно, исторический комментарий дается непоследовательно. Возможно, что книга значительно выиграла бы, если бы ее автор не ставил своей задачей при столь сжатом объеме сообщить читателю одновременно сведения по современному белорусскому языку, его диалектологии и истории.

П. А. Расторгуев

J. Casares. **Introducción a la lexicografía moderna.**—Мадрид, 1950. 354 стр. (Х. Касарес. Введение в современную лексикографию.)

«Введение в современную лексикографию» представляет собой цикл лекций, прочитанных в семинарии, организованном для составителей будущего исторического словаря испанского языка. Самый характер задания наложил на построенный курс лексикографии заметный отпечаток: наряду с попытками разрешить ряд теоретических проблем, связанных с лексикографическими исследованиями, автор дает наглядные уроки технического оформления отдельных статей исторического словаря.

Книга состоит из трех частей и «Введения», написанного В. фон Вартбургом. В первой, общей части работы (Generalidades) автор делает попытку определить место лексикографической науки в ряду смежных дисциплин: этимологии, семасиологии, стилистики и др. Х. Касарес широко декларирует утилитарный характер лексикографии. Лексикография, по Касаресу,— это не наука, а некий свод технических правил, приемов и способов обработки словарного материала национального языка, которые вырастают не из общей теории лексикографии, а механически «сшиваются» из лоскутков непосредственно связанных с лексикографической работой наук.

Непонимание общественной природы языка, отсутствие четкого представления о его общенародном характере приводит к тому, что вместо объективного воссоздания картины жизни языка (его лексики), представляющего определенную систему, исторически возникающую и развивающуюся по своим собственным внутренним законам,

автор направляет своих слушателей по ложному пути субъективной (индивидуально-психологической) интерпретации языковых фактов.

Лексикограф, по мнению Касареса, не должен стремиться к выяснению причин, в результате которых в языке происходят изменения. Он не рекомендует применять слово «законы» (leyes) по отношению к происходящим в области словарного состава изменениям, считая его слишком помпёзным. Отрицание объективного характера законов развития языка привело к тому, что автор не смог сделать правильные выводы о том, что́ такое слово, в каком соотношении находятся слово и понятие, понятие и значение, чем должен руководствоваться лексикограф при установлении семантических границ слова и омонимов, чем определяются типы словарей и т. д.

В вопросе о типах словарей, который является одним из первых вопросов лексикографии, автор не высказывает оригинальных соображений. Касарес полагает, что «лексикография не занимается выбором слов», и, таким образом, лексикографу отводится роль пассивного регистратора языковых фактов. По существу автор отрицает необходимость составления нормативного академического словаря (léxico oficial). Не понимая роли и назначения выборочного словаря, Касарес пытается «теоретически» обосновать несостоятельность метода отбора слов. Ему кажется, что нормативный словарь в принципе не может дать правильного представления о словарном составе языка, так же, например, как перепись населения оказалась бы недостаточной и неполной, если бы из списков были исключены лица, не отличающиеся примерным поведением. Для Х. Касареса лексика общенародного языка является ничем иным, как арифметической суммой словарей отдельных индивидов, а потому он отрицает самую возможность представить эту лексику как некую единую систему, на которой в действительности и зиждется единство понимания.

Критикуя недостатки словарей академического типа, Х. Касарес без всяких оснований дискредитирует самую идею составления нормативных словников. Поскольку практически нормативные словари все же создаются, то Касарес советует задачу выбора слов поручить корпоративному органу — академии, подчеркивая тем самым еще раз, что в данном вопросе основной является не научная, а административная сторона дела.

Что касается принципов построения исторического словаря, то, ориентировочно устанавливая объем его в 400 тыс. статей, автор призывает следовать примеру «Большого оксфордского словаря»[1], хотя и указывает, что в нем слишком большое место отводится инонациональной лексике.

Л. В. Щерба совершенно справедливо писал о словарях, подобных «Большому оксфордскому»: «При всей их историчности установка их на мой взгляд вовсе не историческая: их цель дать все значения всех слов, принадлежащих и принадлежавших к данному национальному языку за все время его существования»[2]. Именно такой и является установка Касареса: дать все значения по возможности всех слов, принадлежащих и принадлежавших испанскому языку с периода появления первых литературных памятников (XII в.) до настоящего времени. Работа по составлению такого исторического словаря испанского языка осложняется в настоящее время тем, что за последние 12—13 лет совершенно прекращена подготовка глоссариев и так называемого Corpus de Diccionarios[3], не ведется больше работа по составлению лингвистического атласа, не исследуется лексика отдельных писателей и произведений (вроде словаря к «Поэме о Сиде»).

В своей работе Касарес не мог, естественно, не коснуться вопроса об определении значения слова и о принципах разграничения отдельных его значений. Касарес отмечает, что до настоящего времени ученые не пришли к единому мнению в отношении того, что такое с л о в о. Он утверждает, что в механизме языка нет устойчивого соотношения (correlación estable) между знаком и обозначаемым, иначе говоря — между словом и понятием (concepto), которое оно обозначает. Устойчивое соотношение знака и обозначаемого мы можем наблюдать, по мнению Касареса, только в природе, например, природный знак д ы м свидетельствует о наличии о г н я, условный знак к р а с н ы й ц в е т возвещает об о п а с н о с т и. Единственно устойчивыми в языке являются словесные знаки-термины вроде *binomio* «бином», *gasolina* «газолин». Изолированное от контекста слово представляет собой ядро потенциальных обозначений (núcleo de posibilidades significantes), которые не представляются одинаковыми для всех членов соответствующей языковой общности (стр. 53).

Субъективистский, «психологический» подход к фактам общенародной речи приводит автора к мысли о том, что подлинное значение слова вообще нельзя установить. Единственно реальны, по Касаресу, те значения, которые возникают в мысленном пред-

[1] A New English Dictionary on Historical Principles founded mainly on the materials collected by the Philological Society edited by James A. H. Murray, Oxford, Clardendon Press, 1884.

[2] Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.,1940, № 3, стр. 117.

[3] Имеется в виду свод наиболее известных испанских словарей XVI—XVII вв.

ставлении отдельных индивидов. Основываясь на подобном «принципе», автор приходит к выводу о том, что любое слово может иметь самые разнообразные оттенки значений в зависимости от особенностей психического склада тех индивидуумов, которые употребляют данное слово. Мысленное представление, которое вызывает, например, слово *marisma* «низменный берег, заливаемый приливом» будет различным у людей, далеко живущих от берега, и у береговых жителей (стр. 53).

В изолированном от контекста слове содержится неограниченное количество потенциальных смысловых возможностей (стр. 57). Поскольку соотношение между знаком и обозначаемым крайне неустойчиво, и элементы, входящие в это соотношение, могут варьироваться, то лексиколог должен заниматься параллельным изучением эволюции знака (т. е. слова) и обозначаемого (т. е. вещи) (стр. 53). В каждом случае, утверждает Касарес, ученый должен обязательно анализировать результаты вмешательства мыслящего индивида (который может действовать сознательно или бессознательно) в соотношение знака и обозначаемого. Правда, Касарес вынужден признать, что на изменение значения слова могут влиять не только субъективные факторы (психика мыслящего индивида), но и объективные: социальные, культурные и даже политические (стр. 54). Однако пример, который он приводит в доказательство влияния политического фактора на эволюцию слова, не имеет никакого отношения к подлинно научному семантическому анализу. Он указывает, что издавна известное испанскому языку слово *jornalero* «поденщик; человек, вынужденный зарабатывать хлеб тяжелым трудом» в период зарождения в Испании социалистического движения стало заменяться словом *obrero* «рабочий»; в конституции 1931 г. в этом значении употребляется слово *trabajador* «трудящийся», а пришедшие в 1939 г. фашисты стали обозначать понятие «поденщик» словом *productor* «производитель» (стр. 54). Нетрудно заметить, что в данном примере речь идет не о подлинной эволюции слова *jornalero*, а о конституционно-правовом зачислении группы лиц, обозначаемых этим словом, в категорию рабочих, трудящихся и т. д.

В манипуляции с заменой слова *jornalero* на расплывчатое *productor* можно наблюдать практическое использование рецептов, рекомендуемых представителями так называемого семантического идеализма. Но, по Касаресу, лексикограф не должен интересоваться причинами, вызывающими изменения значений слов, его дело — учесть различные значения слова и по возможности установить, в каких взаимоотношениях они находятся (стр. 55).

Касарес правильно замечает, что определение значения слова и установление количества значений является одним из самых трудных языковедческих вопросов. Утверждая, что в слове содержится неограниченное количество потенциальных смысловых возможностей и что слово в каждом новом контексте имеет особое значение, он сближается с позицией К. Фосслера, который настаивал на том, что значение слова вообще нельзя определить, так как мы каждый раз вкладываем новое значение в одно и то же слово[4].

Спор между Штейнталем и Германом Паулем, говорит Касарес, по поводу того, существуют или не существуют слова, имеющие более одного значения, не имеет практического интереса для составителя словаря, если речь идет о современных языках (стр. 59). Однако практически, замечает Касарес, приходится решать данный вопрос. В разрешении этой проблемы есть две тенденции. Одна из них характеризуется стремлением проанализировать в мельчайших подробностях все оттенки значений, другая останавливается на тех значениях, которые воспринимаются четко отграниченными друг от друга. Выявление оттенков значений скрывает перспективу общего, хотя и дает полную генеалогическую картину развития значений. Чрезмерная конденсация имеет свои отрицательные стороны: трудно подобрать бесспорные иллюстративные примеры, затушевываются фазы специализации значений (стр. 58—59).

Касарес не дает теоретического обоснования приемам выявления отдельных значений слова. По его мнению, в каждом отдельном случае это зависит от конкретного материала и от индивидуальных представлений исследователя. Иначе говоря, рекомендуется интуитивно-эмпирический подход к материалу исследования. При разграничении значений слова Касарес советует учитывать следующее:

1. Если слово заимствованное и до прихода в испанский язык имело два или несколько значений, более или менее ясно прослеживаемых в новой языковой среде, то необходимо соответственно выделить эти значения.

2. Если слово, широкое по смысловому диапазону, порождает некое суженное значение (явление так называемого сужения значения), то это последнее следует выделить в словаре в самостоятельную рубрику. Например, *hierba* «трава вообще» и *hierba*, или *yerba*, «парагвайский чай» (в испанском языке Южной Америки).

3. Если окказиональное употребление стало узуальным, то это последнее фиксируется как самостоятельное значение слова.

---

[4] Ср.: «Каждый раз, употребляя слово *господа*, я возобновляю его материю; это новый звуковой акт и новый акт психологический» (Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр. 110).

4. Если слово, употребленное в переносном значении, требует, чтобы для понимания слушающий обратился вначале к прямому значению и только потом снова к метафорическому, то это значит, что речь идет об окказиональном употреблении слова, а не о новом его значении. Например, *un enjambre de pretendientes* «рой просителей».

5. Если определяющее слово отрывается от определяемого по формуле *buque acorazado* = *acorazado*, буквально: «броненосный корабль» = «броненосный» (броненосец) (стр. 64—67), то подобного типа определяющее слово должно быть выделено в самостоятельную рубрику.

Пытаясь наметить пути выявления лексико-фразеологических вариантов слова, Касарес не учитывает в той степени, в какой это было бы необходимо, лексико-синтаксических возможностей слова, не делает четкого различия между основным значением, тесно связанным с понятием, и периферийными значениями, не привлекает материала для синонимических и антонимических сопоставлений.

Вслед за разрешением вопроса о количестве значений слова встает не менее трудная задача о порядке расположения лексико-фразеологических вариантов слова. Касарес отмечает несколько возможных принципов расположения: эмпирический, генетический, логический и исторический.

Испанская Академия в словарях общего типа обычно следует эмпирическому принципу. Касарес останавливает свое внимание на эмпирическом и историческом принципах, отмечая, что оба они имеют право на существование. Первый, т. е. эмпирический, исходит из чисто практических нужд, и составитель, следующий этому принципу, помещает вначале общеупотребительное значение, затем устаревшее, фамильярное, фигуральное, областное и испано-американское, жаргонное, техническое. Главным недостатком эмпирического принципа Касарес считает отсутствие достоверных статистических данных о частотности употребления слова в том или ином значении. Так, словарь Академии в статье *asunto* первым выделяет значение «сюжет» (*cuadros de asunto religioso* — «картины с религиозным сюжетом, тематикой»), последним — «дело» (*negocio*) (в словаре 1914 г. это значение вообще не выделялось). За последние десятилетия, как показал опрос, проведенный Касаресом, наиболее частым является употребление слова *asunto* именно в значении «дело» (стр. 69—70).

В основу генетического принципа кладутся соображения: как? когда? почему?

Исторический принцип делает затруднительным практическое (не в научных целях) использование словаря, поскольку первой дается этимология слова, затем первоначальное (исходное) значение и после целой серии других значений самое употребительное (основное).

Несмотря на целый ряд трудностей, которые стоят на пути реализации исторического принципа, Касарес считает его более приемлемым. Идеальным макетом статьи, построенной по историческому принципу, представляется Касаресу тот, когда перед нами генетическое развитие значения совпадало бы с хронологическим порядком появления в письменных памятниках этих новых значений. Однако этого редко удается достигнуть. Многие значения слов могли существовать в различные периоды развития языка, но они не всегда фиксируются в письменных памятниках, а потому не могут быть учтены лексикографом. Далее, генетическое развитие слова может не быть единым, если то или иное слово имело два или несколько значений в том языке, из которого оно заимствуется. Таким образом, может возникнуть не одна, а несколько генетических линий развития, причем они чаще всего перекрещиваются, раздваиваются, разветвляются и порождают новые серии значений. Бывает и так, что какое-нибудь слово, например греческого происхождения, пришедшее в испанский язык в трансформированном виде из вульгарной латыни, в более позднюю эпоху может перейти из книги в первоначальном значении, что, естественно, вызовет «противоречие» между генетическим порядком расположения и хронологией. Для того чтобы привести в соответствие линию генетического развития с хронологией, Касарес считает необходимым выделить по возможности все основные разряды развития значений. В каждом разряде определяется группа семантически сходных значений. Таким образом, облегчается увязка генетической линии развития (в каждом из разрядов) с хронологией (тоже не общей, а для каждого из разрядов).

Касарес, видимо, прав в том отношении, что в историческом словаре ссылка на этимологию должна содержать не только указание на слово, скажем, латинского языка, из которого развивается испанское, но и основные варианты значений этого латинского слова. Так, например, недостаточно указать на то, что слово *orden* происходит из латинского *ordo*, нужно здесь же отметить, что оно в латинском языке имело значения: а) расположение вещей в пространстве; б) последовательное расположение чего-либо во времени; в) места в цирке, расположенные уступами (стр. 89). Сопоставление вариантов значений латинского слова с основными разрядами значений слова в испанском языке действительно дало бы интересный и поучительный для лексикографа материал. Для того чтобы сделать убедительной представляемую лексикографом картину развития значений того или иного слова, Касарес считает необходимым при-

водить статистический материал: количество собранных, но не помещенных в словарь примеров обозначать соответствующей оставшемуся количеству карточек цифрой, например (+17), (+25) и т. д.

В своей работе Касарес затрагивает чрезвычайно интересный вопрос о месте сложных слов и словосочетаний в словаре. В отличие от Дармстетера и Мейера-Любке, он подходит к сложному слову не с чисто этимологическим критерием, но пытается выделить слова, совершенно утратившие свой некогда сложный состав, и слова, сохраняющие в полном объеме свою лексическую многочленность. Когда слияние компонентов закончилось, замечает Касарес, то включение его в словарь не представляет никаких трудностей. Для испанца *dieciseis* и *diez y seis* (шестнадцать), несмотря на различное написание,— одно слово. Различные написания в данном случае не могут интересовать лексикографа, хотя при отсылке телеграммы слитное или раздельное написание отражается на оплате (стр. 93).

Основное внимание Касарес, естественно, уделяет вопросу о словосочетаниях. Как известно, в словосочетаниях выявляется качество сложного слова в собственном смысле, но все же словосочетание не тождественно сложному слову. Касарес справедливо протестует против включения в словарь окказиональных комбинаций слов вроде *buque de vela* «парусный корабль», *buque de guerra* «военный корабль» и т. д. В историческом словаре подобные комбинации слов, говорит он, не должны отмечаться, ибо этот словарь занимается в первую очередь словами, а не объяснением вещей и понятий (то же самое нужно было бы сказать и относительно других типов словарей, например академического, общего). Однако устойчивое словосочетание *caballo de vapor* «лошадиная сила» необходимо должно быть включено в словарь, поскольку в отдельности ни слово *caballo* «лошадь», ни слово *vapor* «пар» не передают понятия единицы мощности, которая равна 75 *кгм/сек* (стр. 101).

Мы считаем, что устойчивые словосочетания этого типа могли бы быть определены как составные термины[5], которые выражают одно понятие и тем самым являются эквивалентом слова. Но Касарес четко не отграничивает эту группу составных терминов от других типов фразеологических сочетаний.

Под фразеологическим сочетанием (locución) Касарес понимает «устойчивую комбинацию двух или нескольких слов, функционирующую в качестве одной из частей речи, и смысл которой, понятный данной лингвистической общности, воспринимается не иначе как единая сумма составляющих ее компонентов» (стр. 170). С этой точки зрения выражение *noche oscura* «темная ночь» не является фразеологическим сочетанием, поскольку прилагательное *oscura* является одним из возможных определителей существительного *noche* и, сочетаясь с ним, не теряет своего обычного значения «темная». Другое дело сочетание *noche toledana* «бессонная ночь». В данном фразеологическом сочетании прилагательное *toledana* «толедская» не имеет своего первоначального значения. Истинное значение *toledana* может быть осмыслено и понято только в сочетании с *noche*. Все выражение означает «ночь, в которую нельзя сомкнуть глаз», «бессонная ночь» (стр. 170).

Касарес пытается также дать классификацию фразеологических сочетаний на основе структурного анализа и анализа по функции. Весь разряд фразеологических сочетаний он делит на две группы: значимые (significantes) и связанные (conexivas). В группе значимых он отмечает именные, т. е. образовавшиеся на базе имен существительных и эквивалентных им, например *papel moneda* «бумажные деньги»; адъективные (adjectivales), т. е. выступающие в функции прилагательных, например (*una comedia*) *de cascabel gordo* «трескучая, пустая (комедия)»; глагольные, т. е. образовавшиеся из глагола, который, сочетаясь с прямым или косвенным дополнением, образует сложный предикат, например *subirse a la parra* «лезть на стену, сердиться»; причастные, например *hecho un mar de lágrimas* «заплаканный, весь в слезах»; наречные, местоименные и междометные. Группа связанных фразеологических сочетаний подразделяется на союзные, например *con tal que* «с тем, чтобы», и препозитивные, например *en pos de* «вслед за» (стр. 170—184).

Нетрудно заметить, что принцип деления в данной классификации проведен нечетко: достаточно сопоставить адъективную группу фразеологических сочетаний (учтена только функция) с причастной (учтена только формальная сторона). Вслед за многими испанскими лексикологами и грамматистами Касарес считает, что одним из признаков устойчивых сочетаний (эквивалентов слова) является часто наблюдаемая в них «грамматическая аномалия». По мнению многих испанских лингвистов, сочетания вроде *a pie juntillas*, *a ojos vistas* являют собою примеры «грамматической аномалии», ибо, например, в первом случае «нарушается» грамматическое правило согласования: существительное *pie* стоит в форме единственного числа и относится к мужскому роду, а прилагательное *juntillas* имеет формальные показатели женского рода множественного числа.

---

[5] См. В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, сб. «Академик А. А. Шахматов», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 358.

Подобный анализ свидетельствует о том, что у Касареса нет четкого представления о грамматических особенностях словосочетания (соответственно, сложного слова). Термин «грамматическая аномалия» в применении к подобного рода примерам совершенно запутывает дело. Сочетание *a pie juntillas* является устойчивым словосочетанием наречного типа и в данном случае нужно говорить не о «грамматической аномалии», а о вполне закономерном, «грамматически нормальном» явлении включения устойчивых словосочетаний в определенный разряд слов (частей речи), а именно — в разряд наречий. Это включение происходит в соответствии с законом грамматической аналогии.

Уже на ранних этапах развития испанского языка в разряде наречий, который пополнялся за счет различных частей речи и потому не имел своих собственных ярко выраженных формальных показателей, мы наблюдаем в ряде случаев процесс унификации окончаний. Унификация шла, в частности, за счет добавления конечного *-s*. В отдельных случаях *-s* становилось единственным элементом, при помощи которого могли различаться такие, например, слова, как *ante* (предлог) и *antes* (наречие). В слове *antes s* не этимологическое, а возникло в результате действия закона аналогии (по аналогии с *después*, *pues*, *más*, *menos*, *jamás* и др.). По этому же типу образовались наречия *quizás*, *entonces*, в арагонском диалекте наречный оборот *de noches* и ряд других, а также наречные обороты *a escondidas*, *a hurtadillas*, *a ciegas*, *de veras*. По этому же типу на *-as* образовались *a pie juntillas*, *a ojos vistas* и др.

Касарес пытается выделить из массы устойчивых сочетаний так называемые пословичные речения (frases proverbiales). Современные испанские словари пользуются целой серией крайне расплывчатых терминов для определения тех речений, которые не входят ни в разряд собственно фразеологических сочетаний, ни в категорию пословиц и поговорок, хотя и обнаруживают близость и к тем и к другим. Касарес указывает, что такие термины, как «выражение» (expresión), «оборот» (giro), «готовое речение» (frase hecha), часто применяемые в словарях, вследствие крайней неопределенности должны быть отброшены (стр. 85).

Что же такое, по мнению Касареса, пословичное речение? Для определения этого понятия и для выделения в словаре разряда подобного типа речений автор предлагает учитывать следующие факторы:

1. Любая формула, состоящая из нескольких слов, которую можно свести к одной из категорий фразеологических сочетаний, не является пословичным речением (негативное определение) (стр. 186).

2. В большинстве случаев то, что следует определять и выделять как пословичное речение, является устной или письменной формулой, которая стала известной и широко употребительной благодаря какому-нибудь действительному историческому событию, происшествию, анекдоту и т. д. Например: *las paredes oyen* «и стены имеют уши» [имеется в виду стена Статирия (*Staterii paries*), за которой подслушивались разговоры о планах государственного переворота][6], *tijeretas han de ser* (данное речение, близкое к нашему «Нет, стрижено!», возникло из анекдота об упрямой жене, которая усики виноградной лозы упорно называла «ножничками», с чем не соглашался муж) (стр. 189).

3. Пословичное речение является автономным лексическим единством и обычно не вступает в синтаксическую связь с другими частями предложения, фразы (стр. 190).

4. Выразительная сила пословичного речения заключается не в тех образах, которые в нем содержатся, а в некоем параллелизме, сходстве данной ситуации с той, в которой некогда родилось речение (стр. 190). Так, например, испанец, отпив некоторое количество вина или воды из кувшина или какого-нибудь другого сосуда, нередко произносит: *Hasta verte*, *Jesús mío* «до свидания, Иисусе». В давние времена обычно на дне кувшина делалась надпись J. H. S., обозначавшая имя Иисуса (Jesús),— отсюда и родилось фамильярное обращение к «сыну божьему». Данное речение произносится в подходящей (uso congruente) ситуации, т. е., иначе говоря, необходимо предполагает присутствие некоего лица с кувшином в руках (стр. 191).

5. Употребление пословичного речения обычно является своего рода цитированием, ссылкой на некий единичный случай, на некую единственную в своем роде ситуацию. В отличие от пословичного речения пословица (refrán) обычно имеет смысл «универсальной истины» (una «verdad» valedera para la humanidad) и не соотносится с конкретным случаем, событием, происшествием, анекдотом (стр. 194).

6. Пословичное речение в отличие от пословицы не несет на себе следов специальной художественной обработки (метрика, ритм, рифма, аллитерация и т. д.) (стр. 194).

7. Пословичные речения почти во всех случаях тесно связаны с местной национальной средой, как по происхождению, так и по употреблению (стр. 196).

В связи с вопросом о фразеологических сочетаниях, пословичных речениях, пословицах Касарес останавливается на вопросе об идиомах языка, которые он на-

---

[6] См. М. И. Михельсон, Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, т. II, стр. 425.

зывает modismos. Разделы, посвященные идиоматике, содержат интересные данные по истории терминологии, в них критикуются недостатки традиционных определений понятия «идиома», высказывается целый ряд соображений по этому вопросу, но четких выводов автор не делает и заканчивает серию этюдов призывом к серьезной научной разработке этой проблемы.

В главе, посвященной вопросу о лексическом составе языка, автор в основном уделяет внимание лексическим пластам, лежащим вне общенародной нормы употребления: жаргонизмам, узким профессионализмам, областническим употреблениям и т. д. С теоретической точки зрения эта часть работы не представит интереса для советского читателя, хотя в ней и содержится ряд верных замечаний и богатый иллюстративный материал. В теоретических положениях Касарес мало самостоятелен и оригинален. Пагубно сказывается на общей теоретической системе построения курса и на практических выводах принятие автором, в несколько подправленном виде, антиисторической в своей основе соссюрианской концепции сущности языка. Как известно, основным положением, на котором базируется социологическая концепция де Соссюра, является противопоставление «речевого акта» и «языка».

«Избегая бесплодных определений слов,— говорит де Соссюр, — мы прежде всего различили внутри общего феномена, каким является *речевая деятельность* (langage), два фактора: *язык* (langue) и *речь* (parole). Язык для нас — это речевая деятельность минус сама речь. Он есть совокупность лингвистических навыков, позволяющих отдельному человеку понимать других и быть ими понятым»[7].

Касарес также оперирует понятиями «речевая деятельность» (lenguaje), «язык» (lengua, idioma), «речевой акт» (habla). «Речевая деятельность», по определению Касареса,— это система выразительных возможностей (posibilidades expresivas) в пределах однородной лингвистической общности, включая в число этих возможностей и те, которые пребывают в скрытом состоянии (en estado latente) (стр. 267). «Языком» он называет целостную систему проявившихся средств выражения (conjunto de las expresiones actualizadas), которые порождены «речевой деятельностью». «Актом речи» называется вводимая индивидом в действие часть «языка», состоящая из собрания устных формул, при помощи которых сносятся между собой более или менее многочисленные группы людей внутри одной и той же лингвистической общности.

Все «акты речи» подчиняются механизму «речевой деятельности», а сумма «актов речи» составляет «язык». В «речевых актах» возникают новшества, проявляется индивидуальное языковое творчество, они — источники всяких изменений и преобразований, речевая же деятельность представляет собой систему, обладающую исключительной консервативной силой. Преобразования, возникающие в «речевых актах», не затрагивают «речевой деятельности». «Речевая деятельность» претерпевает изменения только в результате сильных потрясений, например, под влиянием вторжения народов с чужой речью.

«Речевая деятельность» отпечатывается в психике индивида в форме приобретаемого инстинкта, который находит свое выражение в явлениях аналогии. Так, если от глагола *facturar* образуется существительное *facturación*, то по аналогии от *conjeturar* мы строим или воспринимаем как нечто известное *conjeturación*. Это слово потенциально содержится в «речевой деятельности» и в любой момент из потенции может превратиться в действительность. Изучением «речевой деятельности» занимается, по мнению Касареса, общая лингвистика. Объектом лексикографии является «язык» (стр. 267).

Так же, как и де Соссюр, Касарес считает, что «речевая деятельность» есть явление социальное, т. е. предполагает участие по крайней мере двух индивидов. Если один из индивидов, поясняет Касарес, воспроизводит комбинацию звуков a l t e r n a m i e n t o (заметим от себя, что этот комплекс звуков не составляет слова) и этот акустический знак не вызывает у другого индивида словесного образа и не ассоциируется с чем-то знакомым (иначе говоря, не понимается слушателем), то в этом случае нельзя говорить ни об «акте речи», ни о «речевой деятельности», ни о «языке». Напротив, если этот причудливо составленный комплекс звуков будет воспринят (понят), то это будет означать, что акт «речевой деятельности» (lenguaje) совершился (стр. 326—327).

Касарес считает, что недостаток социологической концепции де Соссюра заключается в слишком категорическом противопоставлении «акта речи» (parole) «языку» (langue). Связующим звеном между ними, по мнению Касареса, является «речевая деятельность», понимаемая как система выразительных возможностей д а н н о г о н а ц и о н а л ь н о г о я з ы к а. Индивидуальный «акт речи» через систему выразительных возможностей «речевой деятельности» в пределах конкретного языка превращается в факт «языка». Несмотря на некоторые оговорки, концепция Касареса почти полностью совпадает с построениями де Соссюра. Касарес так же, как

---

[7] Ф. де С о с с ю р, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр. 86.

и де Соссюр, далек от подлинно научного историзма и по существу приходит к его отрицанию. Для Касареса так же, как и для основателя социологической школы, язык представляет собою социально значимую систему знаков, причем знак по своей природе психичен. Ясно, что подобные теоретические посылки обрекают на провал практическую работу по составлению исторического словаря.

Касарес далек также от истинно научного представления об общенародном характере языка. Общенародный язык (lengua común), по Касаресу, возникает как арифметическая сумма из индивидуальных «актов речи», в каждом из которых выявляется некая общая для многих говорящих часть (стр. 268—271). В буржуазной лингвистической литературе нередко можно встретить утверждение о том, что общенародного языка как такового не существует. Доза́, например, очень ясно выражает свое сомнение по поводу реальности существования общенародного языка; по его мнению, реальны «специальные языки», т. е., иначе говоря, общество пользуется не единым языком, а жаргонами: крестьянскими, профессиональными, воровскими, литературными [8]. Того же примерно мнения придерживаются и сторонники порочной «теории слоев» (Науман, Рольфс, Лерх и др.)[9].

В книге содержится богатый и разнообразный фактический материал, приводится много интересных справок и данных из области истории лексикографии, исторической семасиологии, этимологии, стилистики, лексикологии; автор дает примеры тонкого стилистического анализа словоупотреблений, высказывает ряд верных замечаний по поводу испанской и иностранной лексикографической продукции.

Однако основные проблемы лексикографической науки, вследствие ошибочных, а иногда и просто порочных методологических установок автора, остались неразрешенными. Самоочевидно, что без построения правильных, научных основ общей теории лексикографии ответственная работа по составлению исторического словаря не может протекать успешно.

Г. В. Степанов

---

[8] См. A. Dauzat, Les argots. Caractères, evolution, influence. Paris, Delagrave, 1929.

[9] См., например: H. Naumann, Über das sprachliche Verhältnis von Ober- zu Unterschicht, «Jahrbuch für Ph.», I, München, 1925; E. Lerch, Über das sprachliche Verhältnis von Ober zu Unterschicht, там же.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1953

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В БАШКИРИИ

1

До Великой Октябрьской социалистической революции башкирский язык совершенно не изучался. Лишь некоторые авторы грамматик тюркских языков обращались к отдельным фактам башкирского языка, пользуясь ими как материалом для сравнения. Например, в «Общей грамматике турецко-татарского языка» А. К. Казембека (Казань, 1846), в учебнике «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана» М.-С. Бикчурина (Казань, 1859) имеются некоторые сведения о фонетике башкирского языка. Некоторые материалы, тоже главным образом по фонетике башкирского языка, начиная с 70-х годов XIX в., находим в «Записках» и «Известиях» Оренбургского отдела Географического общества, в трудах Оренбургской ученой архивной комиссии, а также в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Ученых записках» Казанского университета. Сюда относятся, например, статьи Д. Н. Соколова, А. Г. Бессонова, Н. Ф. Катанова.

Таким образом, мы вначале не имели собранных систематических данных по живому разговорному языку, на которые можно было бы опереться при разработке и выяснении отдельных вопросов созданного после Октябрьской революции башкирского литературного языка. Поэтому для дальнейшего его усовершенствования, для обогащения его лексического состава, установления и уточнения лексических, морфологических и фонетических норм его и выявления диалектальных различий необходимо было прежде всего изучить разговорный язык башкирского народа. С этой целью, начиная с 1928 г., было организовано и проведено по районам Башкирии 17 экспедиций.

Участниками экспедиций собран богатый материал, сыгравший большую роль в установлении фонетико-морфологических норм башкирского литературного языка, в разработке башкирской терминологии и в составлении словарей. На основе этих материалов Т. Г. Баишевым была написана кандидатская диссертация «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» (Уфа, 1949, рукопись).

Недостатком в работе указанных экспедиций было, однако, то, что при изучении разговорного языка и его говоров исключительное внимание обращалось на фонетико-морфологические особенности отдельных говоров, в то время как исследование словарного состава и грамматического строя почти не проводилось.

В 1940 г. башкирская письменность была переведена на алфавит, разработанный на основе русской графики с учетом фонетических особенностей башкирского языка. Все русские буквы включены в башкирский алфавит в таком же порядке, как и в русском алфавите. Кроме того, для обозначения специфических башкирских звуков введены в алфавит еще 9 букв. Таким образом, башкирский алфавит состоит из 42 букв.

Разработанные правила орфографии башкирского литературного языка были утверждены Указом Президиума Верховного Совета Башкирской АССР 23 ноября 1939 г. После этого два раза (в 1941 и в 1950 гг.) вносились некоторые уточнения в отдельные правила орфографии, главным образом было уточнено правописание аффиксов в словах, заимствованных из русского языка, или через русский — из других языков.

Основные принципы действующей орфографии следующие: а) собственно башкирские слова пишутся главным образом по фонетическому принципу; б) слова, давно заимствованные из русского языка и изменившие свою форму, пишутся так, как они произносятся в разговорном языке, иначе говоря, тоже пишутся по фонетическому принципу. Например: *өстәл* «стол», *мәк* «мак», *карап* «корабль, *пинжәк* «пиджак», *самауыр* «самовар», *бүрәнә* «бревно», *суйын* «чугун», *толоп* «тулуп», *көршәк* «горшок», *карауат* «кровать», *тауар* «товар», *сумаҙан* «чемодан», *картуф* «картофель»,

кирбес «кирпич» и т. д.; в) слова, заимствованные из русского литературного языка в советский период (главным образом общественно-политические, научно-технические термины), в корне или в основе сохраняют русское написание, а присоединяемые к ним аффиксы подчиняются грамматическому строю башкирского языка. Например: *идея — идеялы* «идейный», *идеялылык* «идейность», *революция — революцияның* «революции» и т. д.

Необходимо отметить, что правила орфографии, как показывает двенадцатилетний практический опыт, в основном удовлетворительно разрешили важнейшие вопросы правописания. Новый башкирский алфавит и его графические возможности помогли правильно отразить в орфографии грамматические нормы современного башкирского языка. Но это отнюдь не говорит о том, что мы не должны заниматься дальнейшим улучшением и усовершенствованием нашей орфографии, например, вопросами правописания аффиксов в заимствованных словах, правописания географических названий и т. д. Наименее разработанным разделом башкирской орфографии является вопрос о слитном и раздельном написании сложных слов.

В 1942 г. впервые был составлен и издан «Орфографический словарь башкирского литературного языка» в объеме 8 тыс. слов (Уфа, 1942), который явился значительным вкладом в дело стандартизации орфографических норм башкирского литературного языка. Написана Дж. Киекбаевым первая монографическая работа по орфоэпии башкирского языка, отдельные главы которой были опубликованы на страницах местных журналов.

Значительная работа проведена в области лексикологии и лексикографии. В 1942 г. был издан школьный «Русско-башкирский словарь», составленный Г. Р. Каримовой (Уфа, 1942). Большим событием в истории башкирского языкознания явилось издание большого «Русско-башкирского словаря» под ред. Н. К. Дмитриева, К. З. Ахмерова, Т. Г. Баишева (М., 1948). Словарь состоит из 40 тыс. слов. В ходе составления словаря впервые были подняты и разрешались актуальные вопросы башкирской лексикологии. Например, унифицированы слова и термины, употребляемые в башкирском литературном языке, и подобраны новые термины для перевода русских слов, не имеющих своих эквивалентов в башкирском языке; дифференцированы значения отдельных слов, употребляемых в литературном языке обычно лишь с одним значением; дифференцированы значения синонимов. Следовательно, была проведена большая работа по выработке и установлению лексических норм башкирского литературного языка. Кроме того, уточнены формы и значения некоторых грамматических категорий (категория вида, относительного прилагательного, наречия и т. д.).

В настоящее время сектором языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР составляется «Башкирско-русский словарь». Прежде чем приступить к составлению словаря, был создан словник. Для этого подверглись изучению: а) материалы лингвистических экспедиций; б) язык художественных произведений башкирских писателей и башкирского фольклора; в) язык переводов трудов классиков марксизма-ленинизма и произведений русских писателей на башкирский язык; г) язык стабильных учебников, научно-популярной литературы и периодической печати. Картотека словаря состоит из 80 тыс. единиц. Работа по составлению и редактированию будет завершена в 1953 г.

Важное значение имеет издание терминологических словарей. Создание научно-технической литературы, составление стабильных учебников на башкирском языке вызвали необходимость выработки научно-технических и общественно-политических терминов. Прежде всего были выработаны принципы построения терминологии. Основными источниками ее построения являются: богатый словарный состав башкирского языка и его диалектов и русская, а также международная общественно-политическая и научно-техническая терминология.

Терминологические словари составляются Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР и после одобрения Ученым советом института и Президиумом филиала рассматриваются и утверждаются Правительственной терминологической комиссией. За последние годы составлены терминологические словари по математике, химии, физике, географии, ботанике, зоологии. Кроме того, в этом году будет завершена работа по составлению терминологических словарей по лесному делу, астрономии, литературе и юстиции. Работу в области терминологии нельзя считать достаточной, так как по ряду отраслей науки терминология на башкирском языке еще далеко не установлена, например, общественно-политическая терминология, термины по нефти, по сельскому хозяйству и т. д.

Первая систематическая школьная грамматика башкирского языка вышла после исторического постановления ЦК ВКП(б) о стабильных учебниках, т. е. в 1933 г. К настоящему дню написаны и изданы учебники по грамматике башкирского языка для I—VII классов средних школ, для педагогических училищ и опубликован ряд научно-исследовательских статей, а также монографических работ, например: «Грамматика башкирского языка» члена-корр. АН СССР, проф. Н. К. Дмитриева (издана на русском и на башкирском языках). Этот труд крупного тюрколога-башкироведа является ценным вкладом в башкирское языкознание. Написано несколько кандидат-

ских диссертаций: К. З. Ахмеров, «Современный башкирский язык. Ч. I. Части речи» (1945, рукопись); А. И. Харисов, «Категория глагольных видов в башкирском языке» (Уфа, 1944.); А. И. Чанышев, «Категория прилагательного в башкирском языке» (Уфа, 1948, рукопись) и др.

Господство в недавнем прошлом «нового учения» о языке Н. Я. Марра не прошло бесследно и для башкирского языкознания. Башкирские языковеды в той или иной мере оказались под влиянием этого учения. Поэтому понятно, что вышеуказанные работы и диссертации по башкирскому языкознанию, написанные до выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, не свободны от марровских идей и положений, не говоря уже о программах по языковедным дисциплинам для педагогических вузов республики.

2

С опубликованием гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам науки о языке в истории башкирского языкознания начался новый этап. Языковеды Башкирии развернули научно-творческую работу по развитию башкирского языкознания, по искоренению ошибок, допущенных ими прежде под влиянием антимарксистских, антинаучных положений «нового учения», и добились значительных успехов. Первым мероприятием в этом направлении был пересмотр опубликованных и подготовленных к изданию научных трудов, программ и учебников по башкирскому языку.

Башкирские языковеды прочли на семинарах учителей и научных работников ряд докладов и лекций. Например: Р. Н. Терегулова — «К вопросу образования и развития башкирского национального языка в свете учения И. В. Сталина»; К. З. Ахмеров— «Основные вопросы грамматики башкирского языка в свете учения И. В. Сталина»; «Основные задачи по разработке башкирского литературного языка в свете учения товарища Сталина»; «Гениальные труды товарища Сталина по языкознанию и задачи по перестройке преподавания родного языка» и др. В печати были опубликованы следующие статьи: Р. Н. Терегулова, «Роль русского языка в обогащении словарного состава башкирского языка» (газ. «Советская Башкирия» 28 февраля 1953 г.); К. З. Ахмеров, «Учение товарища Сталина о грамматическом строе языка» (газ. «Кызыл Башкортостан» 30 мая 1951 г.); Т. Г. Баишев, «Словарный фонд и словарный состав башкирского языка в свете учения товарища Сталина» (журн. «Учитель Башкирии», Уфа, 1951, № 2); Дж. Киекбаев, «К вопросу исторической грамматики башкирского языка» (журн. «Литературная Башкирия», Уфа, 1951, № 5); Дж. Киекбаев, «Синарский диалект» (газ. «Совет Башкортостаны» 7 декабря 1952 г.); А. Г. Кудашев, «Об ошибках в трудах по башкирскому языку и литературе» (газ. «Красная Башкирия» 28 октября 1950 г.); А. И. Чанышев, «Сталинский этап в языкознании» (журн. «Литературная Башкирия», Уфа, 1950, № 12); Г. Рамазанов, «Некоторые вопросы языка башкирской советской поэзии» (журн. «Литературная Башкирия», Уфа, 1951, № 10, 11 и др.); Б. С. Саяргалеев, «Словосочетание» (журн. «Учитель Башкирии», Уфа, 1953, № 1) и др.

Проведена некоторая работа по изучению башкирских диалектов. Научные сотрудники Института истории, языка и литературы выезжали в районы Башкирии для изучения отдельных говоров. Кроме того, кафедра башкирского языка Башкирского пединститута организовала и провела две экспедиции по изучению диалектов и говоров башкирского языка.

Вышел в свет «Орфографический словарь башкирского литературного языка», сост. К. З. Ахмеровым (М., 1952). Изданы терминологические словари: по зоологии, сост. Т. Г. Баишевым (Уфа, 1952); по ботанике, сост. Н. Уразметовым (Уфа, 1952); по географии, сост. М. Хакимовым (Уфа, 1952). Находятся в печати: «Сравнительная грамматика русского и башкирского языков» (Р. Н. Терегуловой и К. З. Ахмерова) и «Записки Института истории, языка и литературы по филологии», т. I.

Несколько языковедов работают над отдельными вопросами научной грамматики башкирского языка и башкирского языкознания. Например: «Служебные слова в башкирском языке» (Б. С. Саяргалеев); «Синтаксис простого предложения» (К. З. Ахмеров); «Влияние русского языка на развитие синтаксиса башкирского языка» (Р. Н. Терегулова); «Категория залога в башкирском языке» (А. Х. Фатыхов).

Однако указанная работа еще далеко не достаточна. До 1953 г. не было организовано ни одной творческой дискуссии по коренным научным проблемам башкирского языкознания. Языковеды Башкирии пока еще не подошли вплотную к изучению таких важнейших научных проблем, как, например, развитие словарного состава современного башкирского языка, диалекты башкирского языка, язык башкирской художественной литературы и т. д. Неразрешенным остается, например, важный вопрос о башкирских диалектах. Как известно, в башкирском языке различается три диалекта: северо-восточный, южный, северо-западный. Диалектологи Башкирии при делении диалектов исходили только из фонетико-морфологических особенностей языка. Например, в одном диалекте говорят *эштэй* «работает», а в другом *эшлэй*; соответственно: *урмандык* «лесная местность» — *урманлык* и т. д. Собранного материала

для классификации диалектов совершенно недостаточно. Товарищ Сталин указывает, что «диалекты местные („территориальные") ...имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд»[1]. Между тем словарный фонд и грамматический строй башкирских диалектов почти еще не изучены. Наконец, необходимо отметить, что до сих пор не налажена постоянная творческая и деловая связь между лингвистическими институтами республики.

В исторических решениях XIX съезда партии перед советской наукой выдвигаются большие задачи, определяемые сталинской программой строительства коммунизма в нашей стране. Языковеды Башкирии, как и все ученые нашей Родины, на основе гениальных трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР», развертывая критику и борьбу мнений, приложат все свои знания и силы, чтобы с честью выполнить задачи, поставленные перед наукой XIX съездом партии.

К. З. Ахмеров

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ НОРМАЛИЗАЦИИ ДАГЕСТАНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

22—26 декабря 1952 г. состоялась научная сессия Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, посвященная вопросам нормализации дагестанских литературных языков.

Эта сессия отличалась не только актуальностью обсуждавшихся на ней вопросов, но и тем, что в ней, кроме представителей республиканских научно-педагогических и культурных учреждений и организаций: Института школ, Института усовершенствования учителей, Пединститута, национальных газет и др., участвовали приглашенные из различных районов республики преподаватели родных языков — аварского, даргинского, кумыкского, лакского, лезгинского и табасаранского. В работах сессии принимали участие также представитель Кабардинской АССР Х. М. Сабанчиев и представитель Черкесской автономной области К. С. Шакрыл.

За два с половиной года, прошедшие со времени выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», дагестанское языкознание достигло некоторых успехов. Труд товарища Сталина помог научным работникам республики освободиться от ошибок, допущенных ими под влиянием антинаучной теории Н. Я. Марра, перестроить всю работу на основе сталинского учения о языке, переработать, дополнить и научно углубить ранее выполненные работы и написать ряд новых исследований. Однако до настоящего времени в Дагестане недостаточно внимания уделялось вопросам, связанным с практическим использованием литературных языков Дагестана (алфавит, орфография, терминология и т. д.). Обобщить накопившийся за истекший период опыт, обсудить нерешенные вопросы, вскрыть и исправить допущенные ранее ошибки в вопросах нормализации литературных языков — таковы были задачи, поставленные перед научной сессией.

В соответствии с этими задачами на пленарных заседаниях сессии были заслушаны доклады: 1) канд. филол. наук Ш. И. Микаилова «Развитие дагестанских литературных языков»; 2) канд. филол. наук М. М. Гаджиева «Вопросы алфавитов и орфографий дагестанских литературных языков»; 3) доктора филол. наук Г. Б. Муркелинского «Состояние терминологической работы в Дагестанской АССР и наши задачи».

Ш. И. Микаилов в своем докладе дал очерк исторического развития литературных языков Дагестана со времени появления на них письменности. Новый этап развития дагестанских литературных языков, коренным образом отличающийся от предыдущих этапов, сказал докладчик, наступил после Великой Октябрьской социалистической революции. В речи на первом съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г., объявляя автономию, И. В. Сталин говорил: «Советская власть знает, что темнота — первый враг народа. Поэтому необходимо создать побольше школ и органы управления на местных языках.

Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины, темноты и невежества, куда их бросила старая Россия»[1*].

Чтобы выполнить это указание вождя, партийная организация Дагестана с первых же дней установления Советской власти поставила языковой вопрос в центре своего внимания. Но правильное разрешение его тормозилось сопротивлением со стороны буржуазно-националистических элементов, прилагавших все усилия, чтобы навязать дагестанским народам тюркский язык вместо их родных языков.

Преодолевая в жестокой борьбе сопротивление буржуазных националистов и выполняя исторические указания И. В. Сталина, на основе правильного и последовательного осуществления ленинско-сталинской национальной политики партии даге-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 43.
[1*] И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 396.

станская партийная организация и правительство обеспечили основным языкам народов Дагестана возможность успешного литературного развития.

Несмотря на серьезные помехи со стороны последователей и «учеников» Н. Я. Марра, пытавшихся разрешать вопросы языка на основе порочных антимарксистских положений так называемого «нового учения» о языке, достигнуты большие успехи в совершенствовании грамматики и обогащении словарного состава молодых литературных языков Дагестана. Однако неразрешенность ряда вопросов графики и орфографии, отсутствие терминологической работы и т. п. задерживают упорядочение и совершенствование норм литературных языков.

Актуальные вопросы алфавитов и орфографий дагестанских языков были освещены в докладе М. М. Гаджиева. Перевод письменности дагестанских языков на основу русской графики, как подчеркивал докладчик, имел для трудящихся Дагестанской республики огромное политическое и культурное значение. Существующие ныне алфавиты намного облегчили широким массам трудящихся задачу овладения грамотой как на родном, так и на русском языках, а следовательно, и задачу повышения уровня знаний и приобщения к самой высокой и передовой в мире русской культуре. Они обеспечили также возможность лучше и легче организовать печатно-издательские работы на дагестанских языках.

Тем не менее существующие алфавиты дагестанских языков, сказал М. М. Гаджиев, нельзя считать совершенными. Они имеют ряд недостатков, основным из которых является наличие в алфавитах большого количества буквосочетаний, составленных из двух знаков для выражения на письме специфических звуков дагестанских языков. Нередко в буквосочетании для выражения одного только звука количество знаков достигает трех, четырех и даже пяти. Например, в аварском языке мы имеем 13 двухбуквенных и четыре четырехбуквенных обозначения, а лабиализация трех звуков дает еще пятибуквенные обозначения. Так, в словах *цIцIва* «звезда», *чIчIвад* «бук» смычно-гортанный геминированный лабиализованный звук обозначен пятью знаками.

Со времени принятия существующих алфавитов делались некоторые попытки улучшения их: 1) во все алфавиты введена буква *ё* для употребления в заимствуемых из русского языка словах типа *ёлка*, *пулемёт*, *лётчик*; 2) та же буква в кумыкском алфавите, кроме того, используется: а) для обозначения сочетания двух звуков *й* + *о* в начале кумыкских слов (*ёлдаш*) и б) для замены двузначной буквы *оь*, обозначающей губной широкий гласный звук переднего ряда, во всех случаях, кроме начальной позиции; 3) в том же кумыкском алфавите частично, в определенной позиции, устранен твердый знак из состава двузначной буквы *vъ*; 4) в лакский алфавит дополнительно принята буква *хI* для обозначения фарингального глухого щелевого согласного звука.

Вопрос о дальнейшем улучшении алфавитов следует разрешать, не выходя за рамки русской графики и не допуская излишней, не оправдываемой практическими задачами перегрузки алфавита.

В своем докладе М. М. Гаджиев указывал, что при разрешении ряда общих для всех дагестанских языков основных вопросов орфографии, таких, как, например правописание заимствуемых из русского языка слов, необходимо обеспечить максимальное сближение орфографий родных языков с русской. Но при этом нельзя забывать, что каждый язык имеет свой собственный, веками сложившийся грамматический строй и развивается по своим внутренним законам. Поэтому, в частности, попытки некоторых товарищей насильственно изменить этот грамматический строй, навязывая несвойственные ему грамматические роды и родовое согласование русского языка, находятся в прямом противоречии с известными положениями сталинского учения о языке.

Г. Б. Муркелинский в своем докладе охарактеризовал состояние терминологической работы и наметил пути дальнейшего ее улучшения. Основной базой обогащения словарного состава дагестанских языков, говорил докладчик, должны служить собственные ресурсы каждого языка, а источником заимствования — русский язык. При этом необходимо избегать заимствований при наличии эквивалентных слов в родном языке, но в то же время надо вести решительную борьбу против введения надуманных слов, непонятных широким массам. Необходимо оберегать языки Дагестана от засорения их чуждыми народу арабо-ирано-тюркскими словами; надо оставлять в языках лишь те из этих слов, которые органически вошли в словарный состав родного языка.

В докладах были вскрыты и подвергнуты обстоятельной критике буржуазно-националистические тенденции в работах канд. филол. наук А. Н. Батырмурзаева, а также ошибки, допущенные им под влиянием так называемого «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра. А. Н. Батырмурзаев в прошлом выступал в печати как ярый сторонник навязывания всем народам Дагестана «кумыкско-тюркского» языка в качестве государственного, восхваляя его преимущества перед русским языком и отрицая способность всех остальных языков Дагестана стать литературными языками. А когда народности Дагестана, дав отпор пантюркистам и буржуазным националистам всех мастей, начали развивать свою школу и литературу на родных языках,

одновременно усилив изучение русского языка, А. Н. Батырмурзаев стал пропагандировать в своих учебниках и выступлениях антинаучную теорию Н. Я. Марра о классовости языка и о надстроечном характере его.

Эти грубейшие ошибки А. Н. Батырмурзаева в свое время нанесли значительный ущерб развитию дагестанских литературных языков. Однако он нашел возможным молчать о них даже после выхода в свет гениального труда И. В. Сталина по вопросам языкознания, ни устно, ни письменно не выступал с критикой своих ошибок, тогда как все другие языковеды Дагестана пересмотрели свои работы, обнаружили свои ошибки и занялись исправлением и преодолением их. Даже на этой сессии, когда другие языковеды подвергли его работу справедливой критике, А. Н. Батырмурзаев, как показали его несамокритичные выступления, не до конца осознал сущность своих ошибок.

В прениях по докладам на пленарном заседании выступило около 20 научных и литературных работников и преподавателей родных языков. Выступавшие подвергли справедливой критике существующую литературу по вопросам нормализации дагестанских языков, указали на ошибки, допущенные научными работниками Института истории, языка и литературы, и сделали ряд конкретных замечаний и предложений по вопросам упорядочения алфавитов, орфографий и терминологии.

Оживленные прения вызвал вопрос о правописании заимствуемых из русского языка слов. Х.М.Сабанчиев и К. С. Шакрыл поделились опытом работы своих институтов в разрешении вопросов орфографии, в частности правописания русских заимствований.

В промежутке между пленарными заседаниями работали секции по шести литературным языкам. Они детально обсудили все конкретные вопросы алфавитов и орфографий каждого языка и приняли соответствующие решения. Все секции еще раз подтвердили и обосновали решения предыдущих орфографических конференций о развитии литературных языков на базе диалектов, ныне лежащих в их основе, лишь несколько уточнив по отдельным языкам (аварский и кумыкский) территорию распространения этих диалектов.

В лезгинской секции был поднят вопрос о замене названия литературного диалекта «гюнейский» названием «кюринский», так как первое наименование будто бы не дает ясного представления о диалекте. Однако, ввиду недостаточной изученности этого литературного диалекта и территории его распространения, секция решила отказаться от названия «кюринский».

По вопросам алфавита принят ряд конкретных решений. Аварская секция большинством голосов решила дополнительно ввести в аварский алфавит букву *лI* для обозначения одной из фонем латерального ряда. В том же алфавите решено вместо четырехзначных обозначений *цIцI* и *чIчI* для геминированных звуков употреблять двузначные *ць* и *чь*, буквосочетание *кIкI* заменить сочетанием *Iк*.

Лезгинская секция отвергла предложение научного сотрудника Института школ Н. А. Ахмедова о дополнении лезгинского алфавита новыми буквами *хI* и *гI*, так как обозначаемые этими буквами звуки (фарингальный щелевой согласный ح и арабский айн ع) в литературном диалекте вовсе отсутствуют, а в некоторых других диалектах встречаются лишь в словах, заимствованных из арабского языка.

Отвергнуты также предложения отдельных членов даргинской секции о дополнении даргинского алфавита буквосочетаниями *аь* (для обозначения широкого глоттизованного гласного), *пI* (для смычно-гортанного взрывного согласного) и *зI* (для звонкой аффрикаты *дз*). Таким образом, алфавиты дагестанских языков, за исключением аварского, оставлены без каких-либо существенных изменений и дополнений.

Из вопросов орфографии, обсужденных или разрешенных на секциях, следует отметить, как наиболее важные, следующие: вопрос о правописании основ и падежных окончаний с беглыми гласными, о раздельном и слитном написании слов, об обозначении геминированных согласных (аварский язык) и о правописании заимствуемых русских слов и их грамматических окончаний.

По вопросу о правописании русских заимствований, являвшемуся предметом длительных споров и обсуждений с самого начала создания письменности на дагестанских языках, все секции, за исключением даргинской, пришли почти к единому мнению. Решено:

1. Основы заимствованных русских слов писать в орфографической форме, принятой в русском языке.

2. Из этого правила исключаются русские слова, давно вошедшие в дагестанские языки; они пишутся в той форме, какую приняли в заимствовавшем языке, подчинившись его законам, например: *картуф*, *пич*, *шуьшка* в лезгинском языке вместо *картофель*, *печь*, *шашка* (оружие).

3. Окончания существительных в им. падеже ед. числа также писать в русской орфографической форме, изменяя при склонении по грамматическим законам заимствовавшего языка.

4. Родовые окончания русских относительных прилагательных, если они заимствуются вместе с суффиксами, отбрасываются и прилагательные пишутся в одной

неизменной форме, соответствующей произношению в заимствующем языке; этому же правилу подчиняются существительные, образовавшиеся от прилагательных и причастий, если они не являются собственными именами; последние пишутся с полным сохранением русской формы, например: *социалистически революция* (общество, реализм), *существительни*, *прилагательни*, но: *М. Горький*, *Н. К. Крупская* и т. д.

Одна лишь даргинская секция приняла решение во всех случаях сохранить русскую орфографическую форму основ и грамматических окончаний вплоть до родового согласования в им. падеже ед. числа, например: *социалистическая революция*, *социалистическое общество*, *социалистический реализм*.

Заслуживает особого внимания также вопрос об обозначении так называемых классных показателей в глаголах табасаранского языка. Система грамматических классов в диалектах очень неустойчива, причем она подверглась наибольшему разрушению в глаголах. Классные показатели в глаголах в одних говорах вовсе не употребляются, в других обозначаются непоследовательно. Поэтому при составлении первого свода орфографических правил табасаранского языка с участием покойного проф. А. Н. Генко, изучавшего диалекты этого языка, было принято решение не употреблять в литературном языке классные показатели в глагольных формах, как отличающиеся большой сложностью и неустойчивостью в разных наречиях табасаранского языка. Ныне в табасаранской секции большинством голосов решили обозначать классные показатели и в глагольных формах. Однако один из шести членов секции остался сторонником прежнего решения и в пользу его выставил ряд доводов, ссылаясь при этом на мнение некоторых преподавателей родных языков, не попавших на сессию. Очевидно, вопрос нуждается в дополнительном изучении, после чего будет возможно принять определенное решение. На заседаниях языковых секций были внесены уточнения также в ряд других правил орфографии.

На заключительном пленарном заседании сессия, подытожив работу секций, приняла развернутую резолюцию и признала необходимым, прежде чем применить на практике принятые изменения и дополнения к алфавитам и орфографическим правилам, обсудить их в Институте языкознания АН СССР и на Ученом совете Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, а затем представить в соответствующие органы правительства для утверждения в законодательном порядке.

Научная сессия Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР явилась большим событием в культурной жизни республики и дала весьма положительные результаты. Во всех докладах, выступлениях и в принятой резолюции подчеркивалось стремление способствовать совершенствованию и обогащению литературных языков, которым принадлежит чрезвычайно важная роль в выполнении исторических задач, намеченных XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза и вытекающих из гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

М. М. Гаджиев и Ш. И. Микаилов

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

С 26 по 31 января 1953 г. в Улан-Удэ происходила конференция по основным вопросам бурят-монгольского языкознания, созванная Бурят-монгольским научно-исследовательским институтом культуры. В работе конференции приняли участие научные работники Бурят-Монголии, Иркутска, Ленинграда и Москвы, преподаватели бурят-монгольского языка в средних школах, писатели и артисты, журналисты и переводчики, представители партийных, советских и общественных организаций республики.

Конференция открылась докладом доктора филол. наук Г. Д. Санжеева «Грамматический строй бурят-монгольского языка в свете учения И. В. Сталина о языке». Докладчик охарактеризовал огромное значение работ И. В. Сталина о языке для бурят-монгольского языкознания. Все еще неудовлетворительное состояние бурят-монгольского языкознания он объяснил наличием в прошлом марровских ошибок в работах лингвистов-бурятоведов. Г. Д. Санжеев, Д. А. Алексеев и др. лингвисты в прошлом пытались объяснить с позиций «теории» стадиальности Н. Я. Марра специфические черты бурят-монгольского языка, доказывая, что он якобы находится на более низкой стадии развития, чем индоевропейские языки. Части речи бурят-монгольского языка трактовались Д. А. Алексеевым на основе порочных схем Марра — Мещанинова, в силу чего имена типа *модон* «дерево» по выполняемым ими синтаксическим функциям оказывались то существительными, то прилагательными.

Переходя к спорным вопросам грамматики бурят-монгольского языка, докладчик рекомендовал при классификации имен руководствоваться лексико-грамматическим принципом и пытался установить в бурят-монгольском языке наличие следующих именных частей речи: 1) существительных, в форме своей основы не могущих выступать

в функции определений других имен; 2) предметных имен, выступающих в роли определений других имен путем простого примыкания; 3) прилагательных, обозначающих признак только предмета; 4) качественных имен, обозначающих признак как предмета, так и действия[1].

Докладчик особо остановился на явлениях перехода отдельных имен прилагательных в категорию имен существительных, при котором прилагательные теряют присущие им грамматические свойства (например, участие в конструкциях сравнения) и обозначают уже не признак предмета, а предмет по какому-либо его признаку. Например, *хара* «черный», *сагаан* «белый» переходят в разряд имен существительных соответственно со значениями «злоба» и «белок». Эти явления, по мнению докладчика, не следует смешивать со случаями окказионального употребления имен прилагательных вместо существительных, поскольку они при этом не теряют свои грамматические свойства. Равным образом, отдельные имена существительные становятся прилагательными, если они, обозначая не предмет, а признак предмета, приобретают грамматические свойства последних, например, *ногоон* «трава» со значением «зеленый» может участвовать в конструкциях сравнения или принимать частицы усиления (*ноб-ногоон* «презеленый» по аналогии с *хаб-хара* «пречерный»). Таким образом, переход отдельных слов из одной лексико-грамматической категории в другую не осуществляется в синтаксисе, а лишь проявляется в нем, и только при таком понимании явлений языка возможно четко определить границы между морфологией и синтаксисом.

Докладчик подчеркнул далее необходимость уточнения классификации глагольных форм. В учебных пособиях по бурят-монгольскому языку одна и та же форма иногда именуется различно; например, причастие будущего времени именуется то изъявительной формой, то причастной. В бурят-монгольском языке, по мнению докладчика, устанавливаются следующие глагольные формы:

1) формы описательно-повествовательного или изъявительного наклонения;
2) формы обращения или повелительно-желательного наклонения;
3) причастия;
4) деепричастия, выражающие как сопутствующие действия, так и обстоятельственные (формы на *-бал* со значением «если», *-тар* «пока не», *-мсар* «как только» и т. д).

Касаясь проблем синтаксиса бурят-монгольского языка, Г. Д. Санжеев указал, что до последнего времени некоторые лингвисты при трактовке вопроса о сложноподчиненном предложении руководствовались не нормами бурят-монгольского языка, а переводом на русский язык причастных и деепричастных оборотов или же наличием в этих оборотах «своего» особого подлежащего. Такой подход к материалам языка не позволил исследователям усмотреть наличие подлинных придаточных предложений. Сейчас уже можно говорить о придаточных предложениях, с одной стороны, и причастных и деепричастных оборотах — с другой. В рамках школьных пособий не следует проводить грани между полными и неполными причастными и деепричастными оборотами. Полные причастные и деепричастные обороты — это обороты, имеющие свое особое подлежащее, что связано с особым оформлением самого причастия или деепричастия.

Докладчик также предостерегал против смешения сложных предложений с так называемым синтаксическим целым. Последнее представляет собой два предложения, связанных не грамматически, а только логически. Формально связь между предложениями синтаксического целого осуществляется при посредстве ссылочных слов.

Существующие учебники синтаксиса бурят-монгольского языка в ряде случаев требуют, по мнению докладчика, уточнения и некоторой разгрузки от излишнего материала. Об этом же говорил и проф. Т. А. Бертагаев, после окончания работы конференции сделавший доклад о синтаксисе бурят-монгольского языка.

С содокладом «О преподавании грамматики бурят-монгольского языка в школах» выступил министр просвещения Бурят-Монгольской АССР канд. пед. наук И. В. Баранников, подчеркнувший, что школа испытывает большие трудности, обусловленные недостаточной изученностью грамматического строя бурят-монгольского языка и отсутствием научной и нормативной грамматик, составленных на основе сталинского учения о языке. Вследствие этого в школьных грамматиках до сих пор не уточнены части речи, их формы и категории, структура предложения, причастные и деепричастные обороты и некоторые вопросы фонетики, орфографии и пунктуации.

И. В. Баранников остановился также на трудностях, возникающих вследствие многодиалектности бурят-монгольского языка. Население западных и южных районов плохо понимает литературный язык, преподавание часто ведется на местных диалектах. Нет единства у преподавателей родного языка и преподавателей других предметов. Первые на уроках пользуются литературным языком, а вторые — своими родными диа-

[1] Подробнее точка зрения Г. Д. Санжеева изложена в его статье «К проблеме частей речи в алтайских языках», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 84—102.

лектами, иногда непонятными для учащихся, которые, как правило, также пользуются местными диалектами, что сильно затрудняет развитие литературного языка. Большим пробелом в бурят-монгольском языкознании является отсутствие научно разработанной орфоэпии.

В прениях по первому вопросу больше всего говорилось о частях речи. Многие ораторы возражали против стремления Г. Д. Санжеева выделить имена предметные в особую категорию, отличающуюся от категории имен существительных, поскольку, по их мнению, такое выделение не является достаточно обоснованным в теоретическом отношении.

Больше всего возражений было связано с вопросами методики; указывалось, что классифицировать имена по четырем разрядам, установленным Г. Д. Санжеевым, трудно и что в таком большом количестве именных групп школьнику легко запутаться. Было решено в школьных грамматиках сохранить только две именные части речи: *юумэнэй нэрэ* (буквально: имя предмета) и *тэмдэгэй нэрэ* (имя признака), первая из которых покрывает и существительные и предметные имена, а вторая — прилагательные и качественные имена (по классификации Г. Д. Санжеева).

До сих пор дело обстояло таким образом, что грамматические термины *юумэнэй нэрэ* и *тэмдэгэй нэрэ* на русский язык соответственно переводились или как имена существительные и прилагательные, или как имена предметные и качественные, что зависело от взглядов языковеда. Иными словами, споры в основном возникали только тогда, когда соответствующие именные части бурят-монгольского языка сопоставлялись с соответствующими частями речи русского языка, если не считать того, что некоторые монголисты слова типа *модон* «дерево» определяли по выполняемой ими синтаксической функции то как имена существительные, то как имена прилагательные.

С изложением своей особой точки зрения выступил канд. филол. наук Д. А. Алексеев, устанавливающий наличие в бурят-монгольском языке только имен существительных и прилагательных, что само по себе не встретило особого возражения. Но участники конференции отметили, что Д. А. Алексеев по сути дела придерживается чисто синтаксического принципа определения частей речи, отвергнутого в настоящее время нашей наукой.

В соответствии с таким «принципом» Д. А. Алексеева одни и те же слова оказываются то именами существительными (*модон ургажа байна* «дерево растет»), то именами прилагательными (*модон байшан* «деревянный дом»). Против такого «кочевания» всех слов по различным разрядам имен и переводного метода решительно возражали многие участники конференции, исходя из соображений теоретического и практического характера, поскольку такой подход к явлениям языка не дает возможности провести четкой грани между морфологией и синтаксисом.

Участники конференции единодушно осуждали учебники, выдающие одни и те же глагольные формы то за причастные, то за изъявительные. Многие преподаватели родного языка указывали, в какое ложное и затруднительное положение ставят их авторы учебников, излагающие материал о глагольных формах в таком духе.

Трактовка вопроса о сложном предложении, данная в учебниках бурят-монгольского языка, не вызвала особых возражений. И здесь критике подверглась главным образом методическая сторона учебников. Учителя жаловались на большой объем и сложность синтаксического материала, указывали на трудности, возникающие при прохождении его в небольшие сроки, предусмотренные учебным планом. Правда, Д. А. Алексеев настаивал на том, чтобы из учебных грамматик совсем устранить понятия о причастных и деепричастных оборотах, которые, по его мнению, должны трактоваться как придаточные предложения. Но этот взгляд не встретил поддержки у большинства участников конференции.

Конференция пришла к выводу о необходимости коренной перестройки всей научно-исследовательской работы по бурят-монгольскому языкознанию в свете учения И. В. Сталина о языке. Одной из первоочередных задач признано создание фундаментальной научно-описательной грамматики бурят-монгольского языка, основанной на сталинском учении о языке. В этой грамматике должны быть разрешены многие неясные и спорные проблемы, касающиеся различных категорий и разрядов внутри именных частей речи и глагола (виды, наклонения), уточнены вопросы о типах предложения (простого и сложного), о причастных, деепричастных и именных оборотах и определены лексико-грамматические признаки различных категорий бурят-монгольского языка в форме, доступной для легкого и быстрого восприятия в ходе школьного преподавания.

Вместе с тем на конференции выявилось, что методика преподавания родного языка страдает существенными недостатками, ибо, например, механическое перенесение методических приемов преподавания грамматики русского языка в преподавание грамматики бурят-монгольского языка сильно затрудняет учителей при истолковании имен типа *модон* «дерево» или *тумэр* «железо».

Доклад «О территориальных диалектах бурят-монгольского языка» сделал канд. филол. наук Д. А. Алексеев, устанавливающий в современном бурят-монгольском языке наличие следующих диалектов: 1) хоринский, 2) селенгинско-иволгинский,

3) цонголо-сартульский, 4) кабанский, 5) баргузинский, 6) тункинский, 7) эхирит-булагатский, 8) качугский, 9) боханский, 10) аларско-унгинский и 11) нижнеудинский.

Против такой классификации диалектов бурят-монгольского языка, от которой по существу не отличается и классификация Г. Д. Санжеева, возражали многие участники конференции; некоторые ораторы говорили о наличии лишь четырех диалектов: западного, восточного, прибайкальского и южного.

Однако позиции обеих сторон были слабо обоснованы материалом, преобладал глазомерный подход, никто из выступавших не располагал достаточным количеством объективных данных, необходимых для решения вопросов диалектологии. Ни история возникновения диалектов, ни отношение их к литературному языку не были прослежены с достаточной полнотой. Остался не выясненным до конца вопрос о том, касаются ли лексические различия между диалектами основного словарного фонда или же лежат где-то на периферии их словарного состава.

Конференция отметила необходимость планомерного изучения диалектов и говоров бурят-монгольского языка, научного определения различий между диалектом и говором и разработки самой методики диалектологического исследования. Практическими результатами такого изучения должны явиться диалектологические карты и диалектологический словарь. Главное же внимание лингвистов надлежит сосредоточить на изучении таких кардинальных вопросов, как взаимодействие литературного языка и местных диалектов, пути и методы дальнейшего развития нового литературного языка и преодоления многодиалектности.

С докладом «О переводах общественно-политической литературы с русского языка на бурят-монгольский» выступил канд. филол. наук Ц. Б. Цыдендамбаев, подчеркнувший большое значение, которое имеет для бурят-монгольского народа литература, переводимая с русского языка. В республике переводится большое количество произведений классиков марксизма-ленинизма, общественно-политической, научно-популярной, учебной и художественной литературы. Естественно, что проблемы перевода с русского языка на бурят-монгольский привлекли к себе серьезное внимание участников конференции.

В прошлом много вреда переводческому делу причинили буржуазные националисты-панмонголисты. Они придерживались пуристических позиций, всячески избегая заимствования русских слов, но охотно употребляя старомонгольские слова и архаические грамматические формы старомонгольского письменного языка. Все это делало язык переводов мало понятным для массового читателя. К тому же для их «работ» характерно было злонамеренное переводческое своеволие, недопустимое вредительское искажение оригинала переводимого текста.

Положение с переводами резко изменилось после разгрома буржуазных националистов и с ростом новых кадров национальной интеллигенции, а также с принятием хоринского диалекта в качестве основы бурят-монгольского языка и созданием новой письменности на базе русской графики. Переводчики стали бережно относиться к оригиналу, внедрять и широко использовать русские и интернациональные термины, уже усвоенные широкими массами бурят-монголов.

Однако в конце тридцатых годов наметилось чрезмерное увлечение заимствованием таких русских слов, которые имели свои эквиваленты в бурят-монгольском языке. Нормализовалось положение с заимствованиями лишь в сороковых годах. С другой стороны, бережное отношение к оригиналу часто подменялось буквализмом, затруднявшим понимание читателем переводной литературы.

За последние годы, как отметил докладчик, качество переводов (например, документов XIX съезда Коммунистической партии, материалов газеты «Правда» и т. д.) заметно улучшилось. Однако и самые лучшие переводы все еще не свободны от недостатков. В настоящее время переводчикам нельзя ограничиваться простой передачей смысла, необходимо передавать и стиль оригинала.

В заключение докладчик высказался за создание необходимых для переводчиков словарей (русско-бурятского, словаря синонимов, терминологического и т. д.), за подготовку и издание работ, обобщающих и теоретически освещающих практику перевода, за организацию курсов переводчиков, за широкое и обязательное обсуждение переводов и их рецензирование.

На конференции выступили многие переводчики и редакторы, полностью подтвердившие справедливость основных положений доклада, целесообразность и своевременность предложений докладчика. Из выступлений явствовало, что республика располагает квалифицированными переводческими кадрами, которые хорошо понимают, какая ответственность лежит на них, и прилагают все усилия к тому, чтобы дать высококачественные переводы. Однако переводчики не получают помощи со стороны лингвистов, не располагают даже самыми необходимыми пособиями и вынуждены в ряде случаев действовать вслепую. Следовательно, неудовлетворительное состояние с переводами обусловлено главным образом отсутствием исследовательской работы в области теории перевода.

Конференция высказалась также за организацию при Бурят-монгольском научно-исследовательском институте культуры сектора перевода и терминологии.

Последним был заслушан доклад канд. филол. наук Д. Д. Амоголонова «Об улучшении правописания бурят-монгольского литературного языка». Докладчик отметил, что создание нового литературного языка на базе хоринского диалекта и новой письменности на основе русской графики явилось мероприятием большого политического и культурного значения. Ныне действующие орфографические правила, существующие уже свыше 12 лет, свидетельствуют о том, что вопросы графики и орфографии решены вполне удовлетворительно, а потому нет никакой необходимости в коренной ломке основ орфографии. Речь может идти лишь о дополнении, улучшении, упрощении и более точной и ясной формулировке правил орфографии.

Д. Д. Амоголонов внес ряд предложений, имеющих целью усовершенствование орфографии. Его предложения, в частности, касались: 1) обозначения краткого гласного (ныне в письме опускаемого) после согласного *б* в основе слов типа *убэгэн* вместо *убгэн* «старик» и правописания существительных, образованных от глаголов (*бэлдэхэ — бэлэдхэл* «заготовка», *урдаха — урадхал* «течение» и т. д.); 2) обозначения палатализации согласных перед твердыми согласными в словах типа *олитрог* «остров» вместо *олтирог*; 3) употребления знака *ы* лишь в тех случаях, где ясно слышится соответствующий звук, и замены его в остальных случаях дифтонгами (*угэй* «нет» вместо *угы*; *дугуй* «мостик» вместо *дугы* и т. п.).

Предложения относительно раздельного и слитного написания парных слов и слов с послелогами сводятся к следующему. Слитное написание применять только в тех случаях, когда оно давно укоренилось и стало традиционным. Вообще же следует соблюдать раздельное написание парных слов и слов с послелогами.

Одно из предложений шло по линии унификации грамматических форм. Орфография глагольной формы обращения 1-го лица мн. числа встречает в практике немало трудностей. Докладчик предложил во всех случаях конечный гласный этой формы обозначать через *е* (*ошое* «идемте» вместо *ошоё*; *ябае* «пойдемте» вместо *ябая* и т. д.).

Далее докладчик коснулся алфавита, предлагая изменить функции *у* и *ү*, передавая буквой *у* гласный среднего ряда, а *ү* — заднего. Руководствовался он в данном случае теми соображениями, что бурятский гласный среднего ряда *ү* якобы более близок к русскому *у*, нежели бурятский же *у*. Однако это предложение встретило единодушное возражение участников конференции.

Наконец, Д. Д. Амоголонов остановился на вопросе о правописании заимствованных слов, имен собственных и названий, косвенных падежей заимствованных имен существительных и т. д. Он предлагал в заимствованных словах сохранять в основном русскую орфографию. Слова, оканчивающиеся на *-ия*, *-ие*, *-ий*, утрачивают конечную гласную, сохраняя только *и*. В именах же прилагательных сочетания *-ый*, *-ий* заменяются во всех случаях буквой *а* (*партийна*, *экономическа*). Косвенные падежи образуются соответственно правилам бурят-монгольского языка, а гласные падежных окончаний уподобляются ударной гласной основы слова (*партяар* «партией», *экономикоор* «экономикой»).

Конференция согласилась с докладчиком в вопросе о необходимости усовершенствования орфографии, хотя некоторые из его положений и вызвали серьезные возражения со стороны выступавших. Раздавались голоса протеста против замены *ы* дифтонгом, ибо в этом усматривали возврат к пройденному этапу. Положения Д. Д. Амоголонова о правописании заимствованных слов были выслушаны с большим интересом и вниманием, однако они все же вызывали некоторые недоумения, так как эти положения, особенно в части косвенных падежей, были сформулированы докладчиком недостаточно четко и убедительно.

Естественно, что такая широкая конференция не смогла за один день детально разобраться во всех поднятых Д. Д. Амоголоновым вопросах и сформулировать какие-то практические решения. Педагогическому институту им. Д. Банзарова, Бурят-Монгольскому научно-исследовательскому институту культуры, Министерству просвещения Бурят-Монгольской АССР и другим заинтересованным организациям было рекомендовано составить «Свод правил по бурят-монгольской орфографии» и «Орфографический словарь», учтя предложения докладчика и соображения товарищей, выступавших в прениях.

На заключительном заседании была принята резолюция о состоянии и очередных задачах бурят-монгольского языкознания, основные положения которой приводились выше в связи с изложением содержания докладов и хода прений.

Конференция, как отмечается в резолюции, явилась крупным событием в культурной жизни республики. Она показала рост лингвистических кадров и большой интерес общественности к вопросам языкознания и родному языку. На конференции присутствовали сотни людей, в прениях выступило свыше 80 человек, работа конференции широко освещалась республиканской печатью и радио.

Конференция отметила, что соответствующие институты Академии наук СССР и лингвистические кафедры ленинградских и московских вузов уделяют мало внимания изучению бурят-монгольского языка, а языковеды республики крайне медленно перестраивают свою работу в свете учения И. В. Сталина о языке, работают разоб-

щенно, в их среде слабо развита критика и самокритика, редко проводятся дискуссии по основным вопросам бурят-монгольского языка, а дискуссии, состоявшиеся в прошлом, не дали ожидаемых результатов, поскольку они велись на порочной методологической основе.

Призвав к немедленному изжитию этих недостатков, конференция указала на необходимость быстрее преодолевать марровские ошибки, имеющиеся в работах бурятоведов, решительно внедрять марксизм во все отрасли бурят-монгольского языкознания и на этой основе изучать пути дальнейшего развития бурят-монгольского литературного языка, его обогащения за счет диалектов и преодоления многодиалектности, глубоко и всесторонне исследовать закономерности возникновения, развития и современного состояния бурят-монгольского языка, его грамматического строя и основного словарного фонда, его диалектов и говоров.

Большие и ответственные задачи в области развития языкознания стоят перед научно-исследовательскими учреждениями Бурят-Монгольской АССР. Целый ряд актуальных проблем бурят-монгольского языкознания, поднятых конференцией, требуют неотложного решения. После выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию языковеды-бурятоведы добились, как свидетельствует только что прошедшая конференция, лишь первых успехов. Вооруженные сталинским учением о языке, они должны найти правильное решение сложных вопросов и добиться новых успехов в области дальнейшего развития бурят-монгольского языкознания.

Г. И. Михайлов

СОДЕРЖАНИЕ

За дальнейшее творческое развитие марксистского языкознания 3
О. С. Ахманова. Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания 25

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. П. Евгеньева. К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи 48
Л. И. Жирков. Об основном словарном фонде горских языков Дагестана 69

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

З. Б. Мухаммедова. Замечания о языке переводов русской художественной литературы на туркменский язык 81
Л. Л. Колосс. О предмете стилистики 93

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

И. П. Мучник. К вопросу о характере курса «Введение в языкознание» 100

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

И. М. Ошанин. Китайское языкознание в 1952 году 106
О. П. Петрова. Вопросы языка в Корейской Народно-Демократической Республике 112

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. А. Фессалоницкий. Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления 121
Р. Р. Гельгардт. *С. И. Ожегов.* Словарь русского языка, 2-е изд. . . . 131
В. И. Борковский. *С. Д. Никифоров.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века 139
П. А. Расторгуев. *Т. П. Ломтев.* Белорусский язык 143
Г. В. Степанов. *J. Casares.* Introducción a la lexicografía moderna 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. З. Ахмеров. Языкознание в Башкирии 156
М. М. Гаджиев и Ш. И. Микаилов. Научная сессия, посвященная вопросам нормализации дагестанских литературных языков 159
Г. И. Михайлов. Языковедческая конференция в Бурят-Монгольской АССР 162

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-04815 Подписано к печати 3.VI.1953. Тираж 15000 экз. Зак. 1187
Формат бум. 70×108 1/16 Бум. лист. 5 1/4 Печ. л. 14,38. Уч.-изд. л. 17,3

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Цена 12 руб.

ОТ РЕДАКЦИИ

В журнале «Вопросы языкознания» печатаются статьи, посвященные вопросам общего языкознания, развития языков народов СССР и зарубежных стран, истории отечественного языкознания, разоблачению реакционной сущности буржуазной идеалистической лингвистики, а также дискуссионные материалы по наиболее важным проблемам советского языкознания.

Статьи, опубликованные в других советских или иностранных научных органах, не могут быть напечатаны в «Вопросах языкознания».

Объем статьи не должен превышать, как правило, 1 авт. лист (около 25 стр. машинописи).

Рукописи должны представляться в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанными литературно и подписанными автором с указанием его фамилии, имени и отчества, места работы и адреса.

Все цитаты и ссылки как в тексте, так и в сносках должны быть обязательно снабжены необходимыми сведениями о работе, на которую автор ссылается. Для монографии указываются: автор, название, место издания, издательство, год, страницы. Для статьи — после названия добавляется описание издания, в котором статья помещена.

Авторская правка в сверстанных листах не допускается.

Статьи представляются в редакцию в двух экземплярах, четко переписанными на машинке на одной стороне листа через два интервала.

Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.